
891.79
E936dr
1899
V.1
42
B 862,109
2.8193

П. В. ЕВСТАФІЕВЪ.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(ДО ПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ).

1-й ВЫПУСКЪ:
УСТНАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

УЧЕБНИКЪ ДЛЯ МУЖСКИХЪ и ЖЕНСКИХЪ ИНСТИТУТОВЪ, ГИМНАЗІЙ и УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЙ.

Печатается безъ существ. перемѣнъ съ изданія, одобр. и рекоменд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія Собств. Е. И. В. Канц. по Учрежд. Импер. Маріи и Свят. Синода.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

(ПЕРЕСМОТРѢНО АВТОРОМЪ).

Приложеніе къ выпуску 1-му: Классный сборникъ образцовъ русской народной поэзіи: былинъ, пѣсенъ, сказокъ и пословицъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1899.

П. В. ЕВСТАФІЕВЪ.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(ДО-ПЕТРОВСКІЙ ПЕРІОДЪ.)

1-й ВЫПУСКЪ: УСТНАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

УЧЕБНИКЪ ДЛЯ МУЖСКИХЪ и ЖЕНСКИХЪ ИНСТИТУТОВЪ, ГИМНАЗІЙ и УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЙ.

Печатается безъ существ. перемѣнъ съ изданія, одобр. и рекоменд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія, Собств. Е. И. В. Канц. по У. И. Маріи и Святѣйшаго Сѵнода.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ.

(Пересмотрѣно авторомъ).

Приложеніе къ выпуску 1-му: Классный сборникъ образцовъ русской народной поэзіи: былинъ, пѣсенъ, сказокъ и пословицъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Д. Полубояринова.
1899.

Адресъ издателя: С.-Петербургъ. Шпалерная, 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ 1-му выпуску ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ гимназическомъ курсѣ отечественной словесности сжатый очеркъ русской народной поэзіи облегчаетъ учащейся молодежи трудъ систематическаго знакомства съ тѣмъ живымъ матеріаломъ, котораго образовательное и воспитательное значеніе уже опредѣлилось въ педагогическомъ мірѣ. По отзыву одного изъ самыхъ авторитетныхъ педагоговъ (*Буслаевъ:* „Истор. очерки русск. народн. словесности и искусства"), произведенія народной поэзіи дороги народу не потому только, что удовлетворяютъ одни эстетическіе его стремленія и порывы, а потому, что въ этихъ произведеніяхъ онъ чувствуетъ какъ бы дополненіе всему нравственному существу своему; потому, что они срослись въ его сердцѣ со всѣми лучшими, задушевными его помыслами, мечтами и вѣрованьями. Народная поэзія сопутствуетъ народамъ на тяжеломъ историческомъ поприщѣ и — вѣчно юная и свѣжая—постоянно питаетъ въ нихъ высокія стремленія въ область идей. Она убѣждаетъ всякаго, что поэтическое настроеніе есть одна изъ необходимѣйшихъ, непреходящихъ потребностей духовной жизни, какое бы направленіе въ теченіе вѣковъ она ни получила, хотя бы даже исключительно практическое. Поэтому народная поэзія—духовная собственность всѣхъ и каждаго.—Предлагаемый учебникъ пусть помогаетъ учащейся молодежи усвоивать себѣ эту собственность.

Въ настоящемъ, седьмомъ изданіи руководства каждая глава сопровождается небольшою хрестоматіею разобранныхъ, или указанныхъ въ текстѣ, образцовъ народной поэзіи.

П. В. Евстафіевъ.

Августъ 1896 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 22 Сентября 1898 года.

Типографія В Безобразова и К°. (Вас. Остр., 8 л. № 45).

ВВЕДЕНІЕ.

1. Общія понятія о словесности.

(*Начало.*)

Опредѣленіе словесности въ общемъ и частномъ смыслѣ слова. Задача теоріи и исторіи словесности. Три послѣдовательные періода въ развитіи духовной жизни народа.

Подъ именемъ *словесности въ общемъ смыслѣ* слѣдуетъ понимать всю совокупность умственныхъ произведеній народа, выраженныхъ въ словѣ. Слово, какъ орудіе души, находится въ прямой связи съ ея главными силами и преимущественно служитъ для выраженія мыслей. (Въ греческомъ языкѣ однимъ и тѣмъ же именемъ—λογος, *логосъ* — выражаются понятія: и слова, и разума, и вѣдѣнія). Словесность въ общемъ смыслѣ захватываетъ чрезвычайно обширную область; отъ дѣтскаго народнаго лепета о природѣ и человѣкѣ до стройныхъ научныхъ сочиненій о мірѣ и человѣчествѣ, по всѣмъ отраслямъ знаній, законодательства, администраціи, политики и т. д.; отъ безыскусственныхъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ до художественныхъ созданій лирики, эпоса и драмы.

Подъ именемъ *словесности въ частномъ смыслѣ* слѣдуетъ понимать совокупность словесныхъ произведеній преимущественно по части краснорѣчія и поэзіи. Въ такихъ именно словесныхъ произведеніяхъ съ особенной живостью и наглядностью выражается характеръ народа и успѣхи его духовнаго развитія при разныхъ обстоятельствахъ его общественной жизни. Въ этомъ частномъ смыслѣ словесность называется еще *литературой*, *беллетристикой* (belles lettres).

Иногда еще имя *словесности* употребляется въ смыслѣ теоріи словесныхъ произведеній, или — точнѣе — въ смыслѣ теоретическаго изученія словесныхъ произведеній. Въ этомъ смыслѣ *словесность* получаетъ спеціально научное значеніе. *Теорія словесности* занимается изслѣдованіемъ тѣхъ духовныхъ силъ, которыя выражаются въ словесныхъ произведеніяхъ разныхъ народовъ. Цѣль этихъ изслѣдованій заключается въ томъ, чтобы вывести постоянные законы, по которымъ словесныя произведенія во всѣ времена развиваются, а также вывести и общія формы, въ которыхъ являются словесныя произведенія у разныхъ народовъ.

Задача *исторіи словесности* такого-то народа заключается въ томъ, чтобы прослѣдить постепенное развитіе его литературы въ связи съ общественною жизнью. Вообще говоря, между литературою и жизнью тѣснѣйшая связь. Чѣмъ удобнѣе, полнѣе и быстрѣе развивается общественная жизнь, тѣмъ разнообразнѣе, полнѣе и глубже содержаніемъ литературныя произведенія у такого народа. Чѣмъ бѣднѣе содержаніемъ дѣйствительная жизнь, тѣмъ ничтожнѣе и словесныя произведенія у такого народа. Такимъ образомъ, естественный ходъ жизни отражается на словесности и опредѣляетъ ея относительное значеніе. Съ другой стороны и

словесность своимъ содержаніемъ содѣйствуетъ развитію общественной жизни. Она распространяетъ въ обществѣ новыя знанія, лучшія идеи замѣчательнѣйшихъ мыслителей, лучшіе идеалы даровитѣйшихъ поэтовъ. Такимъ образомъ, и литература, съ своей стороны, становится для общества сильнымъ средствомъ къ просвѣщенію. Итакъ, вообще, задача исторіи литературы сводится къ тому, чтобы основательно узнать исторію просвѣщенія того народа. Въ частности задача исторіи русской литературы заключается въ томъ, чтобы разсмотрѣть русскія словесныя произведенія, преимущественно поэтическія, отъ начала до настоящаго времени, въ послѣдовательномъ порядкѣ и въ связи съ развитіемъ русской общественной жизни.

Какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка постепенно переживаются: дѣтство, отрочество, юность и т. д. со всѣми отличительными характеристиками каждой изъ этихъ степеней, такъ и цѣлымъ народомъ обязательно переживаются естественные періоды развитія. Соотвѣтственно съ тѣмъ народъ достигаетъ бо́льшихъ и бо́льшихъ успѣховъ въ просвѣщеніи. Главныхъ періодовъ въ ходѣ постепеннаго народнаго развитія три: *миѳическій*, *героическій* и *историческій*.

Миѳическій періодъ соотвѣтствуетъ самому древнему, первоначальному состоянію народа. Это—его младенчество. Кругомъ природа съ грозными явленіями и съ безконечно-разнообразною производительностью. Ни науки, ни истинной религіи у человѣка въ этотъ первоначальный періодъ еще нѣтъ. Прирожденная каждому человѣку идея высшаго существа, а также и прирожденная любознательность заставляютъ человѣка, при помощи фантазіи, придумывать отвѣты на требованія мысли и на тревоги сердца. Міръ, со всѣмъ своимъ величіемъ и разнообразіемъ, поражаетъ неразвитаго человѣка. Послѣдній принимаетъ различныя физическія явленія за дѣйствія высшихъ, самостоятельныхъ силъ и олицетворяетъ эти силы въ образѣ боговъ и богинь. Отъ нихъ онъ все производитъ, имъ же подчиняетъ какъ все въ природѣ, такъ и себя самого, со всѣми своими свойствами, тѣлесными и духовными. Сначала божества его имѣютъ значеніе слишкомъ широкое и потому неопредѣленное. Они олицетворяютъ собою общія, міровыя силы: небо, землю, солнце, воду, громъ, молнію и т. п.; но потомъ, на бо́льшей степени собственнаго развитія, человѣкъ отчетливѣе вырабатываетъ свою естественную религію. Онъ создаетъ цѣлые миѳы, т.-е. сказанія, въ которыхъ уже видно происхожденіе міра, боговъ и людей, характеръ и дѣятельность боговъ и отношенія ихъ къ міру и людямъ. Богамъ и богинямъ дается уже видимое выраженіе, устанавливается опредѣленное имъ служеніе (*культъ*). Народное воображеніе приписываетъ богамъ человѣческія свойства и человѣческій же образъ дѣятельности. Кромѣ того, божества пріобрѣтаютъ уже и нравственное значеніе, становятся олицетвореніемъ разныхъ нравственныхъ качествъ (мудрости, знанія, справедливости и т. п.) и даже становятся наставниками въ разныхъ отросляхъ человѣческой дѣятельности (земледѣлія, скотоводства, кораблестроенія и т. п.). Миѳы совершенствуются по мѣрѣ развитія народной жизни въ этомъ періодѣ и подъ вліяніемъ особенныхъ условій мѣстной обстановки и природы. Миѳы тѣмъ роскошнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ богаче природа края, гдѣ проходитъ младенческій возрастъ народа. Но богатые, или бѣдные, а вообще миѳы представляютъ собою все нравственное содержаніе первобытнаго періода народной жизни. Въ миѳахъ заключаются: первая религія, первая философія, первая поэзія народа. Оттого-то преданія миѳической старины сохраняются долго и глубоко въ памяти и въ обы-

чаяхъ народа, даже и послѣ принятія новой религіи. Въ низшихъ классахъ почти каждаго христіанскаго народа еще до сихъ поръ сохраняются остатки языческихъ вѣрованій, праздниковъ и обрядовъ. Сравнительно съ миѳологіей древней Индіи, Египта и древней Греціи миѳологія нашихъ языческихъ предковъ бѣдна и ограниченна; однакоже въ жизни русскаго простолюдина и до сихъ поръ сохраняются кое какія повѣрья и обряды языческой старины.

Героическимъ періодомъ называется то время въ жизни народа, когда послѣдній, устраивая свою жизнь, ведетъ двойную борьбу: во-первыхъ, съ природою своей страны, желая покорить ее своему вліянію; во-вторыхъ—съ сосѣдними племенами, желая обезпечить свое имѣніе и независимость, а также и расширить свои владѣнія. Подвиги этого періода навѣки сохраняются въ памяти народной. Люди, которые совершили эти подвиги, возвеличиваются народной фантазіей до значенія божественнаго. Эти *герои* или *богатыри* получаютъ отъ боговъ и нравственныя качества, и нечеловѣческія силы, и несвойственные человѣку внѣшніе размѣры. Таковы напр. греческіе Ираклы, Персеи и др., а русскіе: Святогоры, Волхи, Микулы и даже Муромцы. Героическій періодъ, по своей близости къ періоду миѳическому, богатъ элементами *чудеснаго*. Но чудесное здѣсь не господствуетъ исключительно. Въ характерахъ героевъ обозначаются главнымъ образомъ такія черты, которыя принадлежатъ дѣйствительной природѣ человѣка. Кромѣ того, эти же герои являются олицетвореніемъ народныхъ идеаловъ: красоты, силы, хитрости, терпѣнія, ловкости, мужества и другихъ нравственныхъ качествъ. Однимъ словомъ, это — люди не только *богатые* различными дарованіями, но и способные служить общенароднымъ интересамъ. Этою своею стороною герои, или наши богатыри, служатъ естественною связью между періодомъ героическимъ и періодомъ историческимъ.

Историческимъ періодомъ называется то время въ жизни народа, когда звѣроловство и кочевничество смѣнились правильнымъ земледѣльческимъ бытомъ, племенной бытъ уступилъ мѣсто гражданственности. Люди стали жить селами и городами. Какъ взаимныя отношенія людей, такъ и отношенія народа къ правительственной власти опредѣлились правильными законами, наивное отношеніе къ природѣ смѣнилось наукой и истинною религіей. Этому періоду свойственны уже предпріятія общественныя, т.-е. такія, которыя составляютъ законное достояніе *исторіи*. Этотъ третій и послѣдній періодъ въ развитіи народной жизни служитъ началомъ цѣлаго ряда событій, представляющихъ всестороннюю занимательность для изученія. Этому періоду принадлежитъ вся масса сознательныхъ трудовъ и подвиговъ въ области правленія и общежитія, вся масса драгоцѣннѣйшихъ произведеній наукъ, философіи и поэзіи.

2. Общія понятія о словесности.

(*Окончаніе.*)

Значеніе письменности въ исторіи народнаго развитія. Раздѣленіе словесности на устную (народную, безыскусственную) и на письменную (художественную, или литературу въ тѣсномъ смыслѣ). Отличіе словесности устной, народной, отъ письменной, художественной: 1) по времени происхожденія, 2) по содержанію и его обработкѣ, 3) по формѣ и 4) по значенію.

Важнѣйшій моментъ въ первоначальной исторіи развитія и просвѣщенія народа составляетъ появленіе письменности. Она служитъ могущественнѣйшимъ ору-

діемъ для распространенія въ народѣ всевозможныхъ результатовъ просвѣщенія. До письменности народное развитіе идетъ медленно, при помощи только естественныхъ народныхъ дарованій; послѣ распространенія письменности общее народное развитіе идетъ несравненно быстрѣе, разностороннѣе и полнѣе; произведенія великихъ ученыхъ и геніальныхъ поэтовъ распространяются въ народѣ съ необыкновенною силой и переходятъ въ общее достояніе.

По чрезвычайному, цивилизующему значенію письменности, словесность можно раздѣлить на два отдѣла: 1) *устную*, или *народную*, или *безыскусственную*, 2) *письменную*, *книжную*, *художественную*, или *литературу* въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Произведенія словесности народной, устной, отличаются отъ произведеній словесности письменной, художественной: 1) по времени происхожденія, 2) по содержанію и его обработкѣ, 3) по формѣ и 4) по значенію.

1) По времени происхожденія. Словесность народная гораздо древнѣе. Начало ея восходитъ ко временамъ до-историческимъ. Въ то время полный просторъ для народной поэзіи: тогда народъ еще не знакомъ съ книгою и живетъ не столько размышленіемъ, сколько воображеніемъ. При водвореніи письменности, при распространеніи образованности и книжнаго элемента, въ народѣ естественно ослабѣваетъ развитіе устной словесности, письмо смѣняетъ устное преданіе.

2) По содержанію и его обработкѣ. Народная словесность принадлежитъ по преимуществу тому первоначальному періоду народной жизни, когда въ немъ господствуютъ наивныя вѣрованія, наивный взглядъ на природу и работаетъ въ немъ главнымъ образомъ фантазія. Никто изъ массы народа не выдвигается впередъ сильнымъ дарованіемъ или образованностью. Напротивъ, весь народъ стоитъ на одной и той же степени умственнаго и нравственнаго развитія. При такомъ состояніи народнаго быта, содержаніемъ его поэзіи бываютъ одни только факты прожитой старины. Факты эти пересказываются въ пѣсняхъ и былинахъ совершенно чистосердечно, правдиво, но безъ малѣйшаго разбора, безъ увлеченія, безъ всякаго намѣренія подѣйствовать на ту или другую сторону души слушателя. Такія народныя пѣсни и былины нравятся народу именно вѣрною передачей преданія, чистосердечнымъ разсказомъ о быломъ, которое всѣмъ народомъ прожито и всему народу понятно. Далѣе этой простосердечной передачи событій старины народная поэзія нейдетъ. Наоборотъ — въ содержаніе произведеній поэзіи художественной входитъ всегда какой-нибудь одинъ, избранный предметъ; но зато ужъ разработывается онъ авторомъ глубоко, во всѣ стороны и выясняется съ полнотою знанія, глубиною впечатлѣнія, а часто — и съ опредѣленными намѣреніями и цѣлями, что собственно и составляетъ духъ сочиненія. Вслѣдствіе наивной передачи содержанія, въ народной поэзіи нерѣдко можно встрѣтить анахронизмы, т.-е. совершенную смѣсь фактовъ изъ разныхъ эпохъ и мѣстъ. Смѣсь эта пересказывается такъ, какъ будто все то случилось въ одно время, или въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

3) По формѣ. Произведенія поэзіи народной отличаются отъ поэзіи художественной не только степенью обработки содержанія, но также и формой выраженія. Какъ произведенія цѣлаго народа, а не отдѣльныхъ авторовъ, они не представляютъ тѣхъ особенностей и отличій, какія замѣчаются въ сочиненіяхъ отдѣльныхъ даровитыхъ писателей. Слогъ всѣхъ народныхъ словесныхъ произведеній простонародный, общенародный и притомъ всегда *одинаковый*, развѣ только

съ различіемъ мѣстныхъ говоровъ. Общія примѣты слога народнаго: совершенная простота словъ, ровный и спокойный тонъ, постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же оборотовъ рѣчи при разсказѣ объ извѣстномъ предметѣ. Къ особенностямъ рѣчи народныхъ словесныхъ произведеній можно отнести еще:

1) Удлиненныя окончанія прилагательныхъ, ради бо̀льшаго полногласія и выразительности рѣчи, напримѣръ:

„Во *славнемъ* во Новѣ-градѣ
„Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость."
(*Былина о Садкѣ*. Рыбниковъ. Т. I, стр. 370—380.)

„Обернулся — глядитъ Садко *новгородскиій:*
„Ажно стоитъ старикъ *сѣдатыій.*"
(Тамъ же.)

2) Частое употребленіе частицъ и повтореніе предлоговъ, напримѣръ:

Самъ Сухмантій приговаривалъ:
„Потеки, Сухманъ-рѣка,
„Отъ моея крови, отъ горючія,
„Отъ горючія отъ крови, отъ напрасныя."
(*Был. о Сухманѣ*. Рыбн. Т. I, ст. 26—32.)

У ласкова у князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ.
(Тамъ же.)

Въ славномъ городѣ во Муромѣ
Во селѣ было Карачаровѣ.
(*Был. объ И. Муромцѣ.* Рыб. Т. I, ст. 33—35.)

3) Частое употребленіе любимыхъ народныхъ синонимовъ: *свѣтъ, душа, радость, мать* и т. п. Также—частое употребленіе уменьшительныхъ, напримѣръ: *раздольице, чисто-поле, дружинушка хоробрая; ратай-ратаюшко, оставилъ я сошку во бороздочкѣ, маленькая сумочка переметная* и т. п.

4) Часто одинъ и тотъ же корень повторяется въ разныхъ формахъ слова (это—такъ называемая *тавтологія*), напримѣръ: *задумалъ думу-думушку, слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, поправь меня во пути во дороженькѣ* (Был. объ Ильѣ Муромцѣ), *день-деньской, конь-лошадь вѣрная,* и т. п.

5) Особенная простота и въ то же время яркость уподобленій; простота потому, что подборъ предметовъ самый неизысканный, изъ мѣстной природы; яркость потому, что эти уподобленія служатъ отличнымъ средствомъ представить отвлеченныя понятія въ наглядной, доступной для всѣхъ формѣ. Напримѣръ:

„А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь".
(*Был. о Волхѣ Всеславьевичѣ.*)

Въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по-небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.
(*Был. о Садкѣ.* Рыбн.)

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются—
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица.
(*Был. объ И. Муромцѣ.* Сборн. Кирѣевскаго, вып. I.)

Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ,—
Красно солнышко взойдетъ росу высушитъ.
(Изъ нар. пѣс.: *Ахъ ты, поле мое, поле чистое!*)

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
(Изъ народ. пѣсни.)

4) По значенію. Народная словесность, какъ выше сказано, соотвѣтствуетъ тому періоду, когда у народа не бываетъ еще ни науки, ни искусства, ни того, что вообще называется образованностью. Въ такое время преданія предковъ, священная старина замѣняютъ народу все: и науку, и поэзію, и просвѣщеніе, и практическую мудрость. Поэтому народная словесность въ тотъ первоначальный періодъ времени значитъ для народа гораздо больше, нежели сколько могутъ значить въ послѣдующіе періоды произведенія художественной поэзіи. Въ своихъ безыскусственныхъ пѣсняхъ и былинахъ народъ слышитъ вѣрные отголоски родной старины. Не даромъ же народъ и говоритъ: „пѣсня—быль", „пѣсня—правда". Слушаетъ онъ ее, какъ слѣдуетъ слушать правду, т.-е. съ величайшимъ уваженіемъ, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и съ искреннимъ участіемъ. Онъ не только наслаждается пѣснею или былиной, но и научается изъ нея знать свою прошедшую жизнь, любить своихъ богатырей, проникаться ихъ общенародными идеалами. Изъ сказки своей народъ поучается добродѣтели. Извѣстно, что въ сказкѣ доброе начало всегда беретъ верхъ надъ зломъ; чистосердечіе и доброта всегда торжествуютъ надъ хитростью и своекорыстіемъ. Въ притчахъ, пословицахъ и загадкахъ народъ почерпаетъ уроки глубокой народной мудрости, опытности и знанія. Вообще, народъ выражаетъ свой взглядъ на нравственное значеніе своей поэзіи въ тѣхъ присловіяхъ, которыми обыкновенно оканчиваются былины; напримѣръ: „*то старина, то и дѣяніе*", выражая этимъ стихомъ ту мысль, что въ былинѣ передается не просто *старина* или *преданье,* а именно — преданье о дѣйствительно случившемся *дѣяніи.* (*Буслаевъ.* Русск. народн. поэзія. Т. I, ст. 18). Или другой припѣвъ: „*старымъ людямъ на послушанье, а молодымъ для памяти*", т.-е. именно для того, чтобы молодое поколѣніе затвердило содержаніе пѣсни и, въ свою очередь, правдиво передало бы ее потомкамъ.

ОТДѢЛЪ I.

УСТНАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

3. Общее понятіе о формѣ и содержаніи русской народной словесности. Главные виды народной поэзіи.

Пѣсни миѳическія или обрядныя въ связи съ духовными стихами и легендами. (Начало.)

Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ въ народной поэзіи и въ народныхъ обычаяхъ. Пѣсни *колядскія.*

Преобладающую форму народной поэзіи составляетъ *эпосъ,* т.-е. картинный, поэтическій разсказъ. Эта форма вполнѣ отвѣчаетъ сущности народной поэзіи, потому что главная основа народной поэзіи — *преданія* предковъ, *разсказъ* о старинѣ. Въ пѣсняхъ бытовыхъ, особенно семейныхъ, слышится лирика, потому что въ тѣхъ пѣсняхъ передаются чувства и мысли по отношенію къ предметамъ еще не отжив-

шимъ, современнымъ, а такіе предметы всегда сильно затрогиваютъ сердце. Драматической формы, требующей бо́льшей зрѣлости таланта, въ народной поэзіи почти вовсе не встрѣчается, развѣ только въ нѣкоторыхъ хороводныхъ пѣсняхъ, и то лишь въ видѣ намековъ на драматизмъ, т.-е. не болѣе какъ разговоры.

Общее содержаніе народной словесности очень обширно: оно захватываетъ всѣ стороны народной жизни—и частной, и семейной, и общественной. Въ область ея входятъ и вѣрованія, и знанія, и практическая житейская мудрость, и нравоучительные примѣры. Впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ просвѣщеніи народа, область поэзіи удерживаетъ за собою только то, что ей всегда принадлежитъ, т.-е. идеальный міръ; остальное же отходитъ къ наукѣ и къ житейской прозѣ.—Особенность содержанія народной словесности заключается въ томъ, что въ ней всякій предметъ изображается картинно, поэтически. Это оттого, что безыскусственная народная словесность соотвѣтствуетъ именно тому раннему періоду народной жизни, когда у народа фантазія преобладаетъ надъ прочими силами души.

Соотвѣтственно разнообразію тѣхъ началъ, которыя входятъ въ область народной поэзіи, всѣ памятники народной словесности можно сгруппировать въ слѣдующія главныя группы: *1*) *Пѣсни миѳическія* или обрядныя, въ связи съ духовными стихами и легендами, *2*) *Пѣсни богатырскія* или былины, *3*) *Пѣсни историческія*, *4*) *Сказки*, *5*) *Пословицы* и *6*) *Пѣсни лирическія* или бытовыя.

Пѣсни миѳическія или обрядныя.

Въ пѣсняхъ миѳическихъ, болѣе нежели во всѣхъ другихъ памятникахъ народной словесности, сохранились остатки славянскихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Эти остатки вообще слабы и смутны потому, что славянская миѳологія далеко не такъ разнообразна въ своихъ миѳахъ, какъ, напримѣръ, греческая. Относительная бѣдность нашей миѳологіи объясняется, во-первыхъ, однообразіемъ и суровостью природы нашего отечества и, во-вторыхъ, раннимъ принятіемъ христіанства, которое—само собою разумѣется—объяснило людямъ всѣ важнѣйшіе вопросы о мірѣ и человѣчествѣ. При всей относительной бѣдности славянской миѳологіи, въ ней все же выработалось нѣсколько божествъ, въ которыхъ наши предки олицетворили разныя такъ называемыя стихіи, силы и явленія природы. Вотъ главныя божества славянской миѳологіи: 1) *Сварогъ*, олицетвореніе неба; онъ соотвѣтствуетъ индѣйскому Варунѣ и греческому Урану; 2) *Дажъ-богъ*, олицетвореніе свѣта, дня; 3) *Хорсъ*, олицетвореніе огня; онъ соотвѣтствуетъ индѣйскому Агни; 4) *Перунъ*, богъ молніи и грома; онъ соотвѣтствуетъ индѣйскому Индрѣ, греческому Зевсу, скандинавскому Тору; 5) *Волосъ*, или *Велесъ*, олицетвореніе солнца, какъ греческій Геліосъ: подобно Геліосу, Велесъ считался покровителемъ стадъ *); подобно Фебу, Велесъ считался покровителемъ пѣвцовъ, поэтовъ **); 6) божествомъ водной стихіи былъ *Водяникъ*, соотвѣтствующій греческому Посидону (въ былинѣ о купцѣ Садкѣ онъ называется морскимъ царемъ); 7) *Стрибогъ*, божество вѣтровъ, соотвѣтствующій греческому Эолу; 8) въ лѣсахъ царствовалъ *Лѣшій*; 9) идея смерти, всего

---

*) Богъ обладаетъ здѣсь (т.-е. въ Тринакріи) всѣми стадами быковъ и барановъ, Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.

Одиссея. Пѣснь XII, ст. 322, 323.

**) Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» вѣщій Баянъ названъ *внукомъ Велеса*. «Чили въспѣти было вѣщій Бояне, Велесовъ внуче!» т.-е.: Ахъ, тебѣ бы пѣть, о внукъ Велесовъ!

мертвящаго, разрушающаго, олицетворилась въ образѣ *Морены* или *Мораны;* 10) зима—въ образѣ *Бабы-яги;* 11) морозъ —въ образѣ *Кощея;* 12) *Рожаницы*, олицетвореніе рока или судьбы, слѣдовательно соотвѣтствовали греческимъ Паркамъ; 13) *Домовой*— божество домашняго очага; 14) *Русалки*, олицетвореніе душъ умершихъ предковъ; 15) *Ладо* или *Лада*—божество весны, радости и любви. Изъ всѣхъ божествъ *Сварогъ*, очевидно, имѣлъ значеніе старѣйшаго, такъ какъ другія божества, въ которыхъ олицетворялись разныя явленія на небѣ, назывались уже его дѣтьми, *Сварожичами*. Изъ всѣхъ Сварожичей трое, именно: Дажь-богъ, Перунъ и Велесъ, пользовались особеннымъ уваженіемъ у нашихъ предковъ, въ эпоху кочевого и затѣмъ земледѣльческаго быта. Дажь-богъ, какъ податель свѣта, солнечнаго тепла и плодородія земли; Перунъ, какъ божество грозы, которая сопровождается благодатнымъ дождемъ, наконецъ Волосъ, какъ богъ скота, который составляетъ главное богатство кочевника и земледѣльца. Особенное уваженіе къ этимъ Сварожичамъ выразилось въ особенныхъ религіозныхъ празднествахъ и обрядахъ, три раза въ годъ: первый праздникъ—*Коляда*—зимою, во время такъ называемаго поворота солнца на лѣто (по народному выраженію: *солноворота*), въ концѣ декабря; второй праздникъ весной, при общемъ пробужденіи природы. Это—такъ называемая *красная горка*. Онъ получилъ такое названіе отъ того, что происходитъ онъ на горкѣ, или на возвышенности, покрытой первою весеннею травкой и освѣщенной *краснымъ* солнышкомъ. Третій праздникъ — *Купало* — лѣтомъ, въ эпоху самой большой силы благотворнаго свѣтила. Съ водвореніемъ христіанства, у предковъ нашихъ отъ этихъ языческихъ праздниковъ и обрядовъ остались однѣ формы и имена, однакоже *остались* и держатся до сихъ поръ— въ простонародьи. Имена языческихъ божествъ простолюдинъ перенесъ на христіанскихъ святыхъ; языческія празднества примѣшалъ къ христіанскимъ. Такъ, Илья пророкъ въ простомъ народѣ до сихъ поръ считается распорядителемъ грома и молніи; мѣсто Волоса, покровителя стадъ, заступили Св. Власій, Флоръ и Лавръ, отчасти же и Св. Георгій. Зимній праздникъ, Коляда, сошелся съ праздникомъ Рождества Христова и отправляется 24-го декабря; весенніе—*красная горка* и *семикъ*—сошлись съ Ѳоминой недѣлей, съ днемъ Св. Георгія (23-го апрѣля) и Св. Троицей; наконецъ, лѣтній—*Купало*—сошелся съ праздникомъ Рождества Іоанна Крестителя (24-го іюня) и получилъ въ народѣ названіе Ивана-Купала.

Всѣмъ этимъ праздникамъ соотвѣтствуютъ и отдѣльныя пѣсни.

Пѣсни колядскія. Въ великорусскихъ губерніяхъ празднованіе Коляды вышло изъ употребленія только съ XVIII столѣтія, въ Малороссіи же она празднуется до сихъ поръ. Наканунѣ Рождества молодые люди и дѣти отправляются подъ окнами богатыхъ крестьянъ *колядовать:* поютъ пѣсни, величаютъ хозяина, хозяйку, дѣтей ихъ и просятъ пироговъ, колбасъ, денегъ и т. п. Въ припѣвѣ пѣсни обыкновенно величается *Коляда*. Такъ называлось какое-то божество славянской миѳологіи, имѣвшее отношеніе къ главнымъ солнечнымъ божествамъ; въ настоящее же время слово остается звукомъ безъ значенія. (Слово *коляда* производятъ отъ латинскаго calendae; такъ у римлянъ называлось первое число каждаго мѣсяца. Польское: *календа* производятъ отъ caleo, *разгорячаюсь, горю;* что указываетъ на прибывающій жаръ солнца. У кроатовъ глаголъ *колядовати* значитъ *приносить жертву*.—*„Миѳы Слав. Язычества“*. Соч. Шеппинга. Москва, 1849).

Въ нѣкоторыхъ колядскихъ пѣсняхъ ясно слышатся намеки на бывшія когда-то языческія жертвоприношенія; видна и соотвѣтствующая обстановка.

Вотъ, напримѣръ, такая пѣсня:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою, за быстрою,
Ой, Коліодка, ой, Коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коліодушки.
Ой, Коліодка, ой, Коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ;
Котелъ кипитъ горючій;
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати.

Въ другихъ колядскихъ пѣсняхъ, измѣненныхъ уже подъ вліяніемъ христіанства, просто-нà-просто величаются хозяинъ съ хозяюшкой и выпрашиваются подарки:

Коляда, Коляда,
Пришла Коляда
Наканунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ,
Нашли Коляду
У Петрова-то двора, и т. д.

Затѣмъ начинается величанье Петрова двора, Петрова терема, Петровой семьи. Хозяинъ, хозяйка и дѣти сравниваются съ краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ и частыми звѣздами, а подъ конецъ произносится пожеланіе: „здравствовать хозяину съ хозяюшкой на долгіе вѣки, на многія лѣта“.

---

4. Пѣсни миѳическія или обрядныя въ связи съ духовными стихами и легендами. (Окончаніе.)

Пѣсни весеннія, хороводныя, семицкія и купальскія. Духовныя легенды. Стихъ о Голубиной книгѣ. Легенда о Николаѣ Чудотворцѣ и св. Касьянѣ.

Весеннія, семицкія пѣсни составляютъ естественное продолженіе и развитіе колядскихъ. Въ нихъ видно миѳическое представленіе о дальнѣйшей благотворной дѣятельности солнца. Въ нѣкоторыхъ весеннихъ пѣсняхъ радостно привѣтствуется наступленіе весны:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостію,
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію,
Со льномъ высокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

(Сказ. Русск. народа. *Сахарова.* Т. I, кн. 3, стр. 260.)

Нѣкоторыя *весеннія* пѣсни поются вмѣстѣ съ хороводами. Вообще, съ Красной-Горки начинаются хороводы и продолжаются до конца іюля. Круглая форма хороводовъ и ихъ кругообразное движенье служатъ символами солнечнаго движенья. Во времена язычества хороводы произошли изъ празднованій въ честь солнца и первоначально имѣли религіозное значеніе. Съ водвореніемъ христіанства хороводы обратились въ простую забаву. Однакоже припѣвы въ нѣкоторыхъ хороводныхъ пѣсняхъ и до сихъ поръ служатъ напоминаніемъ языческихъ божествъ и обрядовъ,

преимущественно же—праздниковъ въ честь солнца. Вотъ образчикъ хороводной пѣсни (припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха):

1. А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой, Дидъ-Ладо, сѣяли, сѣяли.
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой, Дидъ-Ладо, вытопчемъ, вытоп-
чемъ.
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ.
1. А мы коней переймемъ, переймемъ.
2. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
1. Шелковымъ поводомъ, поводомъ.
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ.
1. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
1. Не надо намъ тысячи, тысячи.
2. А что же вамъ надобно, надобно?
1. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу.
(При этомъ дѣвица переходитъ на другую сторону хора.)
2. А нашего полку убыло, убыло.
1. А нашего полку прибыло, прибыло.

Въ этой пѣснѣ самое содержаніе указываетъ на старинный земледѣльческій праздникъ въ честь солнца, какъ подателя плодородія. Чередованье двухъ хоровъ, которые тутъ перекликаются, замѣчательно въ томъ отношеніи, что придаетъ пѣснѣ драматическую живость и выразительность. Въ этой коротенькой перекличкѣ (сценѣ) слышится отголосокъ стариннаго обычая у славянъ-язычниковъ: покупки себѣ невѣстъ, или же похищенія, *умыканія*, ихъ. По свидѣтельству лѣтописца Нестора, Древляне похищали себѣ невѣстъ, не спрашивая ихъ согласія; другія же славянскія племена, у которыхъ нравы были мягче, напримѣръ Сѣверяне, Вятичи, умыкали себѣ невѣстъ по предварительному, взаимному съ ними соглашенію. Въ концѣ одной сербской пѣсни, содержаніемъ похожей на нашу: „Просо сѣяли“, прямо говорится: „если вы намъ дѣвицы не отдадите, мы сами силою возьмемъ“. Наконецъ, въ пѣснѣ „А мы просо сѣяли“ замѣчателенъ и самый припѣвъ. Въ немъ слышится обращеніе къ Дажь-богу, т.-е. солнцу (Дидъ, Дѣдъ), и въ то же время — къ божеству весны, радости и любви (Ладо, Лада).

Въ нѣкоторыхъ *весеннихъ* пѣсняхъ встрѣчается имя Св. Георгія, на котораго, очевидно, народная фантазія перенесла черты какого-то солнечнаго божества. Въ этихъ пѣсняхъ св. Георгій представляется начальникомъ весны: онъ „отмыкаетъ“ землю, „выпускаетъ“ росу и траву, покровительствуетъ стадамъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи въ день Св. Георгія, или — какъ народъ выражается: *Егорья*, т.-е. 23-го апрѣля, поселяне утромъ обходятъ засѣянныя поля и поютъ:

Юрій, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпущай росу —
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое,
Людямъ на здоровье.

Въ бѣлорусской пѣснѣ поется:

Юрья, Юрья,
Божа мой,
Подай ключи
Землю одмыкать,
Бычка напасать.

(*Безсоновъ*. Бѣлорусск. пѣсни. Ч. I, стр. 23.)

Въ нѣкоторыхъ *весеннихъ* пѣсняхъ видны указанія на древній языческій обычай (*тризну*) славянъ: поминать души умершихъ своихъ родныхъ и друзей. Души усопшихъ языческая фантазія олицетворила въ образѣ свѣтлыхъ *русалокъ*, которые вообще живутъ въ водѣ, но весною выходятъ на землю — насладиться

оживленной природой, поиграть, покачаться на деревьяхъ. (О русалкахъ у *Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“*. Москва. 1865—69). Поминанью душъ умершихъ посвящалась такъ-называемая *русальная недѣля.* Четвергъ этой недѣли назывался *великъ-день русалокъ.* Это поминанье совпадаетъ съ седьмой недѣлей послѣ Пасхи, и четвергъ этой недѣли до сихъ поръ въ народѣ называется: *семикъ.* Въ христіанское время языческая поминальная недѣля страннымъ образомъ слилась съ недѣлею христіанскаго поминовенія усопшихъ, предъ вселенской троицкой субботой. И до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ *семикъ* молодые парни и дѣвушки отправляются въ рощу, завиваютъ березовые вѣнки, украшаютъ ихъ лентами и пускаютъ ихъ на воду, чтобъ посмотрѣть: чей вѣнокъ поплыветъ впередъ или въ сторону, или останется назади? Чьи вѣнки сойдутся, или разойдутся? По этому молодые люди гадаютъ о супружествѣ, о счастіи. Въ семикъ же молодые люди надѣваютъ вѣнки на голову, поютъ пѣсни, водятъ хороводы. Въ семицкихъ пѣсняхъ простосердечно смѣшиваются языческія и христіанскія слова. Напримѣръ:

Благослови, Троица,
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать.
Ай, Дидо, ой, Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать.

Ай, Дидо, ой, Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнковъ совьемъ.
Ай, Дидо, ой, Ладо!

(*Сахаровъ.* Сказанія Русск. народа. С.-П.-Б. 1841.)

Иныя *семицкія* пѣсни отличаются дѣтски-простодушнымъ и въ то же время граціознымъ выраженіемъ своихъ чувствъ. Напримѣръ, поетъ дѣвица:

Я въ вѣночкѣ
Я въ зеленочкѣ
Хожу, гуляю
По городочку;

Ищу-ль я ищу
Ласкова Ладу.
Я въ вѣночкѣ
Я въ зеленочкѣ

Хожу-ль я хожу
Вокругъ городочка.
Добрый молодчикъ,
Будь моимъ Ладой.

На что парень отвѣчаетъ:

А я вью вѣночки, вью зеленочки,
Хожу-ль я вокругъ городочка.
Хожу-ль я, найду-ли я

Ласкову себѣ невѣсту,
Ты будешь мнѣ, красна дѣвица, невѣстой.

(*Терещенко. «Бытъ русск. народа».* С.-П.-Б. 1848. Ч. VI, стр. 166—167.)

Купальскія пѣсни. Лѣтній языческій праздникъ славянъ въ честь солнца былъ праздникъ *Купала* (названіе это иные производятъ отъ славянскаго *купать*, или отъ слова *купа*, что значитъ *куча;* другіе, напримѣръ Яковъ Гриммъ, производятъ отъ нѣмецкаго *Haufe* или литовскаго *Kaupas*, что значитъ тоже *куча, ворохъ*). Языческое празднованіе слилось съ христіанскими: Св. Аграфены (23-го іюня) и Св. Іоанна Крестителя (24-го іюня). Оттуда и названіе: *Аграфены* — Купальницы и *Ивана*—Купала.—Празднованіе Купала имѣло двоякій смыслъ: отчасти торжества въ знакъ высшей силы солнечнаго жара и слѣдовательно—высшей красоты и пышности во всей природѣ; отчасти же—грусти при помышленіи о томъ, что съ этого же времени солнце поворачиваетъ на зиму, падаетъ, а потому и всей природѣ грозитъ неизбѣжное замираніе (Морана). Этимъ двоякимъ смысломъ лѣтнихъ

солнечныхъ праздниковъ объясняются и всѣ подробности обрядовъ, которыми сопровождались (а отчасти и до сихъ поръ сопровождаются) въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи эти праздники. Праздники *Купала* происходили (и теперь происходятъ) вечеромъ, подъ открытымъ небомъ. Женщины и дѣвушки являются въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ. Зажигаются костры. Въ огонь бросаютъ разныя разности: женщины и дѣвушки бросаютъ травы и приговариваютъ: „пусть сгорятъ съ этимъ зельемъ и всѣ мои бѣды“; или, бросая березовыя вѣтки, приговариваютъ: „пусть мой ленъ будетъ такъ великъ, какъ эта хворостинка“. А кто бросаетъ въ огонь одежду съ больного, съ полной вѣрой, что такимъ образомъ можно очиститься отъ болѣзни. Вообще—огонь этихъ купальскихъ костровъ служитъ символомъ силы очищающей, предохраняющей. Вотъ отчего и молодежь прыгаетъ чрезъ костры, приговаривая:

Купала на Ивана!
Гдѣ Купала ночевала?
Купала на Ивана
Ночевала у Ивана, и т. д.

Также и скотъ прогоняютъ чрезъ эти зажженные костры.

Слѣдующія двѣ, самыя значительныя, подробности праздника Купала никогда при этомъ не забываются: во-первыхъ *сожигаютъ кострому* и во-вторыхъ спускаютъ зажженное колесо въ воду. *Кострома* (отъ слова *костеръ*) не что иное, какъ соломенное чучело, одѣтое въ женское платье. Его зажигаютъ и пускаютъ на воду. Въ иныхъ мѣстностяхъ кострому представляетъ одна изъ играющихъ въ хороводѣ дѣвушекъ. Въ такомъ случаѣ кострому убираютъ цвѣтами, кладутъ на доски и съ пѣснями относятъ къ рѣкѣ. Вторая важная принадлежность обряда—*зажженное колесо*. Его обвертываютъ горючими веществами, зажигаютъ и скатываютъ съ горы въ воду. Этими обрядами встарину изображалась мысль о смѣнѣ животворной солнечной теплоты предстоящими осенними непогодами и зимнимъ сномъ природы.

Кромѣ пѣсенъ обрядныхъ, слѣды языческихъ славянскихъ вѣрованій и взглядовъ сохранились и въ другихъ памятникахъ народной поэзіи: въ былинахъ, пословицахъ, сказкахъ и святочныхъ пѣсняхъ.

Въ такъ-называемыхъ *духовныхъ стихахъ* и *легендахъ*, несмотря на то, что основной ихъ характеръ чисто-христіанскій,— тоже встрѣчается примѣсь старинныхъ языческихъ взглядовъ на природу.

Изъ народныхъ *духовныхъ стиховъ* болѣе другихъ замѣчателенъ *Стихъ о Голубиной книгѣ*. Появленіе книги и размѣры ея напоминаютъ пріемы творчества миѳическаго періода:

Восходила туча сильная, грозная,
Выпадала книга голубиная.
. . . .
Долины книга сороку саженъ.
Поперечины двадцати саженъ.

Изъ двухъ царей, которые осмѣлились подойти къ книгѣ, одинъ—Давидъ, лицо библейское, другой—Волотъ Волотовичъ, лицо чисто-миѳическое. Онъ здѣсь является народнымъ первообразомъ великана силы и значенія: героя, полубога, существа сверхъ-естественнаго, какими обыкновенно разумѣются великаны (*Буслаевъ*. „Русск. народ. поэзія“. Т. I, стр. 456). Только въ позднѣйшихъ редакціяхъ *Стиха* Волотъ постепенно передѣлывается въ *Волотомана*, *Волотоміра*, и наконецъ передѣлался въ *Володиміра*. Въ Голубиной книгѣ выставляется рядъ вопро-

совъ о мірѣ, о человѣкѣ, о его двойственной природѣ и значеніи, далѣе—о происхожденіи, значеніи и первенствѣ разныхъ предметовъ на свѣтѣ. Всѣ эти вопросы рѣшаются и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской.

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался
отъ суда Божія;
Солнце красное—отъ лица Божьяго,
Самого Христа, Царя Небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяца — отъ грудей
Божьихъ;
Звѣзды частыя—отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя—отъ думъ Божіихъ;
Вѣтры буйные—отъ Святаго Духа.
У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Самого Христа, Царя небеснаго;
Наши помыслы—отъ облацъ небесныхъ;
У насъ міръ-народъ—отъ Адамія;
Кости крѣпкія—отъ камени;
Тѣлеса наши—отъ сырой земли;
Кровь-руда наша—отъ черна моря.

Въ концѣ *Стиха*, при объясненіи Давидомъ страшнаго сновидѣнія Волота Волотовича, проходитъ идея уже чисто-христіанская: о торжествѣ „правды“ надъ кривдой и о нравственномъ достоинствѣ человѣка, который служитъ правдѣ. Оканчивается *Стихъ* какъ обыкновенно оканчиваются народныя пѣсни:

Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.

Народныя легенды представляютъ прозаическіе разсказы духовно-нравственнаго содержанія. Несмотря на ихъ прозаическую форму, народная фантазія вложила въ эти разсказы много своеобразнаго вымысла. Часто въ нихъ отъ священнаго преданія сохраняются только имена событій и лицъ, а остальное представляетъ просто народные нравы съ религіозной точки зрѣнія и съ практически-поучительной цѣлью. Въ этомъ отношеніи замѣчательна легенда о *Николаѣ Чудотворцѣ* и *Св. Касьянѣ*. Въ легендѣ объясняется, почему за свое милосердіе и помощь несчастнымъ Св. Николай получилъ отъ Бога два праздника ежегодно, а Св. Касьянъ—только одинъ праздникъ въ 4 года. Вотъ эта легенда (*Аѳанасьевъ. „Русск. народн. легенды“*, стр. 88). „Ѣхалъ мужикъ изъ лѣсу съ большимъ возомъ дровъ, попалъ въ лужу и никакъ не можетъ выбиться. Вотъ идетъ Касьянъ, угодникъ Божій, римлянинъ. „Батюшка Касьянъ, угодникъ Божій! помоги возъ вытащить!“ взмолился мужикъ.—Стану я для тебя райское платье марать.—Вотъ идетъ Николай, угодникъ Божій. Мужикъ къ нему: „Батюшка Николай, угодникъ Божій! помоги!“ Николай угодникъ русскому человѣку большая помощь, помогъ, благословилъ; мужикъ и доѣхалъ съ Божьей помощью.—Приходятъ они, Касьянъ, угодникъ Божій, и Николай, угодникъ Божій, въ рай пресвѣтлый, въ царство небесное. „Гдѣ ты былъ, Касьянъ, угодникъ Божій?“ спросилъ Господь. Святой Касьянъ сказалъ, что онъ былъ на землѣ, что мужикъ просилъ его возъ вытащить, да онъ не сталъ райскаго платья марать. „А ты гдѣ былъ, Николай, угодникъ Божій?“ спросилъ Господь. Святой Николай разсказалъ, какъ онъ помогъ мужику возъ вытащить. — „Слушай, Касьянъ, угодникъ Божій, сказалъ Господь: за то, что ты не помогъ человѣку, тебѣ въ четыре года всего-на-все одинъ молебенъ. А тебѣ, Николай, угодникъ Божій, за то, что помогъ мужику возъ вытащить,—два молебна въ годъ.“— Легенда заключаетъ: „оттого-то и бываетъ Никола-вешній и Никола-зимній, а Касьяну-римлянину только въ високосный годъ празднуютъ“.

5. Былины или пѣсни богатырскія.

Объясненіе словъ *былина* и *богатырь*. Отношеніе эпоса богатырскаго къ эпосу миѳическому. Общее содержаніе эпоса богатырскаго. Раздѣленіе былинъ богатырскихъ на двѣ группы; былины о богатыряхъ *старшихъ* и былины о богатыряхъ *младшихъ*. Основныя характеристическія черты богатырей старшихъ и младшихъ. Богатыри *мѣстные* и *заѣзжіе*. Отличительныя ихъ черты. Тонъ и языкъ былинъ. Особенность ихъ стихотворнаго размѣра. Разсказчики былинъ. Замѣчательные сборники былинъ.

Былины составляютъ собственно богатырскій эпосъ русскаго народа. Названіе *былины* происходитъ отъ слова *быль*. Такъ называются эти былины потому, что въ нихъ заключается эпическій разсказъ о быломъ. Разсказъ этотъ складывается въ народѣ, конечно, не по исторіи или лѣтописи, а по памяти, по устному преданію. Другое названіе этихъ былинъ, *богатырскія*, происходитъ отъ названія тѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, о которыхъ повѣствуется въ богатырскихъ пѣсняхъ. Богатырями именуются тѣ исполины физической и нравственной силы, которые составляютъ главное содержаніе былинъ. Слово *богатырь* производятъ (напримѣръ, профессоръ Буслаевъ) отъ слова *богъ*, черезъ прилагательное *богатый*. Такимъ образомъ, богатыри являются существами высшими, одаренными божескими свойствами, близкими къ богамъ. Такое объясненіе оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что по времени эпосъ богатырскій граничитъ непосредственно съ эпосомъ миѳическимъ. Дѣйствительно, въ первоначальной исторіи всѣхъ народовъ эпосъ богатырскій составляетъ переходъ народа отъ миѳическаго періода къ періоду историческому. Другіе ученые производятъ названіе *богатыря* отъ монгольскаго *багадуръ*, *батуръ*, *батырь*. Впрочемъ, корень у всѣхъ этихъ названій одинъ и тотъ же, именно древнеиндѣйскій (санскритскій): bhaga, *бага*, что значитъ: счастіе, сила, удача; оттуда bhadra, *бгадра*, bhagadara, *багадара*, т.-е. богато одаренный счастіемъ, удачею. (Сочин. О. Миллера: *„Богатырство Кіевское“*, стр. XXIII—XXV).

Въ былинахъ богатырскихъ разсказывается о томъ, что произошло въ жизни народной въ отдаленныя, незапамятныя времена. Хотя въ эти разсказы попадаютъ только одни предметы первостепенной, общенародной важности, но часто они представляются перемѣшанными, переставленными безъ всякаго вниманія ни къ мѣсту, ни къ времени. Такія ошибки (анахронизмы) объясняются тѣмъ, что, во-первыхъ, народъ не знакомъ ни съ географіей, ни съ исторіей, а во-вторыхъ, тѣмъ, что самыя былины сохраняются единственно въ памяти народной, передаются изъ устъ въ уста и естественно поддаются вліянію фантазіи наиболѣе впечатлительныхъ и изобрѣтательныхъ пересказчиковъ старины. Вотъ нѣсколько примѣровъ ошибокъ противъ исторіи и географіи въ былинахъ: Волхъ Всеславьевичъ изъ Кіева отправляется въ Индію и завоевываетъ ее; посолъ изъ Золотой-Орды является въ Кіевъ къ Владиміру Красному-Солнышку взыскать дани-недоимки за 12 лѣтъ (въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ и Василисѣ Микуличнѣ); Илья Муромецъ сражается съ Литвой, нѣсколько разъ отправляется „во сибирскія во украины“, а попадаетъ все на Дунай; въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ упоминаются небывалый городъ Кидышъ, небывалая рѣка Смородина, и т. д.

Богатырскія былины раздѣляются на двѣ группы: былины о богатыряхъ старшихъ и былины о богатыряхъ младшихъ. *Старшіе богатыри* характеризуются такими чертами, которыя приближаютъ ихъ болѣе къ богамъ, нежели къ

людямъ. У нихъ и ростъ необычайный, „выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго“; у нихъ и сила нечеловѣческая; кромѣ того, у нихъ являются свойства, напоминающія прямо языческихъ боговъ, напримѣръ — способность оборачиваться какимъ угодно звѣремъ. Къ старшимъ богатырямъ принадлежатъ между прочимъ: Святогоръ, Волхъ Всеславьевичъ (или Вольга Буслаевичъ) и Микула Селяниновичъ. Всѣ старшіе богатыри своими дѣйствіями олицетворяютъ первобытный, звѣроловный, бродячій періодъ жизни русскаго народа, періодъ смутнаго сознанія своихъ силъ, не сложенныхъ еще ни въ какое стройное цѣлое. Одинъ только Микула Селяниновичъ представляетъ такія черты, по которымъ видно, что народъ уже начиналъ сознавать преимущество земледѣльческой жизни передъ кочевою, преимущество осѣдлаго благоустроеннаго общества передъ воинственной, бродячей ордой. У старшихъ богатырей (за исключеніемъ Микулы) нѣтъ еще ни опредѣленнаго мѣста жительства, ни опредѣленной цѣли жизни. Они сами тяготятся своимъ безпредѣльнымъ просторомъ и своей чудовищной силою. Они если борются, то развѣ съ непокорными силами природы, а не съ людьми. Младшіе же богатыри всѣ группируются въ одномъ мѣстѣ, именно въ Кіевѣ, вокругъ Владиміра Краснаго-Солнышка, и цѣли у нихъ опредѣленныя: они служатъ русской землѣ, очищаютъ ее отъ разныхъ золъ, обороняютъ отъ всякихъ разбойниковъ и хищниковъ, строютъ мосты, прокладываютъ дороги „прямохожія да прямоѣзжія“, а затѣмъ собираются за столомъ у радушнаго князя поотдохнуть, попировать, поразсказать другъ другу о своихъ дѣлахъ и приключеніяхъ. Къ числу младшихъ богатырей принадлежатъ между прочимъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Ставръ Годиновичъ съ Василисой Микуличной и другіе.

Кромѣ богатырей, имѣющихъ — по своимъ характерическимъ чертамъ — общерусское значеніе, въ поэзіи народной есть и другіе богатыри, имѣющіе значеніе преимущественно для извѣстной мѣстности. Такіе богатыри называются *мѣстными*. Напримѣръ, Садко, богатый гость, надѣленъ такими чертами, которыя прямо указываютъ на особенности Новогородской мѣстности. Наконецъ, въ числѣ кіевскихъ младшихъ богатырей „у ласкова князя у Владиміра“ встрѣчаются еще пришельцы изъ сосѣднихъ съ Кіевомъ мѣстностей. Это — такъ называемые *заѣзжіе* богатыри. Напримѣръ, Чурило Пленковичъ изъ Малаго-Кіевца, Дюкъ Степановичъ изъ города Волынца (а по другой былинѣ—изъ Индіи богатой).

Тонъ былинъ всегда спокойный, ровный. Онъ нигдѣ не перебивается вставками замѣчаній, или чувствъ, которыя вносили бы личный, авторскій элементъ, какъ это бываетъ обыкновенно въ произведеніяхъ поэзіи художественной. Только въ концѣ былинъ прибавляются обыкновенныя, заключительныя замѣтки о значеніи былины для слушателей (напримѣръ: „старымъ людямъ на послушанье, молодымъ для памяти“); и эти замѣтки составляютъ отзывъ, убѣжденіе всего народа, а не какой-либо отдѣльной личности.

Языкъ былинъ всегда простой, тотъ самый, который ежедневно употребляется народомъ. Въ складѣ рѣчи не видно того, что въ литературныхъ произведеніяхъ называется *слогомъ*, т.-е. тою или другою оригинальною манерою выраженія, настолько отличительною манерою, что по ней часто можно узнать автора. Былинный языкъ всегда одинаковъ, даже если сравнить старинныя былины съ другими сравнительно новѣйшаго происхожденія. Одинаковость слога какъ въ старыхъ, такъ и въ новыхъ былинахъ объясняется тѣмъ, что былины сохраняются въ памяти народа, а не въ письмѣ, передаются въ живой рѣчи, а не въ книгѣ, слѣдо-

вательно—при переходѣ разсказовъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ мѣстности въ мѣстность, слова, выраженія и пріемы устарѣвшіе не удерживаются, а замѣняются тѣми, которые принадлежатъ живой рѣчи послѣдняго поколѣнія. При сравненіи съ языкомъ литературнымъ языкъ народныхъ былинъ естественно отличается многими словами и выраженіями не литературными, а чисто простонародными (современными, или старинными). Примѣры:

безвременье—невзгода,
богачество—богатство,
вольгота—свобода,
воспроговорить—произнести,
гусельшки—гусли,
догадка—догадливость,
жалкій—жалобный,
загусельщикъ—гуслярь,
зачинъ—начало,
избыть—избавиться,
кряковистый,—суковатый, съ корявымъ пнемъ,
ладить—готовиться,
латырь-камень—янтарь,
лукоморье—излучина морского побережья,
матерой—престарѣлый, сильный,
сворохнуться—пошевелиться,
сдивоваться—удивиться,
сила—войско,
смѣта—счетъ,
стамѣта—бархатъ,
столованье—пированье,
сѣдатый—сѣдой,
тавлеи—шашки, шахматы,
накрутиться—нарядиться,
сокрушиться—одѣться,
оратай—землепашецъ,
омѣшикъ—рало у сохи,
на-особицу—особенно, отдѣльно,
погода—непогода,
подсолнечникъ—зонтикъ, опахало,
позариться—польститься, пожадничать,
показаться—понравиться,
поленица—женщина-богатырица,
провизгъ—визгливый тонъ рѣчи,
пропитомство—пропитаніе,
рукобитіе—обрядъ сговора,
ширинка—полотенце,
щепливый—щегольской,
яровчатый—*яворчатый* (изъ дерева-явора),
во всю голову—во все горло,
гость торговый—купецъ,
грудью пойти—поскакать,
на дымъ пустить—пожечь,
тощиться—истрачиваться,
туръ—зубръ, волъ,
угодить—попасть,
уродствовать—проказить, чудить,
Хвалынское море—Каспійское море,
хоробрый—храбрый,
червленный—красноватый,
чингалище—кинжалъ,
шалыга—плеть съ пулей,
шелепуха—кистень,
крестьянствовать—заниматься земледѣліемъ,
до-люби—по душѣ,
мудрости искать надъ кѣмъ—стараться кого-либо перехитрить,
поворотъ держать—вернуться,
полевать—рыскать по полю, искать приключеній,
на-пяту отворить дверь—отворить настежь.
и мн. др.

Особенность стихотворнаго размѣра народныхъ былинъ требуетъ и соотвѣтствующаго чтенія ихъ. Большею частью стихи имѣютъ размѣръ хореическій: 4 или 5 *хореевъ* съ послѣднею стопою *дактиля*. Примѣръ:

Шѐлъ по | сòлъ Ва | сѝлій | вò бѣ | лòй шатеръ,
Сòкру | тѝлся | Вàси | лѝсой | въ плàтья | жѐнскія.

Но нерѣдко хореи съ дактилями перемежаются безъ порядка. —Неизмѣнная принадлежность тоническаго размѣра народныхъ былинъ заключается въ томъ, что каждый стихъ имѣетъ *три ударенія*. Эти ударенія падаютъ на тѣ слова, которыя въ стихѣ имѣютъ наиболѣе значенія по мысли, или по чувству.

Шелъ посо̀лъ — Васи̇лій — во бѣло̀й шатеръ,
Сокрути̇лся — Васили̇сой — въ платья жѐнскія.

Не тычи̇нушка — въ чисто̀мъ полѣ — шата̀ется,
На добро̀мъ конѣ — несѐтся — подвига̀ется
Матеро̀й — удалый до̀брый — мо̀лодецъ,
Ста̀рый — Илья̀ Му̀ромецъ — да сынъ Ива̀новичъ.

Такъ на-распѣвъ разсказываются былины богатырскія въ тѣхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстностяхъ России, гдѣ онѣ еще уцѣлѣли въ устахъ народа, вдали отъ печати и отъ фабричной промышленности. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежатъ между прочимъ губерніи: Олонецкая, Архангельская, Пермская и Сибирскія области, особенно же Заонежье. Встарину разсказчики былинъ назывались *загусельщиками, каликами-перехожими*, а теперь называются: въ Малороссіи *кобзарями* и *бандуристами*, а въ сѣверныхъ губерніяхъ — *сказителями*.

Произведенія устной народной поэзіи литераторы стали записывать и собирать только со временъ Екатерины II. Сама Государыня сдѣлала небольшой сборникъ пословицъ. До того же времени, по фальшивому взгляду на народную поэзію, считали ее низкою и недостойною вкуса образованныхъ людей. Первый по времени сборникъ народныхъ пѣсенъ принадлежитъ Киршѣ Данилову: „*Древнія россійскія стихотворенія*“. 1804. Потомъ пошли другіе, болѣе полные. Изъ нихъ важнѣйшіе: Сахарова „*Пѣсни русскаго народа*“ 1838. — Кирѣевскаго „*Народныя пѣсни*“ (былины) 1860 — 1874. — Рыбникова „*Пѣсни*“ 1861 — 1867. — Гильфердинга „*Онежскія былины*“ 1873.

---

6. **Былины богатырскія.** (Продолженіе.)

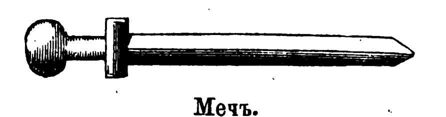
Былины о Святогорѣ, о Волхѣ Всеславьевичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ. Краткое содержаніе былинъ. Характеристика *старшихъ* богатырей.

Былины о Святогорѣ. („*Пѣсни*“ Рыбникова. Часть I, стр. 32—38, 40 — 42.) Въ одной былинѣ говорится о томъ, какъ Святогоръ выѣхалъ въ чистое поле погулять и поискать, съ кѣмъ бы помѣряться своей силой; а силы у него такъ много, что ему самому тяжело отъ нея. Всю бы землю я поднялъ, — говоритъ богатырь — еслибъ было за что ухватить ее. Попадается ему на дорогѣ маленькая сумочка переметная. Захотѣлъ онъ ее поднять, — сумочка не подается, ухватилъ ее онъ сильно, — сумочка съ мѣста не двигается; изо всей силы онъ потянулъ ее, но только чуть-чуть ее приподнялъ отъ земли, себя же втиснулъ въ землю по колѣни, а по лицу не слезы, а кровь потекла. Сумочка эта оказалась *земною тягою*, несравненно болѣе сильною, чѣмъ самъ богатырь.

Въ другой былинѣ о Святогорѣ разсказывается, какъ однажды богатырь Илья Муромецъ пріѣхалъ къ какой-то огромной горѣ. Лежитъ на ней богатырь, самъ какъ гора. Это и былъ Святогоръ. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ &

зацѣпился за сучекъ", говоритъ богатырь. Илья изо всей силы повторяетъ ударъ. „Вѣрно, я за камешекъ задѣлъ", говоритъ богатырь. Примѣтивъ наконецъ Илью, Святогоръ сказалъ ему: „А, это ты, Илья Муромецъ! ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силу. Видишь, какой я уродъ, меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней."

Еще въ одной былинѣ разсказывается, какъ Святогоръ съ Ильей разъѣзжали по полямъ и наѣхали на великій гробъ. На томъ гробу надпись: кому суждено, тотъ въ него и ляжетъ. Для Ильи гробъ оказался непомѣрно широкъ и великъ, а Святогору пришелся какъ-разъ въ пору. Легъ въ него Святогоръ и накрылся крышей. Какъ онъ потомъ захотѣлъ поднять крышу — не можетъ. По приказанію Святогора, Илья нѣсколько разъ ударилъ мечомъ по крышѣ. Сколько сдѣлано ударовъ, столько на мѣстѣ ихъ выросло желѣзныхъ полосъ. Опять, по приказанію Святогора, Илья наклонился къ щелочкѣ въ гробу. Въ эту щелочку Святогоръ дохнулъ на Илью и передалъ ему свой богатырскій духъ, а самъ затихъ въ гробу.

Мечъ.

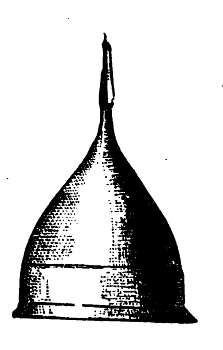
Характеристика Святогора. По чертамъ, какими обозначенъ Святогоръ въ этихъ былинахъ, видно, что въ немъ господствуютъ начала не человѣческія, а міровыя, стихійныя. Святогоръ — богатырь-стихія. Въ этомъ смыслѣ онъ является во главѣ старшихъ богатырей, т.-е. тѣхъ богатырей, которые, по своимъ свойствамъ, болѣе близки къ богамъ, нежели къ людямъ. Силы у Святогора непомѣрно много, но дѣятельности никакой: не выяснилось еще цѣли. Оттого и самый образъ этого богатыря громаденъ, но не ясенъ. При одномъ приближеніи Святогора, какъ говоритъ былина:

„Мать-сыра-земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются".

И видъ его необъятенъ: „онъ выше лѣсу стоячаго, головой упираетъ подъ облаку ходячую". Такія черты прямо приближаютъ Святогора къ богамъ. — Замѣчательно, что *тяга земная* оказывается Святогору не подъ силу. Тутъ проглядываетъ та идея, что земля, какъ стихія, уступаетъ первенство землѣ, какъ основѣ земледѣлія, которое въ свою очередь является важнѣйшею опорою благоустроенной жизни. Такимъ образомъ, въ лицѣ Святогора поэтически выражается мысль о смѣнѣ первобытной кочевой жизни русскаго народа бытомъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ. Еще надо замѣтить, что Илья Муромецъ является прямымъ преемникомъ могущества Святогорова.

Былины о Волхѣ Всеславьевичѣ (Вольгѣ Святославговичѣ) и о Микулѣ Селяниновичѣ. (*„Собраніе россійскихъ стихотвореній"* Кирши Данилова. — *„Пѣсни"* Рыбникова. Ч. I, стран. 1 — 6, 17—22.) Въ одной былинѣ разсказывается о томъ, какими чрезвычайными обстоятельствами сопровождалось появленіе Волха на свѣтъ: затряслась земля, заколыхалось море, рыба ушла въ глубину, птицы разлетѣлись подъ небеса, звѣри разбѣжались по горамъ и по лѣсамъ. Далѣе — о дѣтствѣ Волха. И оно прошло тоже необыкновенно. Еще Волху только полтора часа, а голосъ его какъ громъ гремитъ. Онъ требуетъ, чтобы матушка пеленала его въ латы крѣпкія, на голову ему надѣвала бы золотой шлемъ, а въ руку ему давала бы палицу свинцовую въ триста пудъ. Ученье его тоже совсѣмъ

особенное. Онъ быстро окончилъ свой курсъ и научился главнымъ премудростямъ: оборачиваться какимъ угодно звѣремъ. Двѣнадцати лѣтъ, Волхъ набралъ себѣ дружину храбрую, самъ сталъ во главѣ. Онъ ее кормитъ и поитъ, одѣваетъ въ шубы

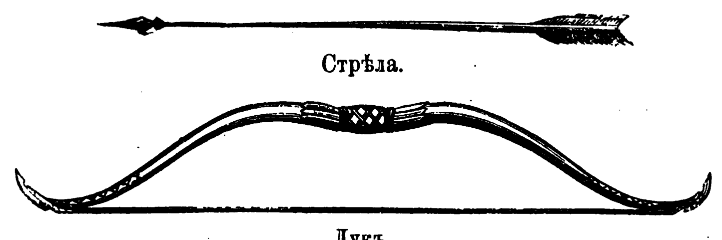

Древніе шлемы.

соболиныя, и день, и ночь все заботится о ней. Зато и дружина чуть не молится на него:

Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется.

Лишь только услышалъ Волхъ, что индѣйскій царь снаряжается на Кіевъ, чтобы стольный городъ раззорить, церкви Божіи разрушить, собралъ онъ свою дружину на совѣтъ. Рѣшено, что самъ Волхъ слетаетъ въ царство индѣйское узнать подробности о замыслахъ тамошняго царя. Волхъ обернулся соколомъ, прилетѣлъ въ индѣйское царство, подслушалъ у окна разговоръ царя съ царицею; немедля ни минуты, обернулся горностаемъ, пробрался въ царскіе подвалы: у стрѣлъ желѣзцы повынималъ, у луковъ тетивы пооткусывалъ, у ружей шомполы и кремни

Стрѣла.

Лукъ.

повыдергалъ, воротился домой и снова явился въ индѣйское царство, но уже съ дружиною. Здѣсь, чтобы пройти сквозь замочную скважину крѣпостныхъ воротъ, Волхъ обернулся самъ и дружину обернулъ „мурашками“. Царство индѣйское завоевано, непріятель уничтоженъ, самъ Волхъ женился на царицѣ, а дружинники переженились на 3.000 плѣнныхъ дѣвушкахъ.

Въ другой былинѣ находимъ подробности и о Вольгѣ, и о Микулѣ вмѣстѣ. Вотъ ея содержаніе. Вольга отправился съ дружиною собирать дань съ тѣхъ городовъ, которые ему пожаловалъ Владиміръ Красное-Солнышко. Города эти: Орѣховецъ, Гурчевецъ и Крестьяновецъ. Заслышалъ Вольга въ полѣ *ратая* (оратая, т.-е. пахаря). Поѣхалъ Вольга на голосъ, но только на третій день могъ доѣхать до него. Послѣ обмѣна привѣтствій Вольга пригласилъ ратая ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ товарищахъ. Поѣхалъ ратай. На дорогѣ онъ вспомнилъ, что не успѣлъ убрать сошку съ пашни. Вольга хочетъ ему услужить и посылаетъ дружи-

никовъ; но ни пять, ни десять молодцевъ, ни даже вся дружина никакъ не могутъ сдвинуть сошку съ мѣста. Тогда самъ ратай забрасываетъ ее „за ракитовъ кустъ". Ѣдутъ дальше. У ратая лошадка идетъ рысью, а Вольгинъ богатырскій конь скачетъ. У ратая лошадка прибавила ходу („грудью пошла"), а Вольга спрашиваетъ ратая, кто онъ такой, какъ его звать, какъ по-отчеству величать? Богатырь-пахарь, вмѣсто прямого отвѣта, въ немногихъ словахъ объясняетъ свое занятіе и значеніе:

Ай же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
Драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю да и мужиковъ напою.
Станутъ мужики меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!

Характеристика Микулы Селяниновича и Волха Всеславьевича (Вольги Святославговича). Въ образѣ Святогора народъ русскій выразилъ идею о землѣ, какъ о стихійной силѣ, а въ образѣ Микулы — мысль о землѣ, какъ сосредоточіи жизни и дѣятельности людей. Въ Микулѣ идеализированъ пахарь-богатырь, кормилецъ русской земли. Личность Микулы даетъ читателю почувствовать во-первыхъ, что сельское занятіе, именно хлѣбопашество, составляетъ коренной, всенародный русскій трудъ; а во-вторыхъ, что земледѣліе соединяетъ людей самыми крѣпкими отношеніями и воспитываетъ въ нихъ лучшія чувства и нравы, именно — радость отъ сознанія своей полезности для цѣлаго общества. Не даромъ же Микулѣ и придано отчество *Селяниновича*. Другими словами, Микула есть сынъ *села*, идеалъ сельской жизни и дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ онъ и поставленъ несравненно выше Волха, представителя боевой силы.

Образъ Волха, какъ представителя боевой силы, какъ олицетвореніе дружинныхъ понятій русскаго народа, очерченъ сполна соотвѣтственными признаками. Для него война составляетъ и цѣль, и средства жизни. Дружина служитъ для него орудіемъ какъ для осуществленія своихъ богатырскихъ задачъ относительно защиты Кіева отъ чужеземныхъ враговъ, такъ и для добыванія войною дорогой добычи. Другихъ занятій въ жизни Волхъ не имѣетъ, кромѣ войны и военной службы у Владиміра. Зато, Красное-Солнышко и жалуетъ ему дани съ нѣсколькихъ городовъ. Въ отношеніи къ своей дружинѣ Волхъ (Вольга) является идеаломъ дружиннаго предводителя. Онъ не командиръ, а отецъ, попечитель, кормилецъ, поилецъ ея, въ то же время отважный, искусный и хитрый воевода. Самую способность свою оборачиваться всякимъ звѣремъ Волхъ употребляетъ, главнымъ образомъ, въ интересахъ дружины же: то обернется сѣрымъ волкомъ, чтобы наловить всякаго звѣря какъ для пропитанія, такъ и на шубы добрымъ молодцамъ; то обернется яснымъ соколомъ, чтобы набить разной пернатой дичи; то обернется горностаемъ и мурашикомъ, чтобы оказать дружинѣ еще другія безцѣнныя услуги. Такимъ образомъ, хотя въ изображеніи Волха и видны кое-какія черты, приближающія его къ миѳическому періоду — напримѣръ, происхожденіе его отъ Змѣя-Горынича и Марѳы Всеславьевны, чудесная обстановка его рожденія и дѣтства и самая способность оборачиваться; — но все же въ немъ выработаны съ большой отчетливостію черты болѣе позднѣйшаго времени, именно періода дружиннаго. Двое изъ древнѣйшихъ русскихъ князей, именно Олегъ-вѣщій, преемникъ Рюрика, и другой — Всеславъ Полоцкій, послужили матеріалами, изъ которыхъ народная фантазія создала Волха Всеславьевича. О Всеславѣ Полоцкомъ, какъ объ оборотникѣ, упоминается въ Словѣ о полку Игоревѣ:

Любъ ему (Всеславу) былъ Кіевъ, что дѣвица:
О него онъ жеребій и кинулъ,
Перегнулся на сѣдлѣ, помчался,
Да лишь древкомъ копія доткнулся
До его престола золотаго!
Въ ночь утекъ оттуда лютымъ звѣремъ,
Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
Утромъ билъ ужъ стѣны въ Новѣградѣ,
Ярослава славу порушая...
Проскочилъ оттуда сѣрымъ волкомъ,
Отъ Дудутокъ на рѣку Немигу...

(Переводъ *А. Н. Майкова.*)

Всѣ эти три *старшіе* богатыря представляютъ собою три степени въ развитіи первоначальной жизни народной. Святогоръ принадлежитъ еще кочевой, пастушеской жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Святогоръ въ землю *„угрязъ“*, или по другой былинѣ — передалъ свой богатырскій духъ Ильѣ Муромцу, кочевой періодъ прекращается и смѣняется осѣдлымъ, земледѣльческимъ, со всякими признаками общежитія и гражданственности. Микула Селяниновичъ и есть представитель періода земледѣльческаго со всѣмъ благотворнымъ его вліяніемъ на развитіе народной жизни. Наконецъ, Волхъ (Вольга) представляетъ собою новое начало въ русской жизни, начало княжеской дружины и княжеской власти.

ОБРАЗЦЫ БЫЛИНЪ О БОГАТЫРЯХЪ СТАРШИХЪ.

1. Былина о Святогорѣ.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти;
Засѣдлаетъ своего добраго коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А и сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени,
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы я тяги нашелъ,
„Такъ я бы всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялочку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется;
Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою, — не подымется;
„Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
„А этакова чуда не наѣзживалъ,
„Такова дива не видывалъ:
„Маленькая сумочка переметная
„Не скрянется, не сворохнется, не подымется!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку выше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

(«Пѣсни» *Рыбникова,* Ч. I, стр. 32.)

2. Былина о Волхѣ Всеславьевичѣ

(Вольгѣ Святославговичѣ).

А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ [1]).
Подрожала сыра земля,
Стряслося словно царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для-ради рожденья богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича;

---

[1]) Отецъ Волха—Змѣй Горынычъ, а мать Мароа Всеславьевна.

Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры [1]) да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.
А и будетъ Волхъ во полтора часа,
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, государыня матушка,
„Молода Мароа Всеславьевна!
„А не пеленай во пелену червчатую [2]),
„А не поясн въ поясья шелковые,—
„Пеленай меня, матушка,
„Въ крѣпки латы булатныя,
„А на буйну голову клади златъ шеломъ,
„Во праву руку палицу,
„А тяжку палицу свинцовую,
„А вѣсомъ та палица въ триста пудъ."
А и будетъ Волхъ семи годовъ,
Отдавала его матушка грамотѣ учиться;
А грамота Волху въ наукъ пошла;
Посадила его ужъ перомъ писать;
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,

Конный богатырь.

Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ, золоты-рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать.
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины семь тысячей;
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву.

[1]) Туръ—зубръ, волъ.—[2]) Червчатый—красноватый.

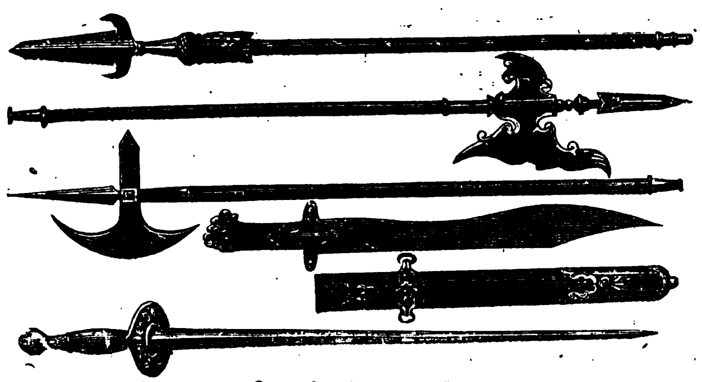
Индѣйской царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить,
И почестны монастыри раззорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Со всею дружиною хороброю
Ко славному царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ лѣсамъ и по раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимый кусъ,
Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ;
Волхъ поилъ-кормилъ дружину хоробрую,
Обувалъ-одѣвалъ добрыхъ молодцевъ,
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А и сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
А поилъ-кормилъ дружинушку хоробрую,
А всѣ у него были яства перемѣнныя,
Перемѣнныя яства сахарныя.
А сталъ онъ Волхъ вражбу чинить:
„А и гой еси вы, удалы добры молодцы,
„Не много не мало васъ семь тысячей!
„А и есть ли, братцы, у васъ таковъ человѣкъ,
„Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
„А сбѣгалъ бы ко царству Индѣйскому,
„Провѣдалъ бы про царство Индѣйское,
„Про царя Салтыка Ставрульевича,
„Про его буйную голову Батыевичу?“
Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
— Нѣту у насъ такого молодца,
— Опричь тебя, Волха Всеславьевича.—
А тутъ таковой Всеславьевичъ
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ, золоты-рога,
Побѣжалъ онъ ко царству Индѣйскому;
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти;
Онъ обернулся яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко царству Индѣйскому.
И будетъ онъ въ царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ онъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ палаты на царскія,
Ко тому царю Индѣйскому,
И на окошечко косящатое [1]),
А и буйные вѣтры по насту [2]) тянутъ:
Царь со царицею въ разговоры говоритъ.
Говорила царевна Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
„А и гой еси ты славный Индѣйской царь!
„Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
„Про то не знаешь, не вѣдаешь:
„А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
„А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
„Тебѣ, царю, соперничекъ.“
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошечкѣ косящатомъ,
Онъ тѣ то, де, рѣчи повыслушалъ;
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
У того ружья у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далеко во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хоробрыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:
„Гой еси вы, дружина хоробрая,
„Не время спать, пора вставать!
„Пойдемъ мы ко царству Индѣйскому!“
И пришли они ко стѣнѣ бѣлокаменной:
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ворота у города желѣзные,

---

[1]) Косящатое—съ косяками; окно косящатое въ противоположность окну волоковому.—[2]) Настъ—оледенѣлый снѣгъ.

Крючки-засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны-нощны,
Стоитъ подворотня — дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только въ вырѣзу муращу пройти.

И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:
„Потерять будетъ головки напрасныя.
„А и какъ намъ будетъ стѣна пройти?“

Оружіе богатырей.

Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулся мурашикомъ
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками;
Прошли они стѣну бѣлокаменну

И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ,
Въ славномъ царствѣ Индѣйскіимъ.
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею съ ратною.

Оружіе богатырей.

Затѣмъ, дружина избиваетъ всѣхъ жителей, кромѣ трехъ тысячъ красныхъ дѣвушекъ. Самъ Волхъ убиваетъ царя Индѣйскаго. Волхъ женится на царицѣ, а дружина его — на тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ.

(*Кирша Даниловъ.*)

---

7. Былины богатырскія. (Окончаніе.)

Богатыри младшіе, мѣстные и заѣзжіе. Конецъ богатырей.—Былины объ Ильѣ Муромцѣ, о Добрынѣ Никитичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ, о Ставрѣ Годиновичѣ и Василисѣ Микуличнѣ, о Садкѣ Новогородскомъ, о Василіи Буслаевѣ, о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ. Борьба богатырей съ силою нездѣшнею (краткое содержаніе былинъ и характеристика богатырей).

Изъ множества былинъ объ Ильѣ Муромцѣ особенно замѣчательна та, въ которой съ гораздо большею полнотою, нежели въ остальныхъ былинахъ, разсказывается объ этомъ богатырѣ. (Былина эта записана г. Ядовинымъ со словъ крестьянина въ г. Шенкурскѣ, 1843 г., и помѣщена въ 1-мъ выпускѣ сборника народныхъ пѣсенъ

П. В. Кирѣевскаго, стр. 77—86.) Вотъ краткое содержаніе. Илья, крестьянскій сынъ, родомъ изъ г. Мурома, изъ села Карачарова. Онъ проситъ у отца своего, Ивана Тимофеича, благословенія „съѣздить да посмотрѣть всѣ земли святорусскія". Отецъ не совѣтуетъ сыну пускаться въ долгій и опасный путь: говоритъ, что повсюду на Руси лѣсъ да бездорожье да разбои. Однако все это не останавливаетъ Илью. Получивши отцовское благословеніе, онъ усердно молится въ церкви Николы Заручевскаго и быстро отправляется въ путь, такъ быстро, что видѣли, какъ Илья на коня сѣлъ, но не видали „куда поѣздку далъ". Мчится Илья Муромецъ черезъ рѣки и озера. *Старшіе* богатыри любуются имъ, не наглядятся на его поѣздку молодецкую. Илья спѣшитъ на подвиги. У него дѣла много. Вотъ, прежде всего, сталкивается онъ съ Соловьемъ-разбойникомъ, отъ котораго до той поры никому и нигдѣ на дорогахъ не было ни проходу, ни проѣзду. Илья дороги очищаетъ отъ разбоя, самого Соловья побѣждаетъ, привязываетъ къ сѣдлу и спѣшитъ въ Кіевъ. Подъ городомъ Кидышемъ онъ встрѣчаетъ несмѣтную „силу поганую, Литву некрещеную". Всю эту вражью силу Илья повыбилъ, а городъ освободилъ. Подъ самымъ подъ Кіевомъ богатырь встрѣтилъ „заставу великую": тутъ засѣли семеро сыновей Соловья-разбойника. Илья покончилъ и съ ними, какъ ни старались они его подкупить золотомъ, серебромъ и жемчугомъ. Не только здѣсь, но и на Дунаѣ онъ встрѣтился съ потомствомъ Соловья-разбойника; тамъ старшая дочь его, „Катюшенька", содержала перевозъ. Она вздумала не пустить Илью за Дунай. Богатырь очистилъ и эту мѣстность отъ разбойничьихъ заставъ, да, кромѣ того, вырвалъ „дубье съ кореньемъ", очистилъ землю отъ лѣса, приготовилъ для хлѣбопашества, а изъ дубья намостилъ первые мосты и не какъ-нибудь, а „крѣпко-на-крѣпко да дѣльно-на-дѣльно". Затѣмъ богатырь отправляется съ докладомъ къ Владиміру Красному-Солнышку о томъ, что дороги прямохожія и прямоѣзжія проложены отъ Мурома до Кидыша, отъ Кидыша до Кіева, разбои уничтожены и самъ Соловей привезенъ „на показанье". Князь сначала даже обидѣлся: такъ мало вѣроятнымъ показался ему такой подвигъ; но пришлось убѣдиться, когда собственными глазами увидѣлъ Соловья и собственными ушами услышалъ его страшный свистъ. Кончается былина картиною княжескаго пира. На этомъ пиру сначала все шло хорошо, но сдѣланное княземъ замѣчаніе Ильѣ за его неловкость обидѣло богатыря. Послѣдній не только не захотѣлъ болѣе оставаться у князя, но еще плеткою приколотилъ всѣхъ гостей, а князя самого загналъ за печку. Куда исчезъ потомъ Илья—никто не замѣтилъ. Въ концѣ былины сказано: „Илья тутъ и былъ, и нѣтъ; нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти, нынѣ и до-вѣку".

Въ былинѣ о борьбѣ Ильи Муромца съ *идолищемъ*, или *одолищемъ* („*Пѣсни*" Кирѣевскаго. Выпускъ 4, стр. 22—38) богатырь переодѣвается каликою и отправляется въ Іерусалимъ, чтобы уничтожить идолище, отъ котораго христіане терпятъ притѣсненія. Тамъ онъ находитъ „одолище поганое" и вступаетъ съ нимъ въ поединокъ. Одолище кидаетъ въ Илью ножъ, Илья же убиваетъ его своимъ колпакомъ.

Объ отношеніи Ильи Муромца къ каликамъ-перехожимъ видно изъ той былины („*Пѣсни*" Рыбникова. Томъ I, стр. 33 - 35), гдѣ разсказано, какъ Илья Муромецъ сиднемъ сидѣлъ 30 лѣтъ, пока не пришли къ нему въ домъ калики. Они-то поднесли ему чудотворное питье и въ этомъ питьѣ даровали ему силу и удаль богатырскую.

Въ характерѣ Ильи Муромца замѣчательна еще черта необыкновенной скромности, отсутствіе малѣйшаго самохвальства. Такъ, въ одной былинѣ („*Пѣсни*" Кирѣевскаго. Выпускъ I, стр. 23) разсказывается о его встрѣчѣ со станичниками,

т.-е. разбойниками. Не узнали его станичники и приготовились его ограбить. Илья пустилъ стрѣлу въ узловатый дубъ и разбилъ его въ щепки. Отъ ужаса станичники попадали. Тутъ только узнали они Илью Муромца и попросились къ нему въ холопство вѣковѣчное.

Нѣкоторыя былины („*Пѣсни*“ Кирѣевскаго. Вып. I, стр. 90, № 2) воспѣваютъ самого Илью какъ казака или ясаула, предводителя удалой казачьей шайки.

Характеристика Ильи Муромца. Илья Муромецъ—богатырь-крестьянинъ. Фантазія надѣлила его образъ лучшими чертами народно-русскаго характера. По отношенію къ старшимъ богатырямъ Илья является ихъ прямымъ потомкомъ. Святогоръ не только научилъ его всѣмъ ухваткамъ богатырскимъ, но и передалъ ему богатырскій духъ. Связь Ильи съ каликами указываетъ на нравственное значеніе этого богатыря. Калики не только даруютъ Ильѣ огромную силу, но еще указываютъ ему благородныя цѣли его богатырства. И дѣйствительно, во всѣхъ дѣлахъ Ильи Муромца проходитъ одна постоянная, основная цѣль: служить интересамъ земли русской, свободѣ и благополучію русскаго народа, служить Владиміру Красному-Солнышку, какъ предводителю русскихъ богатырей, какъ представителю русской земли. Таковы и военные подвиги Ильи Муромца: битвы и побѣды; таковы и гражданскія его заслуги: безкорыстное истребленіе разбоевъ, устройство путей, уроки земледѣлія и гражданственности. Въ Ильѣ соединяются двѣ огромныя силы: физическая и нравственная. Такимъ образомъ Ильѣ обезпечены постоянныя удачи. Оттого-то онъ всегда рѣшителенъ, смѣлъ, удалъ, и высочайшая для него награда за подвиги заключается въ сознаніи того, что онъ ихъ совершилъ на пользу общую. Илья Муромецъ — любимѣйшій народный богатырь, онъ разработанъ народною фантазіею несравненно полнѣе и разностороннѣе, нежели всѣ остальные; и стоитъ Илья, по своимъ качествамъ, во главѣ всѣхъ *младшихъ* богатырей.

Добрыня Никитичъ, родомъ изъ Рязани, представитель боярскаго сословія (по лѣтописямъ, Добрыня — дядя Владиміра, братъ Малуши, Ольгиной ключницы). Послѣ Ильи Муромца, Добрыня является самымъ доблестнымъ, надежнымъ богатыремъ. Кромѣ храбрости онъ отличается еще благородствомъ обращенія и даромъ краснорѣчія. „У него рѣчи — говоритъ былина — привѣтливы, у него рѣчи умильныя“; онъ прельститъ и уговоритъ. „У Добрыни вѣжество рожденное и ученое“, т.-е. и по природѣ, и по воспитанію. Изъ военныхъ его подвиговъ важнѣйшіе два: 1) усмиреніе „чуди бѣлоглазой, сорочины долгополой (т.-е. *сарацинъ*-магометанъ), черкесовъ пятигорскихъ, калмыковъ, татаръ, чукчей и *алюторовъ*“ (одного изъ сибирскихъ инородцевъ); 2) уничтоженіе страшнаго Змѣя-Горынчища. Добрыня истребилъ все его потомство и освободилъ „много царей и царевичей, королей и королевичей“, которые томились у Горынчища въ плѣну. Смѣлость и благородная краса Добрыни плѣнили могучую богатырицу (поленицу) Настасью Микуличну, дочь Микулы Селяниновича. Она, въ битвѣ съ Добрынею, сначала сдернула его съ коня долой и сунула въ мѣшокъ, а потомъ онъ ей пришелся по сердцу, и она вышла за него замужъ. (О Добрынѣ: „*Пѣсни*“ Кирѣевскаго. Вып. 2, стр. 18—53. — „Книга о Кіевскихъ богатыряхъ“. Авенаріуса, стр. 134—138.)

Алеша Поповичъ, сынъ „попа Ростовскаго“, отличается слѣдующими характеристическими чертами: онъ смѣлъ до дерзости; но съ необузданною удалью соединяетъ обманъ и хитрость. У Алеши есть и другіе недостатки: онъ задоренъ и бранчивъ, у него „глаза завидущіе, руки загребущія“, какъ говоритъ былина. Наконецъ, Алеша — „женскій пересмѣшничекъ“, какъ выражается былина. Его

мастерство: кружить голову женскому полу ставитъ Алешу нерѣдко въ самыя непріятныя отношенія къ другимъ богатырямъ. Важнѣйшіе подвиги Алеши Поповича: побѣда надъ Тугаринымъ-Зміевичемъ и освобожденіе русской дѣвицы изъ татарскаго плѣна. (Объ Алешѣ Поповичѣ: „*Пѣсни*“ Кирѣевскаго. Вып. 2, стр. 70—81.)

Примѣчаніе. Въ былинахъ часто упоминается о борьбѣ то съ Змѣемъ-Горынчищемъ, то съ Тугаринымъ-Зміевичемъ, то просто съ Зміемъ. Этотъ Змѣй живетъ то въ горахъ, то въ рѣкахъ, летаетъ по воздуху, разсыпаясь огненными искрами, принимаетъ видъ богатыря и сражается съ богатырями; похищаетъ женщинъ и держитъ ихъ въ плѣну (Волхъ былъ сынъ Змѣя-Горынича и Мареы Всеславьевны); владѣетъ несмѣтными сокровищами и даже знаетъ, гдѣ находится живая вода, источникъ жизни, силы и здоровья. Въ образѣ огненнаго змія народная фантазія олицетворила молнію, воздушные метеоры и падающія звѣзды. Въ основаніи миѳа о борьбѣ съ огненнымъ зміемъ заключается идея борьбы солнечнаго свѣта съ мрачными тучами, его закрывающими. Та же идея олицетворяется въ миѳологіи различныхъ народовъ. Такъ, египетскій богъ свѣта, Пта, сражается со змѣемъ ночи; греческій богъ солнца, Фебъ-Аполлонъ, поражаетъ дракона Пиѳона; скандинавскій богъ свѣта, Фрейръ, побиваетъ драконовъ и исполиновъ, омрачающихъ солнце облаками и зимнею ночью. Кромѣ стихійнаго значенія, народная фантазія придала змѣю еще и другое аллегорическое значеніе: подъ змѣемъ разумѣется все вредное и враждебное человѣку; змій—символъ зла, нечистой силы, язычества, со всѣми грубыми, чудовищными языческими жертвоприношеніями. Слѣдовательно, и борьба со змѣемъ есть борьба добра со зломъ, христіанства съ язычествомъ.

Въ былинѣ о *Ставрѣ Годиновичѣ*, торговомъ гостѣ изъ Чернигова, и женѣ его, *Василисѣ Микуличнѣ* (*Авенаріусъ:* „Книга о Кіевскихъ богатыряхъ“. 1876, стр. 62—76) разсказывается главнымъ образомъ о томъ, какъ Василиса Микулична выручила изъ кіевской опалы мужа своего и при этомъ обнаружила богатырскую силу, ловкость и къ тому еще необыкновенную, какъ говорится въ былинѣ, „женскую догадочку“, т.-е. находчивость. Въ этомъ живомъ и изящномъ разсказѣ рисуется преимущественно характеръ отважной красавицы-богатырицы, личность же Ставра Годиновича на второмъ планѣ. По былинѣ видно, что Ставръ богатъ, умѣетъ вести торговое дѣло, любитъ жену и мастеръ играть на гусляхъ.

Богатыри мѣстные. Изъ *мѣстныхъ* богатырей особенно замѣчательны два новогородскихъ: *Садко* и *Василій Буслаевъ*. Въ томъ и другомъ выражены черты, характеризующія особенности новогородской мѣстности, какъ въ географическомъ, такъ и въ политическомъ и въ промышленномъ отношеніяхъ. Въ нравахъ, обычаяхъ и занятіяхъ Садка видны нравы и обычаи Великаго Новгорода, его своеобразная промышленность и обширная торговля, не только сухопутная, но и морская, съ сосѣдними государствами. Въ личности Садка отразилась набожность торговыхъ новогородскихъ людей; они любили строить храмы Божіи на пріобрѣтенное торговлею богатство. Особенность географическаго положенія Новгорода отразилась и на вѣрованіяхъ новгородцевъ. Въ былинѣ о Садкѣ („*Пѣсни*“ Рыбникова. Т. I, стр. 370—380) мы встрѣчаемся съ божествами рѣкъ, озеръ и съ самимъ морскимъ царемъ, который живетъ въ хрустальныхъ подводныхъ палатахъ. Его долго увеселялъ Садко своей игрой на гусляхъ. Царь слушалъ-слушалъ не наслушался и подъ конецъ плясать пошелъ и расплясался до того, что море взволновалося, стали гибнуть корабли, сталъ народъ молить „Миколу Можайскаго“ заступиться. Въ этой же былинѣ о Садкѣ страннымъ образомъ смѣшиваются языческія вѣро-

ванія съ христіанскими.—Въ личности *Василія Буслаева* („*Пѣсни*“ Рыбникова. Ч. I, стр. 344—351) изображается другая отличительная черта древняго Новгорода: вольная, буйная жизнь новогородская, политическія партіи и частыя кровопролитныя свалки приверженцевъ разныхъ партій. Часто междоусобія эти разростались до такихъ рєзмѣровъ, что духовенство выходило съ крестомъ и св. иконами для усмиренія враждующихъ. Въ былинѣ о Василіѣ Буслаевѣ видна еще одна черта нравовъ древне-русскаго человѣка вообще, не въ одномъ Новгородѣ, именно—наклонность, послѣ буйнаго разгула молодости, раскаяться подъ старость, настроить церквей и монастырей и даже самому скрыться въ монастырь, или же отправиться въ дальнія странствованія по святымъ мѣстамъ. Такъ въ одной былинѣ (*Гильфердингъ*, ст. 726) Василій, обращаясь къ матери, говоритъ:

Спусти меня, молодца, въ Еросолимъ градъ
Во святую святыню помолитися,
Ко Христову гробу приложитися,
Во Ердань рѣку окупатися.
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ!

Въ другой былинѣ, по пересказу Кирши Данилова (стр. 169), Василій заявляетъ корабельщикамъ:

Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Смолоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти.

Богатыри заѣзжіе. *Чурила Пленковичъ,* владѣтель обширныхъ помѣстій на Сорогѣ-на-рѣкѣ, близъ Малаго-Кіевца, отличается между богатырями богатствомъ, щегольствомъ и красотой. Дружина его такъ многочисленна и такъ раскошно одѣта, что Владиміръ, Князь Кіевскій, принялъ-было ее за свиту посла изъ Золотой Орды. Подвалы у Чурилы полны золота, серебра и черныхъ соболей. О красотѣ своей Чурила такъ заботится, что и въ городѣ передъ нимъ несутъ „подсолнечникъ“ (т.-е. зонтикъ), чтобы ему не загорѣть. Его походка такъ легка, что

Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
Лазоревый цвѣточекъ не ломится;
Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.

Впечатлѣніе его красоты такъ неотразимо сильно, что когда

Поѣхалъ Чурилушка по городу по Кіеву,
Заглядѣлись на Чурилу всѣ люди-тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядятъ,—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ,—лишь оконенки звенятъ.

(О Чурилѣ: «*Пѣсни*» Кирѣевскаго. Вып. 4, стр. 78-88.)

Дюкъ Степановичъ, бояринъ изъ города Волынца (а по другой былинѣ—изъ Индіи богатой). Онъ соперникъ Чурилы въ богатствѣ и красотѣ и притомъ соперникъ счастливый. Послѣ долгаго состязанія, Дюкъ побѣдилъ Чурилу и богатствомъ, и щегольствомъ. Когда Владиміръ вздумалъ удостовѣриться въ его богатствѣ и послалъ своихъ богатырей оцѣнить имѣнье Дюка, то они три года оцѣнивали одну лошадиную сбрую и донесли, что на полную оцѣнку имущества Дюка понадобится

столько бумаги и чернилъ, что нужно будетъ продать Кіевъ на бумагу, а Черниговъ — на перья и чернила. (О Дюкѣ: „*Пѣсни*" Кирѣевскаго. Вып. 3, стр. 101—106.)

Конецъ богатырей. Съ какихъ поръ перевелись богатыри на святой Руси? Богатырскій эпосъ заканчивается одной глубокомысленной былиной („*Пѣсни*" Кирѣевскаго. Вып. 4, стр. 113—115), въ которой разсказывается о послѣднихъ подвигахъ русскихъ богатырей. Вотъ ея содержаніе. На Сафатъ-рѣкѣ богатыри порубили, истребили несмѣтную силу басурманскую и стали потомъ похваляться и вызывать на бой силу *небесную* (по другимъ редакціямъ: силу *нездѣшнюю*). Появились двое свѣтлыхъ витязей, приняли вызовъ. Налетѣлъ на нихъ Алеша Поповичъ, разрубилъ ихъ пополамъ, — стало четверо, и живы всѣ. Налетѣлъ потомъ Добрыня Никитичъ, разрубилъ ихъ пополамъ, — стало восьмеро, и живы всѣ. Налетѣлъ потомъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ, со всего плеча, — стало вдвое, и живы всѣ. Наконецъ, бросились на нихъ всѣ богатыри, стали ихъ колоть, рубить, а сила все растетъ и растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ. Уходились богатыри, испугалися, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры — и окаменѣли. Объясненія смысла этой былины у различныхъ ученыхъ различны. Профессоръ Шевыревъ („Ист. рус. слов.". Т. I, стр. 249) понимаетъ эту былину такъ, что въ ней русскій народъ глубокомысленно выразилъ сознаніе того, что прежняя его физическая сила, олицетворенная въ богатыряхъ, послѣ побѣды надъ азіатскими ордами и надъ татарщиной, смѣнилась силой духовною, силой гражданственности, которая понемногу и распространилась во всѣ концы земли русской.

ОБРАЗЦЫ БЫЛИНЪ О БОГАТЫРЯХЪ МЛАДШИХЪ.

1. Полная былина объ Ильѣ Муромцѣ.

(Въ 1843 г. іюня 16-го записана г. Ядовинымъ въ г. Шенкурскѣ, со словъ крестьянина.)

Во славномъ во городѣ во Муромѣ
Во селѣ Карацаровѣ,
Тутъ жилъ-былъ старикъ Иванъ Тимоѳеицъ.
У нихъ сынъ былъ Илья Муромець,
Онъ просилъ у родимаго батюшки
Благословенья великова,
Навѣки не рушимава:
Еще съѣздить ему да посмотрѣть
Земли свято-русскіи
И кружала государева,
Цернава корабля — яснава сокола,
Во всѣ государевы вотцины [1]).
Говоритъ ему батюшко:
„Ужъ ты свѣтъ мое цедо [2]) порожденное!
„Потеряешь ты свою буйну голову,
„Вмѣсто мѣдныя пуговки не за денежку;
„Еще той дорогой никто не бывалъ,
„Никто не ѣзжалъ ровно тридцать лѣтъ, тридцать годовъ:
„Тамъ засѣлъ Соловей воръ-разбойницекъ,
„Онъ со дѣткама и со дѣвкама.
„Еще той дорогой целовѣку итти ровно два-года,
„А конному ѣхать полтора-года."
А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора цяса,
Между обѣдней ранней и утренней,
И поспѣть ко столу княженевскому
И къ тому обѣду къ воскресенскому.
И оттудова пошелъ Илья за Дунай-рѣку,
За широкую да за глубокую,
Къ тому къ Миколѣ Заруцевскому;
Онъ служилъ обѣдни запрестольніи,
Клалъ завѣты великіи,
Становилъ свѣцю двадцати пяти рублевъ,

---

[1]) Вотцины — вотчины. — [2]) Цедо — чадо.

Впередъ еще сулилъ пятьдесятъ рублевъ:
„Ты поправь меня, Господи,
„Во путѣ во-дороженькѣ,
„Въ цюжой дальней сторонѣ,
„Во Сибирскихъ во украинахъ."
Еще видѣли,—Илья на коня-то сѣлъ,
А не видѣли,—куда поѣздку далъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
По крутымъ бедрамъ, промежду ушей:
У ево конь бѣжитъ какъ соколъ летитъ,
Рѣки и озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля устилаютсе,
Старши богатыри дивуютсе:
—Нѣтъ на поѣздку Илья Муромця!
—У ево поѣздка молодецкая,
—Вся поступоцька богатырская!—
Завидѣлъ ево Соловей воръ-разбойницекъ,
Воръ-разбойницекъ да воръ-Ахматовиць:
—Вонъ, де, ѣдетъ въ полѣ дѣтина, шатаетсе,
—Подъ имъ конь подтыкаетсе.—
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
Забилъ въ долони [1]) по-богатырскому,
Заревѣлъ вѣдь онъ по-звѣриному,
Зашипѣлъ по-змѣиному:
Темны лѣсы отъ ево реву къ землѣ преклонилисе;
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутиласе;
Въ то время подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Еще самъ онъ коню приговаривалъ:
„Ахъ ты конь, ты конь, да травяной мѣшокъ,
„Травяной мѣшокъ, да лошадь добрая!
„Будь заступцива, да неуступцива.
„Цево ты, лошадь, да перепаласе?
„Не слыхала ты экова реву коровьява,
„Писку-верезгу дроздоваго?"
Вынималъ Илья Муромець
Изъ кармана изъ лѣвава
Свой тугой лукъ, калены стрѣлы;
Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
Калены стрѣлы да накладывалъ,
Еще самъ стрѣламъ приговаривалъ:
„Полетите мои стрѣлы каленыи,
„Всѣ переныи да нациненыи [2]),
„Повыше лѣса дремуцява,
„Пониже облака ходуцява,—
„Вы падите Соловью вору-разбойнику
„Во тепло гнѣздо да во буйну голову,
„И во самой во правой глазъ,
„И вередите ему сердце ретивое!"
Полетѣли стрѣлы каленыи,
Всѣ переныи да нациненыи,
Повыше лѣсу дремуцява,
Пониже облака ходуцява,
Еще пали Соловью вору-разбойнику
Во тепло гнѣздо да во буйную голову,
И во самой во правой глазъ,
Вередили ему сердце ретивое.
И убилъ Илья Муромець Соловья,
Вора-разбойника да воръ-Ахматова.
Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кидышу.
Кругомъ города да кругомъ Кидыша
Залегла сила поганая,
Вся Литва некрещеная;
Еще всю силу онъ ихъ повыбилъ,
До наслѣдья повыбилъ да до единова,
Никово не оставилъ на сѣмяна.
И поѣхалъ впередъ подъ востоцьную сторону,
Во Сибирскіи во украины.
У города было Кеива [3])
Застава была великая:
Семь сыновъ вора-разбойницька.
Еще малой-отъ сынъ завидѣвши возговорилъ:
„Вонъ, де, ѣдетъ нашъ да батюшка!"
А большой-отъ сынъ да завидѣвши:
—Охъ вы, глупыи да неразумныи!
—Это ѣдетъ сильной могуцей богатырь
—Илья Муромець;
—Онъ везетъ нашово батюшка,
—Да у лѣваго стремени у булатнова.—
Тутъ всѣ братьи да взбунтовалисе,
Взбунтовалисе да перепалисе;

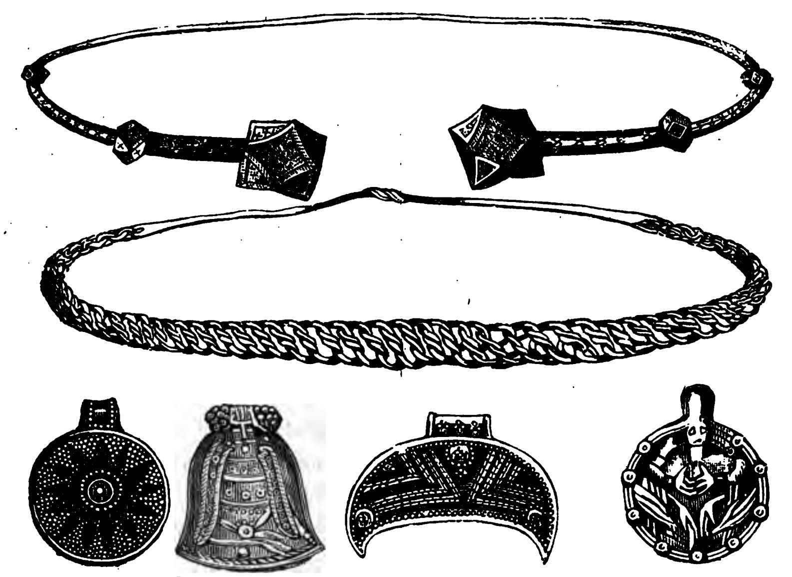
---

[1]) Долони—ладони.—[2]) Переныи да нациненыи—переныя перомъ, насаженныя *копейцами*.—[3]) Кеива, т.-е. Кіева.

Во яростяхъ да во великіихъ
Въ пятьсотъ пудъ палку подъ облакъ мечутъ.
Соловей крицитъ своимъ громкимъ голсомъ:
— Ахъ вы, дѣтоцки да голубцики,
— Ахъ вы, глупыи да неразумныи!
— Не вамъ кусъ, не вамъ и ись ево [1]):
— Я не могъ выстоять, а супротивъ меня
— Всѣмъ и вамъ уже не выстоять.
— Вы берите да спаены ключи,
— Отпирайте да погреба глубокіи,
— Вы берите много злата и серебра
— И скацьнова [2]) жемцюгу:
— Не отдастъ ли онъ, Илья Муромецъ,
— На выкупъ вамъ вашова батюшка?—
Илья на злато, на серебро не зарится [3]),
Онъ впередъ ѣдетъ да въ востоцьную сторону,
Во Сибирскіи да во украины.
У Ильи конь бѣжитъ да какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля укрываютсе,
Старши богатыри дивуютсе:
— Нѣтъ на поѣздку Илья Муромця!
— У ево поѣздоцька да молодецкая,
— Вся поступоцька да богатырская!—
Пріѣзжалъ вѣдь онъ ко Дунай-рѣкѣ,
Ко широкою да ко глубокою.
За ту рѣку да за широкою,
За широкою да за глубокою,
Перевощицькомъ была да Соловьева доць,
Доць большая да Катюшенька.
Соловей кричитъ ей своимъ зыцьнымъ голосомъ:
— Не вози, доць любимая, татарина да великава
— За Дунай-рѣку; ты въ тѣ-поръ ево вези,
— Когда дастъ тебѣ батюшку на выкупъ твоего.
— Ты въ тѣ-поръ ево вези да за Дунай-рѣку,
— За Дунай-рѣку да за широкую,
— За широкую да за глубокую.—
Илья на то да не вѣруетъ,
Сходилъ онъ со добра коня
На сыру землю да на матушку:
Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелковъ поводъ;
Правой рукой рветъ дубье съ кореньями;
Онъ мосты мостилъ крѣпко-на-крѣпко,
Крѣпко-на-крѣпко да дѣльно-на-дѣльно;
Онъ самъ перешелъ да и коня перевелъ;
Еще взялъ изъ лѣваго кармана плетку шелкову,
Плетку шелковую да подорожную,
О семи хвостахъ да съ проволкой.
Дѣвкѣ стежъ-то [4]) далъ,—съ ногъ валилася;
Онъ другую далъ,—дѣвка скору смерть приняла.
Онъ, Илья-то, тутъ да и былъ, и нѣтъ.
Онъ впередъ ѣдетъ подъ востоцьную сторону,
Во Сибирскія да во украины.
У Ильи конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываютсе,
Старши богатыри да дивуютсе:
„Еще нѣтъ на поѣздку Ильи Муромця!
„Поѣздоцька у ево да молодецькая,
„Вся поступоцька да богатырская!“
Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кеиву,
Становилъ коня да среди двора,
Становилъ онъ да не привязывалъ;
Никому держать не приказывалъ:
Онъ пошелъ въ свѣтлыя свѣтлици,
Въ княженецкіи горьници,
Онъ не спрашивалъ у воротъ у приворотницьковъ,
У дверей да у придверницьковъ;
Онъ беретъ двери за скобу,
Отпираетъ двери да на пяту [5]),
Онъ и крестъ кладетъ да по-писанному,
Онъ поклонъ ведетъ да по-уценому,
Онъ и кланяетсе на всѣ четыре стороны

[1]) Не вамъ кусъ, не вамъ и ись ево, т.-е. не вашъ кусокъ, не вамъ и ѣсть его.— [2]) Скацьнова, т.-е. скатнаго, окатнаго, крупнаго.— [3]) Зариться—льститься, жадничать.— [4]) Стежъ—ударъ, которымъ Илья ее стегнулъ.— [5]) На-пяту. Дверь въ крестьянской избѣ ходитъ на на-пятѣ, которая вставлена въ гнѣздо порога, а головка двери въ гнѣздо притолки. Отворить на-пяту—отворить настежь.

Еще князю-то да на особицю:
„Еще здравствуй, князь славной Кеивской,
„Славной Кеивской да Владимірской!“
— Еще здравствуй ты, дѣтина шельшина![1])
— Ты дѣтина шельшина да деревенщина!
— Ты откуль ѣдешь да откуль идешь?
— Ты какихъ родовъ да какихъ городовъ?—
Онъ отвѣтъ держалъ князю славному:
„Еще города Мурома, а села Карацярова,
„Илья Муромець да сынъ Ивановиць.
„Я пріѣхалъ ко вашею ко милости:
„Процищалъ я дороженьку да прямохожую,
„Прямохожую да прямоѣзжую,
„А изъ Мурома да до Кидаша,
„А изъ Кидаша да до Кеива,
„Все до вашею да до милости;
„Я убилъ Соловья вора-разбойницька,
„Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова,
„Да привезъ ево къ вамъ на показанье!“
— Еще врешь ты, дѣтина шельшина, да полыгаешьсе,
— Надо мной, надъ княземъ, насмѣхаешьсе.—
„Ты изволь итти на свой широкой да полой дворъ,
„Ты изволь смотрѣть Соловья вора-разбойницька.“
Обувалъ сапожки князь сафьяновы,
Оболокалъ[2]) кошулю[3]) соболюю,—
Еще та ли кошуля въ пятьсотъ рублевъ,—

Ожерелья, гривны и подвѣски къ нимъ.

Зарукавьи жемцюжныи,
Ожерельи жемцюжныи.
Повели ево слуги подъ руки
На свой на широкой на полой дворъ.
У Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ,
Онъ стоитъ да непривязанной,
Никому держать да неприказанной.
А у лѣваго стремени да у булатнова
Привязанъ Соловей воръ-разбойницекъ,
Да воръ-разбойницекъ да воръ-Ахматовиць.
Еще тутъ-то князь да и конаится[4]):
— Соловей ты воръ да воръ-разбойницекъ,
— Воръ-разбойницекъ да воръ-Ахматовиць!
— Ты посвищи-ко по-прежнему да по-соловьиному!—
Соловей да отвѣтъ держитъ,

---

[1]) Шельшина—сельщина, сельскій человѣкъ.—[2]) Оболокалъ—надѣвалъ.—[3]) *Кошуля—рубашка не косо*воротка; такъ же шились и шубы.—[4]) **Конаться—добиваться.**

Онъ отвѣтъ держитъ князю славному:
—Я не твой хлѣбъ и кушаю,
—Не тебя, князя-вора, и слушаю.
Еще тутъ князь Ильѣ да и конаится:
—Илья Муромець да сынъ Ивановиць,
—Поленица великая!
—Ты заставь Соловья вора-разбойницька
—Посвистать по-прежнему да по-соловьиному.—
Онъ отвязалъ Соловья вора-разбойницька
Отъ лѣвава стремени,
И засвисталъ Соловей по-соловьиному,
И забилъ въ долони по-богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по-змѣиному,
Заревѣлъ онъ да по-звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ приклонилися,
Мать-рѣка Смородина съ пескомъ сомутилася,
Потряслись палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ [1]) кирпицье заморское,
Полетѣли изъ окольницъ стекла аглицкiи.
Еще князь-отъ стоитъ да въ худой душѣ.
Еще тутъ онъ да и конаится:
—Илья Муромець да сынъ Ивановиць!
—Ты уйми да сопостата великава,
—Соловья вора-разбойницька,
—Воръ-разбойницька да воръ-Ахматова.—
Сталъ Илья унимать ево по-свойскому:
Онъ схватилъ ево да за церны кудри,
Еще билъ ево да о сыру землю о матушку,
Онъ въ-подвергъ [2]) ево кидалъ
Выше башни наугольныи,
Онъ остатки ево хлопнулъ о сѣрой камень;
Соловью отъ себя скоро смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицю,
Въ княжецкiи горницы,
И садили ево да по край стола,
По край стола да по край скамьи.
„Еще ты, славной князь Кеивской да Владимирской,
„Ты неси-ко цяшу большую да обѣруцьную,
„Зелена вина да полтора ведра."
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на единой духъ.
Еще все-то ему мало кажется:
„Ты неси еще, князь, цяшу большую,
„Цяшу большую да обѣруцьную,
„Еще два ведра да зелена вина,
„Все со водоцькой да со наливоцькой,
„Со крѣпкими со напитками."
Илья примаится да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на единой духъ.
Еще тутъ Илью маленько да ошабурило [3]):
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться—
Поломалъ онъ скамьи да дубовыи,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныи.
А у князя во ту пору да въ то времяцко
Еще столъ идетъ да во полу-столѣ,
Еще пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговыи,
Еще сильны могучи богатыри,
Свято-Русскiе воины.
Поприжалъ Илья Муромець да сынъ Ивановиць,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣць проговорилъ:
—Илья Муромець да сынъ Ивановиць!
—Помѣшалъ ты всѣ мѣста да уценыи,
—Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныи:
—У меня промежь каждымъ богатыремъ
—Были сваи желѣзныи,
—Чтобъ они въ пиру да напивалисе,
—Напивалисе, да не столкалисе.—
Еще тутъ вѣдь князь да Ильѣ конаится:
—Ты изволь у насъ да попить-поись,
—Ты изволь у нашей милости
—Да воеводой жить.—
„Не хоцю я у васъ ни пить, ни исъ,
„Не хоцю я у васъ воеводой жить!"
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыи,
Онъ вымалъ свою плетку шелковую
О семи хвостахъ да со проволкой.
Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,

[1]) Дымолокъ—дымоволокъ, проводъ дымовой трубы.—[2]) Въ-подвергъ—въ-подбросъ.—[3]) Ошабурить—привести въ опьяненiе.

Еще взялъ гостей да поколацывать,
Еще взялъ гостей да поворацывать,
Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:
„На пріѣздѣ гостя не употцивали,
„А на поѣздинахъ да не уцествовали!
„Эта ваша мнѣ цесть не въ цесть!"
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до-наслѣдья [1]),
До-наслѣдья прибилъ да до единава,
Не оставилъ ни ково да на сѣмяна,
Еще царь-то въ ту пору да въ то время-
мяцько
За пецьку задвинулся,
Собольей шубкой закинулся.
Илья-то тутъ и былъ, и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти
Нынѣ и до-вѣку.

(«Пѣсни» *Кирѣевскаго*, вып. I, стр. 77—86.)

2. О Добрынѣ Никитичѣ.

(Добрыня Никитичъ побѣждаетъ Змѣя-Горынчища.)

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязани тутъ богатый гость,
А звали-то гостя Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, переста-
вился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалось житье-бытье, богатство,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимофѣевна,
Осталося чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичъ
младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Никитѣ въ наукъ пошла;
Присадила его матушка перомъ писать,
А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать
лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хороброю.
Во тѣ жары Петровскіе,
Просилъ Добрыня у матушки:
„Пусти меня, матушка, купатися,
„Купатися на Сафатъ-рѣку."
Она, вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
— Гой еси ты, чадо милое,
— А молодой Добрыня Никитичъ младъ!
— Пойдешь ты, Добрыня, на Израй-рѣку,
— На Израй-рѣкѣ станешь купатися, —
— Израй-рѣка быстрая,
— А быстрая она, сердитая:
— Не плавай, Добрыня, за перву струю,
— Не плавай ты, Никитичъ, за другу
струю. —
Добрыня-то матушки не слушался,
Надѣлъ на себя шляпу земли греческой,
Надъ собой онъ Добрыня невзгоды не
вѣдаетъ,
Пришелъ онъ Добрыня на Израй-рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хоробрыя:
„А и гой еси вы, молодцы удалые!
„Не мнѣ воду грѣть, не тѣшити ее." [2])
А всѣ молодцы разболокалися [3]):
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ, —
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ,
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Перекрестясь Добрынюшка въ Израй-
рѣку пошелъ.
А поплылъ Добрынюшка за перву струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю;
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны:
Ни отколь взялся тутъ лютый звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище,
А самъ онъ, змѣй, приговариваетъ:
— А стары люди пророчили,
— Что быть змѣю убитому

---

[1]) До-наслѣдья—до послѣдняго.—[2]) Не мнѣ первому идти въ воду.—[3]) Разболокалися—раздѣвалися.

От молода Добрынюшки Никитича;
— А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ!
Молился Добрыня Никитичъ младъ:
„А и гой еси, змѣище, Горынчище!
„Не честь, не хвала молодецкая,
„На нагое тѣло напущаешься!“
И тутъ Змѣй-Горынчище
Мимо его пролетѣлъ.
А стали его ноги рѣзвыя,
А молода Добрынюшки Никитьевича,
А грабится [1]) онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ добрый молодецъ,
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на него Змѣй-Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой
Съ тѣми песками желтыми
Ко лютому Змѣю-Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ Змѣй-Горынчище
Во ту матушку во Израй-рѣку;
Когда ли змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Сваталъ [2]) Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на кляплую [3]):
„Сушися ты, Змѣй-Горынчище,
„На той-то осинѣ на кляплыя!“
А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ Израй-рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ Змѣй-Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ;
Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго Змѣища-Горынчища,
Нашелъ онъ много злата-серебра,
Нашелъ во палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну.

Съ богатою добычею Добрыня является къ князю Владиміру:

„Ты гой еси, мой сударь дядюшка,
„Князь Владиміръ, солнце Кіевско!
„А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
„У лютаго Змѣя-Горынчища,
„А всю породу змѣиную его я убилъ
„И дѣтей всѣхъ погубилъ,
„Родимую тетушку повыручилъ.“
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ;
Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя — Марьи Дивовны.

(*Кирши Данилова:* «Древн. рос. стих.».)

3. Объ Алешѣ Поповичѣ.

(Алеша Поповичъ освобождаетъ изъ плѣна русскую дѣвицу.)

Какъ издалеча, изъ чиста поля
Выѣзжали два русскіе богатыря:
Одинъ богатырь — Илья Муромецъ,
Другой-то — Алеша Поповичъ младъ.
Пріѣзжали они къ синю морю
На тихія морскія заводи.
Не случилось тутъ ни сѣра гуся,
Ни сѣра гуся, ни бѣлаго лебедя,
Ни малой пташки — сѣрой уточки,
Не на чемъ имъ сердце пріутѣшити,
Могучія плечи прирасправити.
Побѣжалъ тутъ Алеша черезъ широку степь.
Середи той широкой степи
Стоялъ сѣрый дубъ крековистый.
На томъ дубу, на крековистомъ,

[1]) Грабится — выгребается, выплываетъ. — [2]) Сваталъ — схватилъ. — [3]) Кляплую — согнутую, наклонную.

Тутъ сидѣла птица вѣщая,
Птица вѣщая — черенъ воронъ.
Онъ съ крыла на крыло перелетываетъ,
Съ ноги на ногу воронъ переступываетъ.
Тутъ Алеша удивляется,
Удивляется, разсержается.
Соскакиваетъ со добра коня,
Снимаетъ лукъ съ могучихъ плечь,
Беретъ изъ колчана калену стрѣлу,
Кладетъ стрѣлу на тетивочку,
Хочетъ птицу вѣщую подстрѣлити,
Могучія плечи порасправити,
Богатырское сердце пріутѣшити.
Проговариваетъ птица черенъ-воронъ:
„Ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Тебѣ на мнѣ сердце не утѣшити,
„Могучія плечи не расправити!
„Побѣгай-ко, Алеша, черезъ эту степь,
„Черезъ эту степь Саратовскую,
„Что ко этой рѣчкѣ, ко Саратовкѣ,
„Ко тому камню бѣлъ-горючему,
„Къ тому кусту ко ракитову:
„Тутъ сидятъ-то два татарина,
„Два татарина некрещеные;
„Полонили они красну дѣвицу,
„Красну дѣвицу—душу русскую,
„И одинъ татаринъ уговариваетъ:
„—„Ты по русскому красна дѣвица,
„—„А по нашему будь голчаночка. [1])
А другой молвитъ: „Увеземъ тебя,
„Увеземъ тебя, красна дѣвица,
„Увеземъ тебя къ себѣ въ орду:
„Отдадимъ тебя за татарина,
„За татарина за дороднаго,

Богатырскіе доспѣхи.

„За хорошаго—въ косу сажень,
„Мы всѣ ему покоряемся,
„Покоряемся и поклоняемся."
Тутъ Алеша Поповичъ младъ
Надѣвалъ тугой лукъ на могучи плечи,
Клалъ стрѣлу во колчаночку,
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
Бѣжалъ онъ черезъ широку степь,
Чрезъ широку степь Саратовску,
Ко той, было, рѣчкѣ, ко Саратовкѣ,
Ко тому камню бѣлъ-горючему,
Къ тому кусту ко ракитову:
Одного татарина конемъ стопталъ,
Другаго татарина мечемъ зарубилъ.
Соскакивалъ Алеша съ добра коня,
Падалъ коню въ праву ногу:
„Спасибо тебѣ, батюшка, добрый конь!
„Получилъ я себѣ обручницу,

[1]) Голчаночка.—У славянъ для дѣвушки есть названіе неяснаго корня: Голка.— Но, можетъ быть, это ошибка, вмѣсто полоняночка. («Пѣсни» *Кирѣевскаго.* Вып. 2, стр. 81.)

„Обручницу, подвѣнечницу!“
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
Садилъ дѣвицу на тучны бедры.
Говорилъ тутъ дѣвицѣ Алеша Поповичъ младъ:
„Какого ты, дѣвица, роду-племени?
„Царскаго али боярскаго?
„Княженецкаго али купецкаго?
„Али послѣдняго роду—крестьянскаго?“
Отвѣчала Алешѣ красна дѣвица:
—Ни царскаго я роду, ни боярскаго,
—Ни княженецкаго, ни купецкаго,
—Ни купецкаго, ни крестьянскаго,
—А того ли батюшка, попа Ростовскаго.—
Соскакивалъ Алеша съ добра коня,
Падалъ коню во праву ногу:
„Спасибо тебѣ, батюшко, добрый конь!
„Я думалъ получить себѣ обручницу,
„Обручницу, подвѣнечницу,
„А выручилъ родну сестрицу.“
Заскакивалъ Алеша на добра коня,
Побѣжалъ онъ къ своему батюшкѣ,
Что къ тому ли попу Ростовскому.

(«Пѣсни» *Кирѣевскаго.* Вып. 2, стр. 80—82).

4. Конецъ богатырей.

Съ какихъ поръ перевелись богатыри на Святой Руси?

(Эта былина записана г. Л. Меемъ, въ 1840 году, отъ стараго сибирскаго казака Ивана Андреева.)

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ,—черезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская,
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
„Ой ужь гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названные!“
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки,
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
„Не намахалися наши могутныя плечи,
„Не уходилися наши добрые кони,
„Не притупились мечи наши булатные!“
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„Подавай намъ силу нездѣшнюю!
„Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей
И крикнули они громкимъ голосомъ:
—А давайте съ нами, витязи, бой держать!
—Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.

Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа и три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Святой Руси.

(«Пѣсни» *Кирѣевскаго*. Вып. 4, стр. 113—115.)

---

8. Былины (пѣсни) историческія.

Отличіе былины (пѣсни) исторической отъ богатырской. Историческое и поэтическое значеніе пѣсни исторической. Средоточіе народныхъ историческихъ былинъ. Общее содержаніе ихъ. Образцы народныхъ историческихъ былинъ о татарщинѣ, объ Иванѣ Грозномъ, о взятіи Казани, о покореніи Сибири, объ осадѣ Соловецкаго монастыря, о Петрѣ Великомъ. (Краткое содержаніе и значеніе ихъ.)

Былины (пѣсни) историческія составляютъ естественное продолженіе и дальнѣйшее развитіе былинъ миѳическаго и богатырскаго содержанія. Въ пѣснѣ исторической народная фантазія опирается уже не на миѳологію и не на полу-боговъ, полу-людей, каковы вообще богатыри, а прямо на историческія событія и на историческихъ дѣятелей. Слѣдовательно, былина историческая отличается отъ былины богатырской, болѣе всего, содержаніемъ, взятымъ изъ исторической дѣйствительности. При этомъ отличіи, пѣсни историческія сходны съ богатырскими и складомъ, и выраженіемъ, и вообще всѣми особенностями народнаго эпоса. Даже волшебный элементъ по временамъ показывается въ нихъ, несмотря на отдаленность языческой старины. Такъ, напримѣръ, въ пѣснѣ о Скопинѣ Шуйскомъ бояринъ Никита Романовичъ — во время войны съ Литвой — обертывается сначала горностаемъ, потомъ сѣрымъ волкомъ, а наконецъ-то уже добрымъ молодцемъ.

По особенностямъ вольнаго, самороднаго народнаго творчества, историческія былины не могутъ представлять точно-исторической вѣрности изображаемыхъ событій; иногда, напримѣръ, историческій фактъ въ нихъ выставленъ только съ одной стороны, а иногда, — въ одной и той же пѣснѣ являются факты изъ разныхъ временъ. Но историческая народная пѣсня имѣетъ за собой другое достоинство: она поэтически-правдиво и живо передаетъ то впечатлѣніе, которое на народный смыслъ и на народное чувство произвели тѣ или другія историческія событія и лица.

Какъ средоточіемъ былинъ богатырскихъ былъ, главнымъ образомъ, Кіевъ и отчасти Новгородъ, такъ — послѣ раззоренія Кіева и кіевской Руси татарами — средоточіемъ историческихъ былинъ сдѣлалась Москва, Московское государство. Изъ всѣхъ государей русскихъ, отъ XIII до XVII вѣка, въ народномъ смыслѣ

наиболѣе выработался характеръ Ивана Грознаго. Около этой исторической личности и группируется большинство историческихъ народныхъ былинъ.

Общимъ содержаніемъ народныхъ историческихъ былинъ служатъ тѣ историческія событія, которыя особенно сильно и глубоко подѣйствовали на народную жизнь. Къ такимъ событіямъ принадлежатъ: татарщина, царствованіе Грознаго, самозванщина, время Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

1. О татарщинѣ.

Татарскія нашествія и раззоренія оставили въ народѣ такое глубокое и страшное впечатлѣніе, что съ именемъ татаръ у народа слилось представленіе о всякой враждебной силѣ. Самая эпоха татарщины въ фантазіи народа соединилась съ эпохою богатырства временъ Владиміра. Въ былинѣ *о Царѣ Калинѣ* передается впечатлѣніе ужаса при видѣ того, какъ изъ Золотой Орды повалила къ Кіеву вся „сила поганая на сто верстъ во всѣ четыре стороны".

Зачѣмъ мать сыра-земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго.
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Въ Кіевѣ богатырей на ту пору не случилось; только подъ конецъ подоспѣлъ Илья Муромецъ. По его совѣту, князь Владиміръ велѣлъ нести злому Калину богатые дары (одну мису чистаго серебра, другую мису краснаго золота, третью — скатнаго жемчугу); но Калинъ не сдается на подарки, а еще велитъ самого Илью веревками связать. Тутъ Илья разрываетъ веревки и, за неимѣніемъ оружія, хватаетъ за ноги стоявшаго возлѣ него татарина

И зачалъ татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ, тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ,—съ переулками;
А самъ татарину приговариваетъ:
А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
А жиловатъ, собака, не изорвется.

Илья нагналъ на татаръ такой ужасъ, что они „на побѣгъ пошли", какъ сказано въ былинѣ, почти всѣ завязли въ болотѣ, или потонули въ рѣкѣ. Самого же Калина Илья Муромецъ поднялъ выше головы и потомъ разбилъ его о камень „въ крошечки".

Одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій отъ татарскихъ нашествій заключалось въ томъ, что во время набѣговъ татары уводили въ плѣнъ женщинъ и тѣмъ разрушали семейный строй и семейное счастіе. Въ пѣснѣ исторической, подъ именемъ *Татарскій полонъ* („*Пѣсни*" Якушкина, стр. 79—82), изображается именно подобный фактъ. Къ одному и тому же татарину попали двѣ русскія плѣнницы: сначала—малолѣтняя дѣвочка, которая въ плѣну выросла въ татарской вѣрѣ и обычаяхъ и впослѣдствіи сдѣлалась женою своего господина; а потомъ попала и мать ея, въ работницы къ дочери. Трагизмъ положенія матери ясно слышится въ томъ мѣстѣ пѣсни, гдѣ мать не знаетъ, какъ ей быть со своимъ чувствомъ къ родному внучку; по родству — хотѣлось бы любить, а по вѣрѣ надо ненавидѣть. Идея родства и семейственности еще сильнѣе и поэтичнѣе развита въ концѣ пѣсни, даже наперекоръ физической возможности. Дочь, при первомъ

намекѣ на мать, узнаетъ ее, бросается ей въ ноги, въ восторгѣ самоотверженія умоляетъ мать бѣжать „на святую Русь“ и даетъ для этого всѣ средства; но мать предпочитаетъ остаться въ плѣну и въ рабствѣ, только бы съ дочерью. „Я съ тобой, дитя, не разстануся“, говоритъ она.

Въ пѣснѣ *О Княгинѣ Марья Юрьевнѣ* (*„Русск. народн. поэзія“* Буслаева. Т. I, стр. 424—426) разсказывается о подобномъ же случаѣ похищенія. Въ началѣ пѣсни княгиня Марья Юрьевна пересказываетъ своему мужу, князю Роману Дмитріевичу, зловѣщій сонъ. Она предчувствуетъ, что не сегодня—завтра ее увезетъ татаринъ въ плѣнъ, а потому умоляетъ мужа не покидать ее. Въ одинъ изъ набѣговъ, дѣйствительно, княгиню похищаютъ. Но ей удалось спастись оттуда и вернуться на родину. Въ этомъ случаѣ ей помогли: во-первыхъ—рѣка Дарья, а во-вторыхъ—встрѣченная на другой большой рѣкѣ бѣлодубовая колода. Обѣ были тронуты молитвами княгини. Рѣка Дарья показала ей удобный, мелкій бродъ, а бѣлая колода сама приплыла къ ней отъ противоположнаго берега и дала возможность княгинѣ перебраться на ту сторону большой рѣки. Такъ народная фантазія умѣла вдохнуть въ неодушевленные предметы сочувствіе къ тоскѣ русской плѣнницы.

Пѣсня *О Щелканѣ Дудентьевичѣ* (*Христом.* О. Ѳ. Миллера, с. 490—491) основана на дѣйствительномъ событіи, бывшемъ въ Твери, при князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и записанномъ въ лѣтописи подъ 1327 годомъ. Подъ Щелканомъ здѣсь разумѣется Шевкалъ Дуденевъ, посолъ Узбека, бывшій въ Твери въ 1327 году (Узбекъ въ пѣснѣ передѣланъ въ Азвяка). Въ пѣснѣ этой особенно выдаются три черты татарскаго управленія: 1) безжалостное выжиманье дани, 2) раздача русскихъ земель и городовъ въ награду тѣмъ изъ ханскихъ баскаковъ, которые отличились безпощадной жестокостью къ побѣжденнымъ и 3) невыносимый гнетъ татарскаго самоуправства и кровожадности. Тверитяне не вынесли притѣсненій Шевкала и разорвали его на части.

2. Царствованіе Грознаго.

Иванъ Васильевичъ Грозный пользуется большимъ значеніемъ въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ. Народная поэзія особенно высоко оцѣнила въ характерѣ и въ дѣлахъ этого государя слѣдующія черты: усердіе къ православію, общительность съ народомъ, покореніе татарскихъ царствъ и укрѣпленіе государственнаго начала въ Москвѣ.

Въ пѣснѣ *Свадьба Ивана Грознаго* (*„Русская народная поэзія“* Буслаева. Т. I, стр. 428—430) замѣчательны два обстоятельства. Первое: царица Софья (т.-е. Анастасія) Романовна, при смерти своей, преусердно и много разъ упрашиваетъ царя не быть „ярымъ“, а быть „милостивымъ“ и къ своему семейству, и къ роднымъ, и къ боярамъ, и ко всему народу русскому. Второе: царица молитъ Грознаго, послѣ ея смерти, не жениться „въ проклятой Литвѣ“ на Марьѣ Темрюковнѣ, а лучше жениться въ самой Москвѣ на Супавѣ татарской (Супава и Купава—красавица). Царь, впрочемъ, не послушался и женился именно на Марьѣ Темрюковнѣ. Въ этой народной пѣснѣ выступаютъ два впечатлѣнія: 1) та страшная суровость нрава, которая и заслужила Ивану Васильевичу имя Грознаго и 2) глубокая въ народѣ ненависть къ Литвѣ, до такой степени глубокая, что она даже какъ будто пересиливала отвращеніе отъ татарщины.

Въ пѣснѣ *На взятіе Казани* („*Пѣсни*“ Кирѣевскаго. Вып. 6, стр. 8—10) въ сильной, сжатой картинѣ разсказаны важнѣйшіе факты этого событія. Женѣ казанскаго царя снится, что отъ Москвы сизый орелъ встрепенулся и грозная туча поднялась и двинулась на Казань. Зловѣщій сонъ осуществляется. Великій князь Московскій, во главѣ многочисленнаго войска, осаждаетъ Казань, направляетъ подкопы и беретъ городъ. Плѣнную царицу, за смиреніе, Грозный жалуетъ тѣмъ, что постригаетъ въ монастырь; а царя казанскаго, за непокорность, предаетъ ужасной казни; самъ же съ той поры становится Московскимъ царемъ. Былина оканчивается глубокозначительными словами:

И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство:
Что тогда-де Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ великая слава.

Въ этомъ живомъ, поэтическомъ выраженіи народный смыслъ передалъ тотъ самый фактъ, который подтверждается и исторической наукой, а именно, что съ покореніемъ Казани Москва окончательно выросла въ самодержавное государство.

Въ пѣснѣ *О Ермакѣ Тимофеевичѣ* („*Пѣсни*“ Кирѣевскаго. Вып. 6, стр. 30—41) разсказъ идетъ такъ. Въ Волжскомъ понизовьи, въ степяхъ Саратовскихъ, собирается казачій *кругъ* (совѣтъ). Тутъ вольные казаки Донскіе, Яицкіе

Ермакъ.

и Гребенскіе. И думаютъ они крѣпкую думу о томъ, какъ имъ жить при новыхъ порядкахъ? Въ Москвѣ основалася крѣпкая держава и у грознаго царя силы „многое множество“; и не хочется казакамъ продолжать грабежи на Волгѣ, не хочется „все ворами слыть“. Умный и отважный атаманъ ихъ, Ермакъ, придумалъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣмъ имъ изъ воровъ превратиться въ царскихъ воиновъ и вмѣсто казни заслужить себѣ царское пожалованье. Планъ таковъ: въ легкихъ лодочкахъ-коломенкахъ подняться по Волгѣ, пробраться въ царство Сибирское, взять его съ бою, царя Кучума въ плѣнъ схватить, а потомъ—прямо къ грозному царю и, вмѣстѣ съ повинною, поклониться ему новымъ царствомъ, Сибирскимъ. И грозный царь проститъ за прошлое и пожалуетъ Ермака тихимъ, славнымъ Дономъ. Въ этой пѣснѣ личность Ивана Грознаго величественно обрисована чертами спокойнаго могущества, строгаго правосудія и великодушнаго прощенія вины за вѣрную службу Москвѣ.

3. Эпоха Алексѣя Михайловича и Петра Великаго.

Рѣшительное распоряженіе правительства, чтобы старопечатныя церковныя книги были исправлены отъ ошибокъ, вызвало въ царствованіе Алексѣя Михайловича цѣлый бунтъ въ Соловецкой обители. Невѣжественные соловецкіе старцы-раскольники упорствовали въ томъ, что истинная, *старая* вѣра заключалась только въ старопечатныхъ книгахъ. Бунтъ, какъ извѣстно, потребовалъ посылки туда царскихъ войскъ (въ 1668 году). Виновные частью казнены, частью разосланы въ ссылки. Тѣ, которые покаялись, получили позволеніе остаться въ Солов-

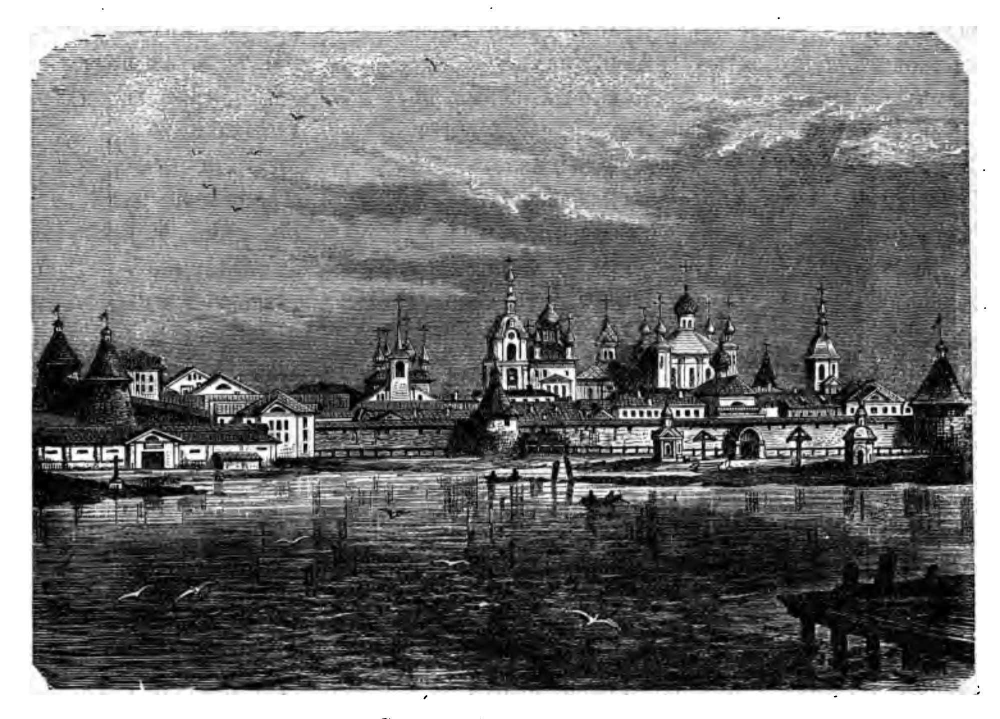
Алексѣй Михайловичъ.

кахъ. Впечатлѣніе этихъ событій отразилось въ былинѣ *Объ осадѣ Соловецкаго монастыря* („*Русск. народн. поэзія*“ Буслаева. Т. I, стр. 431—433). Ходъ изложенія фактовъ въ пѣснѣ слѣдующій. Многочисленное царское войско съ артиллеріей и съ большимъ запасомъ снарядовъ является къ Соловецкой обители между заутреней и обѣдней. Честные старцы воображаютъ, что то войско идетъ не воевать, а молиться. „Пушкари“ царскіе, не теряя времени, начинаютъ бомбардировать обитель.—Судя по тому, что пѣсня эта заставляетъ царя Алексѣя Михайловича дать такое порученіе воеводѣ при отправленіи его въ походъ:

Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую,

видно, что сама пѣсня раскольническаго происхожденія.

О Петровой эпохѣ сложилось множество историческихъ былинъ („*Пѣсни*“ Кирѣевскаго. Вып. 8); но всѣ онѣ однообразны и малозанимательны потому, что относятся только къ внѣшнимъ дѣламъ Петра и его войнамъ да стрѣлецкимъ бунтамъ. Все то, что составляетъ славу царствованія Петра Великаго, т.-е. внутреннія преобразованія нравовъ и учрежденій, было непонятно для народа и потому не могло возбудить никакихъ впечатлѣній. Крутая же замѣна стараго новымъ, введеніе европейскаго обычая взамѣнъ родной старины вызывали въ средѣ раскольниковъ раздраженіе и насмѣшку. — Впечатлѣніе созданной на европейскій ладъ арміи отозвалось въ былинѣ *О смерти Петра* (изъ Извѣстій II-го Отдѣл. Акад. Наукъ, напеч. въ Русск. Истор. Христоматіи *Петрова*, стр. 156). Вотъ ея крат-

Соловецкій монастырь.

кое содержаніе. Не весело свѣтитъ мѣсяцъ надъ Петербургомъ; мрачно стоитъ у царскаго дворца часовой, призадумался и слезы льетъ. Не проснется уже православный царь Петръ Алексѣевичъ и не полюбуется на свою гвардію и на свою армію; а арміи не дождаться уже своего „капитана бомбандирскаго“. Очевидно, народная фантазія олицетворила въ этой пѣснѣ одну изъ завѣтныхъ думъ и заботъ Петра — строить и совершенствовать армію, какъ главную охрану того новаго и высокаго положенія, на которое онъ поставилъ Россію своими побѣдами и государственными преобразованіями.

ОБРАЗЦЫ БЫЛИНЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

1. Татарскій полонъ.

Какъ за рѣчкою
Да за Дарьею,
Злы татарове
Дуванъ дуванили [1]).
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
„Тѣ [2]) работница,
„Съ Руси русская
„Полоняночка;
„Ты заставь ее
„Три дѣлъ дѣлати.
„Первое дѣло —
„Куделю прясть,
„Другое дѣло —
„Лебедей стеречь,
„А и третье дѣло —
„Дитю качать."
Полоняночка
Съ Руси русская
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ,
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшкѣ
„Золъ татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученочекъ,
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полонъ взята,
„На правой груди у ней
„Есть и родинка,
„На лѣвой ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя —
„Такъ грѣхъ будетъ;
„Мнѣ дитей назвать, —
„Мнѣ вѣра не та!"
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:
„Государыня
„Наша барыня,
„Полоняночка
„Съ Руси русская
„Она глазками
„Лебедей стережетъ...
и т. д.

(Слѣдуетъ повтореніе стиховъ до словъ: «Мнѣ дитей назвать,—мнѣ вѣра не та».)

Что стучитъ, гремитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ
И дрожа дрожитъ
Дочка къ матери.
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня
„Моя матушка!
„Не спознала тебя,
„Моя родная!
„Ты бери ключи,
„Ключи золоты,
„Отпирай ларцы,
„Ларцы кованы.
„Ты бери казны
„Сколько надобно;
„Ты ступай-ко, мать,
„Во конюшенку,
„Ты бери коня
„Что ни лучшаго,
„Ты бѣги, бѣги, мать,
„На святую Русь."
— Не поѣду я
— На святую Русь,
— Я съ тобой, дитя,
— Не разстануся.

(«Пѣсни» *Якушкина*, стр. 79.)

2. Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялося въ ордѣ,
Передѣялось въ большой, —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ [3]),
Азвякъ Тавруловичъ,
Суды разсуживаетъ,
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ

---

[1]) Дуванъ дуванили — добычу дѣлили.—[2]) Тѣ — тебѣ.—[3]) Узбекъ.

По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ,
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ,—
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани, выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло въ тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять
И друга дарить
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси, царь Азвякъ,
„Азвякъ Тавруловичъ!
„Пожаловалъ ты молодцевъ,
„Любимыхъ шуриновъ,
„Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
„Василья на Плесу,
„Гордѣя къ Вологдѣ,
„Ахрамея къ Костромѣ;
„Пожалу ты, царь Азвякъ,
„Пожалуй ты меня
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Двумя удалыми Борисовичи.“
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
„Гой еси, шуринъ мой
„Щелканъ Дудентьевичъ!
„Заколитъ-ко ты сына своего,
„Сына любимаго,
„И тогда я тебя пожалую
„Тверью старою,
„Тверью богатою,
„Двумя братцами родимыми,
„Двумя удалыми Борисовичи.“

Щелканъ такъ и сдѣлалъ. Азвякъ исполнилъ и свое обѣщаніе:

И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьей насѣлъ
На Тверь ту старую,
На Тверь ту богатую;
А немного онъ судьей сидѣлъ:
И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ.
Отъ народа они съ поклономъ

Пошли съ честными подарками,—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился, загординился;
И они съ нимъ раздорили,—
Одинъ ухватился за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

(*Кирша Даниловъ:* «Древн. рос. стих.», стр. 32.)

3. Взятіе Казани.

Среди было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сонъ разсказала:
„А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
„Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
„Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
„Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
„Кабы сизый орлище встрепенулся,
„Кабы грозная туча подымалась,
„Что на наше вѣдь царство наплывала.“
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался Великій Князь Московскій
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булатъ-рѣку,
Подходили подъ другую подъ рѣку, подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ:
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ Великій Князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель.
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна,
Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему Князю отвѣту нѣту.
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
„Ты Великій, сударь, Князь Московскій!
„Не вели ты насъ, канонеровъ, казнити:
„Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
„А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе.“
Позадумался Князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути,
Они тѣ-то рѣчи говорили.
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ:—
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ Великій Князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу.
Она съ радостью Московскаго Князя встрѣчала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ Великаго Князя онъ,
Онъ и взялъ съ него царскую корону

И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскую костыль въ руки принялъ.
И въ то время Князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава!

(«Пѣсни» *Рыбникова*, ч. 2.)

---

9. Народныя сказки.

Отличіе сказки отъ былины. Общее содержаніе русскихъ народныхъ сказокъ. Языкъ и тонъ сказокъ. Группировка народныхъ сказокъ: 1) *сказки миѳическія* (съ остатками первоначальныхъ религіозныхъ вѣрованій и наивныхъ взглядовъ на природу и ея явленія; животный эпосъ); 2) *сказки нравственныя* (вліяніе христіанскихъ идей, успѣховъ образованности и сближенья съ жизнью другихъ народовъ); 3) *сказки бытовыя* (главнѣйшіе мотивы этихъ сказокъ; сатирическій элементъ въ народной сказкѣ). Образцы сказокъ миѳическихъ, нравственныхъ и бытовыхъ. Лучшіе сборники русскихъ народныхъ сказокъ.

Сказка, наряду съ другими замѣчательными видами народной поэзіи, имѣетъ въ себѣ много поэтическаго достоинства какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Отъ былины сказка отличается тѣмъ, что предоставляетъ несравненно болѣе простора воображенію. Самъ народъ отозвался такъ: „пѣсня—быль, сказка—складка". Другими словами: пѣсня передаетъ былое въ томъ видѣ, какъ оно происходило, а сказка вноситъ въ свой разсказъ вымыселъ за вымысломъ, а иногда изукрашиваетъ этотъ разсказъ такими лицами, характеристиками и дѣйствіями, какія нигдѣ и никогда не были и не могли быть. Вслѣдствіе усиленной работы воображенія, въ иныхъ сказкахъ нагромождено одно только чудесное, чудовищное, небывалое. Мѣсто дѣйствія, напримѣръ, гдѣ-нибудь въ тридесятомъ государствѣ, въ подземномъ царствѣ, въ подводныхъ пространствахъ. Въ числѣ различныхъ диковинокъ являются оборотни, змѣи многоголовые, звѣри говорящіе, сапоги-скороходы, драчуны-дубинки, шапки-невидимки, жаръ-птица, конь-златогривый, скатерь-самобранка и т. п. Но, несмотря на изобиліе этихъ и другихъ диковинокъ, не слѣдуетъ думать, будто сказка есть произведеніе совершенно произвольное, безсмысленное, занимательное только для дѣтей да людей необразованныхъ. Хотя въ народномъ выраженіи пѣсня названа *былью*, но и въ былинахъ богатырскихъ чудесное не совершенно исключается, и оно не мѣшаетъ правдивой передачѣ старины и нисколько, не противорѣчитъ идеальному началу. Названіе сказки *складкою* надо понимать въ томъ смыслѣ, что въ этой формѣ народной поэзіи народная фантазія, не стѣсняясь ни временемъ, ни пространствомъ, создаетъ безконечно-разнообразныя картины изъ всего запаса мыслей, чувствъ, практическаго опыта и идеальныхъ стремленій, какія выработались въ народѣ во всю его жизнь, начиная съ эпохи до-исторической. *Что именно* сказка складываетъ въ свои прихотливые узоры? Это видно изъ общаго содержанія народной сказки.

Общее содержаніе русской народной сказки. Русскія народныя сказки представляютъ въ содержаніи своемъ всѣ важнѣйшіе мотивы изъ народной жизни, во всѣ періоды ея постепеннаго развитія. Въ сказкахъ древнѣйшаго происхожденія, т.-е. соотвѣтствующихъ до-исторической эпохѣ, отражается первоначальная миѳологія, первоначальное простодушное обоготвореніе силъ и явленій природы. Въ сказкахъ сравнительно позднѣйшаго происхожденія, т.-е. соотвѣтствующихъ уже историческому періоду жизни, миѳическій элементъ уступаетъ первенство христіанскому, а простодушное отношеніе народа къ природѣ и людямъ смѣняется болѣе разумнымъ взглядомъ на силы природы и болѣе сознательнымъ отношеніемъ къ исто-

рическимъ событіямъ и къ самому себѣ. Наконецъ, въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ, сказка для своего содержанія беретъ подробности изъ современной семейной и общенародной жизни. Инымъ явленіямъ сказка сочувствуетъ, другія осмѣиваетъ, или по крайней-мѣрѣ трунитъ надъ ними. Такимъ образомъ, народныя сказки можно раздѣлить на три группы: 1) *сказки миѳическія*, 2) *сказки нравственныя* и 3) *сказки бытовыя*.

Языкъ и тонъ русскихъ народныхъ сказокъ. И языкъ, и тонъ народныхъ сказокъ имѣютъ всѣ тѣ же качества, какими отличаются другія поэтическія произведенія народнаго эпоса. Хотя сказки сложены прозой, но языкъ ихъ живописенъ, т.-е. всякій предметъ и всякое явленіе рисуется въ сказкѣ сообразно съ впечатлѣніями, производимыми ими на душу человѣка. Съ внѣшней стороны языкъ русскихъ народныхъ сказокъ представляетъ тѣ или другія отличія по нарѣчіямъ: сказки великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія. Эти отличія незначительны, они не мѣшаютъ всякому русскому человѣку понимать ихъ.—Тонъ народныхъ сказокъ, вообще говоря, отличается такимъ же свѣтлымъ спокойствіемъ, какъ и тонъ народныхъ былинъ. Въ частности же, и языкъ, и тонъ народныхъ сказокъ бываютъ различны, смотря по тому, принадлежатъ ли сказки къ болѣе древнимъ или къ болѣе новымъ. Наиболѣе чистымъ, поэтическимъ языкомъ и наиболѣе ровнымъ тономъ отличаются сказки древнѣйшаго происхожденія, миѳическаго содержанія. Подъ вліяніемъ успѣховъ образованности, знакомства съ книжной словесностью и знакомства съ другими народами, въ тонѣ сказокъ начинаютъ слышаться тѣ или другія ноты горячаго отношенія къ дѣйствительности, а въ языкѣ—тѣ или другія вліянія книжности.

Сказки миѳическія. Въ сказкахъ миѳическихъ преобладаетъ чудесное, только не въ смыслѣ сочиненной небылицы, выдуманной лжи, а въ смыслѣ отраженія древнихъ, наивныхъ преданій о природѣ, ея чудныхъ силахъ и явленіяхъ. Въ младенчествѣ народъ простосердечно обоготворяетъ эти силы и явленія и въ разныхъ ихъ соотношеніяхъ видитъ не то, что впослѣдствіи объясняется наукой, а просто-напросто—борьбу различныхъ, враждебныхъ между собою, стихій и вліяній. Не только солнце, луна и звѣзды, но даже туча, громъ, молнія, дождь, градъ, вѣтеръ и другія атмосферныя явленія въ народной сказкѣ являются дѣйствующими лицами. Въ основаніи всѣхъ миѳическихъ сказокъ лежитъ та же самая идея, которая встрѣчается и въ основѣ миѳологій, а именно: борьба солнца съ тьмою, тепла съ холодомъ, добра со зломъ. Враждебныя, темныя силы похищаютъ свѣтъ, заслоняютъ тепло и тѣмъ лишаютъ землю ея производительности, а людей лишаютъ довольства и счастья. Добрыя, свѣтлыя силы сражаются съ темными, побѣждаютъ ихъ, возвращаютъ землѣ плодородіе, людямъ — свѣтъ, тепло и радость. И тѣ, и другія силы имѣютъ въ сказкѣ соотвѣтствующія олицетворенія. Вотъ самыя значительныя изъ этихъ враждебныхъ людямъ силъ: 1) Змій шестиглавый или 12-ти-главый,—олицетвореніе мрачныхъ тучъ, съ змѣевидными молніями, заслоняющими отъ земли солнце и его непосредственное, живительное вліяніе на всю природу; 2) Кощей-безсмертный,—олицетвореніе морозной стужи, останавливающей растительную жизнь, костенящей землю; 3) Баба-яга-костяная-нога—олицетвореніе зимы, со всѣми ея принадлежностями: мрачной мглою и мятелями, зимы, измѣняющей весь видъ природы. Благодѣтельныя для людей силы олицетворяются обыкновенно въ образѣ свѣтлыхъ красавицъ, заколдованныхъ или похищенныхъ разными Кощеями или Змѣями. Главная задача свѣтлыхъ героевъ и *героинь миѳическихъ сказок*ъ состоитъ именно въ томъ, чтобъ отыскать этихъ оча-

рованныхъ или похищенныхъ красавицъ, разрушить ихъ плѣнъ и возвратить ихъ природѣ и людямъ на общую радость. Сказать проще: задача сводится къ тому, чтобы разрушить чары зимы и возвратить природу къ жизни, производительности, а людей къ мирному счастью. Таковъ смыслъ и разныхъ второстепенныхъ диковинокъ, за которыми въ сказкахъ гоняются герои и героини, царевичи и царевны: жаръ-птица, конь златогривый, золотыя яблоки, свинка-золотая-щетинка, олень-златорогій и т. п. Эпитетъ *золотой* прямо указываетъ на связь ихъ съ солнцемъ и съ солнечнымъ свѣтомъ. Такой же дополнительный смыслъ имѣютъ и тѣ пособія, которыми въ миѳической сказкѣ пользуются герои и героини: сапоги-самоходы и коверъ-самолетъ—вѣроятно, образъ благопріятнаго вѣтра и быстро-летящей тучи; мечъ-саморубъ—образъ росы и благотворнаго весенняго дождя, оживляющаго всю природу; скатерть-самобранка—символъ повсемѣстнаго изобилія въ природѣ весною и лѣтомъ. Подобный же смыслъ имѣютъ часто встрѣчающіяся въ сказкахъ усыпленія, очарованія, оцѣпенѣнія. Все это—символы замиранія природы подъ вліяніемъ мороза. Въ одной сказкѣ заколдованная царевна, послѣ того, какъ съ нея сняли очарованіе, даетъ мѣшокъ съ сѣмянами. Куда ни бросятъ сѣмяна, вездѣ выростаютъ трава, цвѣты и плоды, символическое изображеніе того, какъ природа расцвѣтаетъ весною. Въ другой сказкѣ та же идея выражена такимъ образомъ, что куда только красавица ни взглянетъ, подъ взглядомъ ея начинаютъ цвѣсти всякіе цвѣты.

Къ этой же группѣ сказокъ, по древности, слѣдуетъ отнести и такъ называемыя сказки о животныхъ, или—какъ говорятъ въ нѣмецкой литературѣ—животный эпосъ, Thierepos. Эти сказки сложились въ тотъ же первоначальный періодъ времени, когда народъ имѣлъ младенческій взглядъ вообще на природу, а слѣдовательно и на жизнь животныхъ. Народъ самъ жилъ звѣроловствомъ и пастушествомъ, поэтому и на хищныхъ звѣрей смотрѣлъ, какъ на своихъ товарищей по ремеслу. По преобладанію фантазіи въ тотъ младенческій періодъ развитія, народъ переносилъ на животныхъ человѣческія свойства и намѣренія. Такими и являются звѣри въ животномъ эпосѣ: они не аллегоріи, а сами-по-себѣ со своими природными свойствами, да еще вдобавокъ съ человѣческими намѣреньями, соображеньями и расчетами. Въ русскихъ *животныхъ сказкахъ* чаще всего дѣйствующими лицами являются: лисица, волкъ и медвѣдь; рѣже:—заяцъ, котъ, пѣтухъ, лебеди и утки.

Образцы миѳическихъ сказокъ: 1) *Морозко* (изъ Сборника Афанасьева 1873 г. т. 1, № 52); 2) *Кощей-безсмертный* (т. 1, № 93); 3) *Морозъ, солнце и вѣтеръ* (т. 1, № 48); 4) *Три царства: мѣдное, серебряное и золотое* (т. 1, № 71); 5) *Царевна-змѣя* (т. 2, № 151); 6) *Окаменѣлое царство* (т. 2, № 153 *а* и *б*). *Образцы сказокъ о животныхъ:* 1) *Лисичка-сестричка и волкъ* (т. 1, № 1); 2) *Лисица, заяцъ и пѣтухъ* (т. 1, № 3); 3) *Лиса плачея* (т. 1, № 6); 4) *Мужикъ, медвѣдь и лиса* (т. 1, № 7); 5) *Старая хлѣбъ-соль забывается* (т. 1, № 8); 6) *Коза* (т. 1, № 27).

Сказки нравственныя. Какъ въ сказкахъ миѳическихъ преобладаетъ чудесное первоначальныхъ языческихъ вѣрованій и наивнаго взгляда на міръ, такъ въ *сказкахъ нравственныхъ* преобладаетъ элементъ христіанскихъ понятій и вѣрованій, а во взглядахъ на общественную жизнь замѣчается то усовершенствованіе, которое дается успѣхами образованности. Любопытнѣйшія изъ нравственныхъ народныхъ сказокъ тѣ, въ которыхъ народъ отчетливо олицетворилъ свои нравственныя понятія о горѣ и счастьи, о скромности и жадности, о богатствѣ и убожествѣ, о правдѣ и неправдѣ (кривдѣ). Въ этихъ сказкахъ народное

сочувствіе всегда и рѣшительно остается на сторонѣ того, кто незаслуженно терпитъ горе, или при трудолюбіи и бережливости не можетъ выбиться изъ бѣдности, или при глубокомъ уваженіи къ правдѣ терпитъ отъ неправды. Въ сказкѣ *О правдѣ и кривдѣ* вопросъ о нравственномъ превосходствѣ правды рѣшенъ положительно. Правдивый терпѣливъ, трудолюбивъ, безропотенъ, не только не мститъ за обиду, но отплачиваетъ за нее великодушіемъ, добромъ. Напротивъ, криводушный погибаетъ жертвой собственнаго эгоизма. Такимъ образомъ, правда удовлетворена, чувство нравственное успокоено.

Къ этой группѣ сказокъ относятся и тѣ, въ которыхъ предметы взяты изъ исторіи и въ фантазіи переработаны съ тѣми или другими нравственными цѣлями. Изложеніе ихъ впрочемъ не былинное, а чисто сказочное, т.-е. со всякими диковинками. Таковы, напримѣръ, сказки, содержаніе которыхъ взято изъ богатырскихъ былинъ. Въ сказкѣ *Объ Ильѣ Муромцѣ* разсказывается, какъ этотъ герой, между прочимъ, освобождаетъ дочь одного короля отъ двѣнадцатиголоваго змѣя. Въ сказкѣ *Про Мамая безбожнаго* изображается битва „задонскаго князя Дмитрія Ивановича съ Мамаемъ безбожнымъ на полѣ Куликовѣ". Въ этомъ отрядѣ народныхъ сказокъ есть и такія, содержаніе которыхъ передѣлано изъ западно-европейскихъ повѣстей и сказокъ, или изъ древнихъ греческихъ сказаній. Тѣ и другія занесены въ народъ дешевыми изданьями изъ Польши. Таковы напримѣръ сказки: *О Бовѣ королевичѣ*, *О Лихѣ одноглазомъ*. Первая составляетъ передѣлку одной итальянской поэмы XIV вѣка „Buovo d'Antona". Итальянскія имена изуродованы на русскій ладъ. Изъ Buovo d'Antona, который былъ сынъ герцога Guidone d'Antona, образовался „Бова Королевичъ, сынъ короля Гвидона, жившаго въ градѣ Антоновѣ"; изъ Sinibaldo—дядька Симбалда; изъ Duodo di Maganza—король Додонъ; изъ Re Erminione di Erminia—король Армянскій; изъ Macabruno re di Polonia — король Маркобрунъ „изъ града Данска"; изъ Lucaferro di Buldras — богатырь Лукоперъ; а изъ Pulicane — Полканъ богатырь. Содержаніе сказки *О лихѣ одноглазомъ* составляетъ передѣлку повѣсти о приключеніяхъ Одиссея у одноглазаго Циклопа Полифема („Одиссея". Пѣснь IX, ст. 170—559).

Образцы сказокъ нравственныхъ: 1) *Золотая рыбка* (т. 1, № 39), 2) *Жадная старуха* (т. 1, № 40); 3) *Батракъ* (т. 1, № 7); 4) *Горе* (т. 3; № 171); 5) *О правдѣ и кривдѣ* (т. 1, № 66); 6) *О Маркѣ богатомъ и Василіи безчастномъ* (т. 3, № 173); 7) *Горшеня* (т. 3, № 186); 8) *Царица-гусляръ* (т. 3, № 195); 9) *Лихо одноглазое* (т. 3, № 160).

3. Сказки бытовыя.

Въ сказкахъ бытовыхъ раскрываются разныя стороны народной жизни, въ домашней, семейной, хозяйственной, а иногда общественной обстановкѣ. Любимѣйшими мотивами бытовыхъ сказокъ являются: мачихи, пасынки и падчерицы, старшія сёстры или невѣстки по отношенію къ младшей, старшіе братья по отношенію къ младшему. Обыкновенно мачиха является олицетвореніемъ всевозможныхъ притѣсненій и несправедливостей для пасынковъ и для падчерицъ. Она даже не прочь извести падчерицу или пасынка; но случается всегда такъ, что она губитъ своихъ собственныхъ дѣтей. Падчерица скромна, терпѣлива, трудолюбива, у ней всегда находятся друзья. При помощи ихъ она спасается отъ мачихи и дѣлается счастливою.

Родныя дочери, напротивъ, отъ баловства и пристрастія матери, изнѣженныя, не пріученныя ни къ какому дѣлу, бываютъ жертвами собственной заносчивости. Старшія сёстры или невѣстки изображаются завистливыми къ счастію младшей сестры или невѣстки, но ихъ злость разоблачается и онѣ сами отъ того погибаютъ. Въ сказкахъ *О трехъ братьяхъ* братья представляются иногда царевичами, а иногда просто крестьянами. Обыкновенно, старшіе—умны и любимы, а младшій—нелюбимый и гонимый, Иванушка-дурачокъ. Въ этомъ типѣ замѣчательны двѣ особенности. Иногда этотъ младшій представляется (напр. въ сказкѣ *Емеля-дуракъ*) дѣйствительно и лѣнивымъ, и ничего незнающимъ, и ничего нестоющимъ, а все-таки судьба осыпаетъ его всякими благополучіями. Въ другихъ же сказкахъ глупость Иванушки имѣетъ особенный смыслъ: его старшіе братья умны въ практическомъ смыслѣ, они поступаютъ хитро, осторожно, наблюдаютъ только свои собственныя выгоды и уклоняются отъ всякихъ предпріятій, въ которыхъ видятъ малѣйшую для себя опасность. Однимъ словомъ, они *благоразумные эгоисты*. Иванушка, наоборотъ, по своей добротѣ, сострадательности, по любви къ семьѣ и обществу, всегда готовъ помочь другимъ, хотя бы со вредомъ или опасностью для себя. Въ осуществленіи этихъ идей Иванушка находитъ себѣ удовлетвореніе, а потому сравнительно съ тѣми умными эгоистами является *глупымъ идеалистомъ*. Но зато, въ трудныя минуты, когда старшіе теряются, у Иванушки являются твердость, ловкость, находчивость. Послѣ гоненій и лишеній Иванушка торжествуетъ. При отчетливой обработкѣ этого народнаго типа, очевидно, что тѣ сказки, въ которыхъ дурни являются дѣйствительно лѣнтяями и дурнями, представляютъ собою, вѣроятно, или неполные, или испорченные отрывки старинныхъ сказокъ, остатокъ однѣхъ формъ безъ основного смысла.

Въ группѣ *бытовыхъ* сказокъ встрѣчаются и такія, въ которыхъ исчезаютъ многія характеристическія черты народныхъ сказокъ, напримѣръ наивность взгляда и спокойствіе тона. Таковы напримѣръ тѣ сказки, которыя сложены, очевидно, для того только, чтобы остроумной болтовней позабавить слушателей (*Нелюбо-не-слушай*), а также и тѣ сказки, которыя переходятъ въ намѣренную сатиру. Онѣ изобличаютъ разныя общественныя неурядицы. Образцами сказокъ-сатиръ могутъ служить: *О Шемякиномъ судѣ*, гдѣ выставляется на видъ подкупность судей прежняго времени, и *О Ершѣ Ершовичѣ Щетинникѣ*, гдѣ юмористически изображаются сутяжничество и ябедническая изворотливость въ XVI—XVII столѣтіяхъ.

Образцы сказокъ бытовыхъ: 1) *Емеля-дуракъ* (т. 1, № 100); 2) *Дочь и падчерица* (т. 1, № 54); 3) *Баба-яга* (т. 1, № 58, 6); 4) *Никита-Кожемяка* (т. 1, № 85); 5) *Золотой башмачокъ* (т. 3, № 362); 6) *Двѣ доли* (т. 3, № 172); 7) *Царевна-лягушка* (т. 2, № 150); 8) *Набитый дуракъ* (т. 3, № 226); 9) *Сивко-бурко* (т. 2, № 105, 6); 10) *Норка-звѣрь* (т. 1, № 73); 11) *Нелюбо-не-слушай* (т. 3, № 231); 12) *О Ершѣ Ершовичѣ Щетинникѣ* (т. 2, № 41).

Изъ сборниковъ русскихъ народныхъ сказокъ замѣчательны: „Русскія нар. сказки“ *Броницына*. 1838 г. — „Русск. нар. сказки“ *Сахарова*. 1841. — „Великорусскія сказки“ *Худякова*. 1860. — „Народныя южно-русскія сказки“ *Рудченко*. 1869. — „Народныя русскія сказки“ *А. Н. Афанасьева*. 1873. Послѣдній сборникъ отличается особенной полнотой: три тома сказокъ и цѣлый томъ примѣчаній къ нимъ.

ОБРАЗЦЫ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ.

1. Морозко.

Жили-были старикъ да старуха. У нихъ было три дочери. Двухъ младшихъ старуха нѣжила да баловала. Онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались, а за работу садились, когда пообѣдаютъ. Старшую, Мареушу, старуха не любила. Она была ей падчерица. Мареуша раньше всѣхъ встанетъ, скотинку напоитъ, дровъ и воды въ избу нанесетъ, печку вытопитъ, всю избу уберетъ еще до-свѣту, а старуха все недовольна, все на Мареушу ворчитъ: экая лѣнивица, экая неряха! И то не такъ, и это не на мѣстѣ. Мареуша на сторонкѣ поплачетъ, словечко супротивъ мачихи не скажетъ. Сёстры, глядючи на мать, сестру обижали. Доведутъ ее до слезъ и смотрятъ—то имъ и любо.

Стали старики думу думать: старикъ—какъ бы дочерей пристроить, а старуха—какъ бы старшую съ рукъ сбыть. Вотъ однажды старуха и говоритъ: „Надо Мареушу замужъ отдать.“ — „Ладно, отдадимъ“, говоритъ старикъ, и побрелъ-себѣ на печь. А старуха ему вслѣдъ: „Ты завтра, смотри, пораньше встань, дровни снаряди, да Мареутку отвези въ боръ, къ жениху-то.“ На утро Мареуша собралась, умылась, нарядилась, Богу помолилась и рада, рада, что отецъ повезетъ ее къ жениху. Сѣли за столъ— поѣсть на дорогу. Старуха поставила имъ хлѣба да старыхъ щей. „Ѣшь, ѣшь, голубка, говоритъ, да убирайся. А ты, старый хрычъ, смотри, вези ее прямо къ той большой соснѣ, что̀ на пригоркѣ, въ бору, и тутъ отдай Мареутку за Морозка.“ Старикъ и хлебать перестадъ, глаза вытаращилъ, а дѣвка завыла. „Чего тутъ, чего, сказала старуха: чѣмъ не женихъ? Ишь у него сколько добра: всѣ елки, сосны, березы въ пуху, житье хоть куда, и самъ богатырь.“ Жаль стало старику, а перечить не посмѣлъ; уложилъ всѣ пожитки, усадилъ дочку, поѣхалъ. А морозъ на ту пору стоялъ трескучій. Долго ѣхалъ старикъ по дорогѣ, потомъ своротилъ въ глушь, добрался до пригорка и сталъ у большой сосны. „Слѣзай, дочка, сиди тутъ, жди жениха, да смотри – принимай его ласково“, а самъ, скрѣпя сердце, поворотилъ оглобли домой.

Сидитъ Мареуша, дрожитъ, силъ нѣтъ поплакать, отъ стужи только зубы стучатъ. Вотъ, слышно, Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Добрался онъ и до той сосны, гдѣ Мареуша сидитъ, и сверху ей говоритъ: „Тепло-ль тебѣ, дѣвица?“— Тепло, тепло, батюшко-Морозушко.—Морозко спускается ниже, больше пощелкиваетъ и опять спрашиваетъ: „Тепло-ль тебѣ, дѣвица, тепло-ль тебѣ, красная?“ Мареуша чуть духъ переводитъ, а все говоритъ:—Тепло, Морозушко, тепло, батюшка!—Морозко еще сильнѣе затрещалъ, еще крѣпче Мареушу охватилъ: „Тепло-ль тебѣ, дѣвица, тепло-ль тебѣ, лапушка?“ А Мареуша ужъ почти окостенѣла, чуть слышно проговорила: —Ой тепло, голубчикъ-Морозушко!—Сжалился Морозко, окуталъ дѣвицу шубами, отогрѣлъ, фатою дорогою накрылъ, коробъ съ подарками богатыми возлѣ нея поставилъ.

На утро старуха послала старика провѣдать молодыхъ. Пріѣхалъ старикъ, глядитъ, а дочка жива и весела, шуба на ней богатая, фата дорогая, а возлѣ коробъ съ подарками. Уложилъ все старикъ на возъ, пріѣхалъ съ дочкой домой.

Мароуша мачихѣ въ ноги; старуха изумилась. Взяла ее зависть, пуще прежняго озлилась она на Мароушу.

Спустя немного, старуха посылаетъ старика съ другими двумя дочерьми туда же къ Морозку. „Вези-ка ихъ къ жениху, онъ моихъ-то еще не такъ одаритъ.“ Тѣмъ же порядкомъ старикъ и ихъ привезъ къ соснѣ, а самъ уѣхалъ. Дѣвицы сидятъ, разговариваютъ. „Что это матушкѣ вздумалось обѣихъ разомъ выдавать, да еще за Морозка? Развѣ въ деревнѣ не стало ребятъ?“—И какой такой Морозко? говоритъ другая: можетъ и взглянуть страшно!—„Кого только возьметъ-то изъ насъ обѣихъ?“—Не тебя ли, лѣнивицу?—А то, небось, тебя?—„Ишь, какая красавица, неряха, отыскалась!“ А Морозъ тѣмъ временемъ трещитъ на-славу, дѣвицъ и въ шубахъ пробираетъ. Ужъ онѣ ежатся и пальцы отдуваютъ. Вотъ Морозко подобрался къ самой соснѣ и говоритъ: „Тепло ли вамъ, дѣвицы, тепло ли вамъ, красныя?“ — Ой, Морозко! больно студено, замерзли; ждемъ суженаго, а онъ, окаянный, нейдетъ. Морозко сталъ ниже спускаться, пуще пощелкивать: „Тепло ли вамъ, дѣвицы, тепло ли вамъ, красныя?“ —Уйти ты къ бѣсу! Развѣ ослѣпъ: у насъ и руки, и ноги остыли. — Совсѣмъ спустился Морозко, сильнѣй приударилъ и сказалъ: „Тепло ли вамъ, дѣвицы?“ —Сгинь, окаянный!—И дѣвицы совсѣмъ окостенѣли.

На утро тѣмъ же порядкомъ пришлось старику провѣдать молодыхъ. Мертвыхъ дочекъ привезъ старикъ домой. Выбѣжала старуха навстрѣчу,—заплакала, заголосила, да поздно.

Послѣ старуха съ падчерицей помирилась, и стали онѣ жить да быть, добра наживать, лиха не поминать.

2. Морозъ, солнце и вѣтеръ

(Бѣлорусская рѣчь.)

Йшоу разъ собје одзјонъ человјѣкъ и судосиу (встрѣтилъ) на дорози Сдунычко, Морозъ и Вјѣцѣръ. Ото-жъ-то споткаушисѣ (встрѣтившись) зъ јими, сказау вудонъ имъ „похвалјоны“ (т.-е. привѣтствіе) [1]. Кому вудонъ отдау похвалјоны? Сдунычко собјѣ кажэ—што мнјѣ, кабъ (чтобы) я јоhо нѣ пѣкло; а Морозъ собјѣ каже, што мнјѣ, а нѣ тобјѣ, бу вудонъ цѣбѣ нѣ такъ боицѣ, якъ мѣнѣ. „Ото-жъ-бо лжецѣ! нѣправуда! каже наресьци (наконецъ) Вјѣцеръ; той человјѣкъ оддау похвалјоны нѣ вамъ, а мнјѣ.“ Почали мижи собою ажъ спѣрацисѣ (препираться), сварицисѣ (браниться) й ондошто (чуть-чуть) за чубы нѣ побралисѣ... „Ну коли жъ такъ, то спытаймосѣ јоhо (спросимъ его); кому вудонъ оддау похвалјоны — мнјѣ, чи (или) вамъ?“ Доhонили тоhо чоловјѣка, спытали; ажъ вудонъ сказау: „Вјѣтреви.“ — А што, бачъ (видишь), нѣ казау я, што мнјѣ! „Постудй же ты! я цѣбѣ ракару спѣку! (сдѣлаю краснымъ какъ рака) кажэ Слонце: покјѣмишь (помянешь) ты мѣнѣ.“ Ажно Вјѣцѣръ кажэ: „Не будсь, не спѣчэ; я буду вјѣяци и охолождаци јоhо.“ —Такъ я жъ цѣбѣ, hицлю (живодера), заморожу! кажэ Морозъ. „Не лѣкайсѣ (не пугайся), нѣбожэ (бѣдняжка), тоhды я нѣ буду вјѣяци, и вудонъ тобјѣ ничоhо нѣ зробитъ, безъ вјѣтру нѣ заморозитъ.“

(Изъ сказокъ *А. Н. Афанасьева*, т. I, стр. 147. Записана въ западн. части Гродненской губ.)

---

[1]) При встрѣчахъ и при входѣ въ чужой домъ крестьяне въ видѣ привѣтствія говорятъ: ‹нѣхъ бэндзѣ похвалјоны Іезусъ Христусъ!› Другой долженъ отвѣтить: ‹на вѣки вѣковъ, аменъ›.

3 Лисичка-сестричка и Волкъ.

(Малорусская рѣчь.)

Якъ була соби лисичка, да й пишла разъ до однеи бабы добувать огню; вишла у хату да й кажэ: „Добрый день тоби, бабусю! дай мини огня.“ А баба тильки що выйняла изъ печи пирожокъ изъ макомъ, солодкій, да й положила, щобъ винъ прохоловъ (простылъ); а лисичка се и пидгледала, да тильки що баба нахилилась (наклонилась) у пичь, щобъ достать огня, то лисичка заразъ (тотчасъ) ухватила пирожокъ да и драла (ушла) съ хаты, да бижучи весь макъ изъ его выјила, а туда смитья (сору) наклала. Прибигла на поле, ажъ тамъ пасуть хлопци (парни) бичкивъ. Вона и кажэ имъ: „Эй, хлопци! проминяйте мини бичка-третячка (т.-е. по третьему году) за маковый пирожокъ.“ Тые согласились; такъ вона имъ говоритъ: „Смотрить-же, вы не јижте заразъ сего пирожка, а тоди вже (тогда уже) разломите, якъ я завиду бичка за могилку; а то вы его не за що не разломите.“ Бачите вже (видите уже)—лисичка таки соби була розумна, що хоть кого да обманить. Тые хлопци такъ и зробили (сдѣлали), а лисичка якъ зашла за могилку, да заразъ у лисъ и повернула, щобъ на дорози не догнали; пришла у лисъ да и зробила соби санки да й јиде (ѣдетъ). Коли йде вовчикъ. „Здорова була, лисичко-сестричко!“—Здоровъ, вовчику-братику! — „Дэ (гдѣ) се ты узяла соби и бичка, и санки? — Э! зробила. — „Подвези жъ и мене.“ — Э, вовчику! не можно. — „Мини хоть одну нижку (ножку)“.—Одну можно. Винъ и положивъ, да отъјихавши немного и просить, щобы еще одну положить.—Не можно, братику. Боюсь, щобъ ты саней не зломавъ.—„Ни, сестричко, не бійся (не бойся)!“ Да и положивъ другую нижку. Тилько що отъјихали, якъ щось (что-то) и триснуло.—Бачишъ, вовчику, вже и ломаешъ санки.—„Ни лисичко, се у мене бувъ оришокъ (орѣшекъ), такъ я розкусивъ.“ Да просить опять, щобъ и третю ногу положить. Лисичка и ту пустыла, да тильки що опять отъјихали, ажъ щось вже дужче (сильнѣе) триснуло. Лисичка закричала: Охъ, лишечько! (бѣда!) ты-жъ мини, братику, совсимъ зломаешъ санки. — „Ни, лисичко, се я оришокъ розкусивъ.“ Дай же и мини; бачишъ якій, що самъ јишъ, а мини и не даешъ.—„Нэма (нѣтъ) вже бильше, а я-бъ давъ.“ Да и просить опять, щобъ пустыла положить и послидню ногу. Лисичка и согласилась. Такъ винъ тильки що положивъ ногу, якъ санки зовсимъ разломались. Тоди (тогда) вже лисичка такъ на его разсердылась, що и сама не знала щобъ робила! а якъ отошло сердце, вона и кажэ:—Иди-жъ, ледащо! (негодный!) да нарубай дерева, щобъ намъ опять изробить санки; тильки рубавши кажи такъ: рубайся дерево и криве, и пряме. — Винъ и пишовъ да й кажэ усе: „ рубайся-жъдерево усе пряме да пряме!“ Нарубавши и приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, якъ јій нужно, опять разсердылась:—Ты, говоритъ, не казавъ видно такъ, якъ тоби велила! — „Ни, я усе тее казавъ, що ты мини казала.“—Да чомусь (отчего-же) не такъ рубалось? Ну, сиди жъ ты тутъ, а я сама пиду нарубаю.—Да и пишла у лисъ. А вовкъ дивицця (удивляется), что винъ самъ остався; узявъ да пројивъ у бичка дирку да выјивъ усе въ середыни, да напускавъ туда горобцивъ (воробьевъ), да ще соломой заткнувъ, поставивъ бичка, а самъ втикъ (убѣжалъ). Ажъ лисичка приходить, зробили санки да й сила (сѣла) и стала погонять: — гей бичокъ-третячокъ! — Тильки винъ не везе. Отъ (вотъ) вона встала, щобъ поправить: може, що не такъ

запряжено; да не хотячи одоткнула солому, а оттуда такъ и сыпнули горобци литить. Вона вже тоди побачила, що бичокъ неживый; покинула его да и пишла.

Легла на дорози, ажъ дивиццяя — јиде мужикъ зъ рыбою; вона и притворилась, що здохла. Отъ мужикъ и говорить: „Возьму я оцю (эту) лисицю, обдеру да хоть шапку соби сошью.“ Узявъ да и положивъ сзади у воза. Вона замитила, що мужикъ не смотрить, стала ногами выкидывать рыбу зъ воза, а когда побачила, що навикидала вже богато (много), тоди потыхесеньку и сама слизла, сила биля (возлѣ) рибы да и јисть соби; коли бижить опять той самый вовчикъ. Побачивши, що вона јисть рибу, прибигъ до еи да и каже: „Здорова була, лисичко сестричко! дэ се ты набрала стильки рибы?“ Вона каже: — Наловыла, вовчыку-братику! — А соби на думци: — подожди, и я зроблю зъ тобою таку штуку, якъ и ты зо мною. — „Якъ же ты ловыла?“ — Такъ, вовчику, уложила хвостикъ въ ополонку (прорубь), вожу тыхенько да й кажу: ловися рибка мала и велика! Коли хочешъ, то и ты пиди, наловы соби. — Винъ побигъ да зробывъ такъ, якъ казала лисичка. А лисичка стала за деревомъ да й дивиццяя. Коли у вовчика зовсимъ (совсѣмъ) хвостикъ примерзъ, вона тоди побигла въ сило да й кричитъ: — идить, люди, вбывайте вовка! — Люди набигли съ кольями да й убили его.

(Изъ русск. народн. сказ. *Афанасьева.* Т. I, стр. 11.)

4. Горе.

Жили-были въ деревнѣ два мужика, два родные брата; одинъ богатый, а другой бѣдный. Богатому жилось хорошо. Онъ переѣхалъ въ городъ, записался въ купцы, расторговался, выстроилъ себѣ знатныя хоромы. А бѣдному ни въ чемъ не было удачи; какъ ни старался, какъ ни работалъ, а все нѣтъ ничего, ребятишки плачутъ, безъ хлѣба сидятъ. Пошелъ мужикъ въ городъ, поклонился богатому брату: „Помоги, братецъ родимый, сколько-нибудь моему горю; жена и дѣти по цѣлымъ днямъ голодаютъ.“ — Хорошо, говоритъ братъ: поработай у меня, я помогу. — Поработалъ бѣдный усердно цѣлую недѣлю. Братъ далъ ему ковригу хлѣба: — Вотъ тебѣ за труды, да еще — приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости, и жену приведи, завтра — мои именины. — „И за то спасибо, братецъ. Только какъ же намъ къ тебѣ на именины? Самъ знаешь, къ тебѣ пріѣдутъ гости въ сапогахъ да въ шубахъ, а на мнѣ вѣдь лаптишки да худенькій кафтанишка.“ — Ничего, приходи, будетъ и тебѣ съ женой мѣсто. — Вотъ на другой день пришелъ бѣдный братъ вмѣстѣ съ женой, поздравили именинника, усѣлись поодаль на лавку. А ужъ гостей именитыхъ много за столомъ. Всѣхъ ихъ хозяинъ угощаетъ на-славу; о братѣ и его женѣ позабылъ. Они только глядятъ, какъ другіе пьютъ да ѣдятъ. Кончили обѣдъ. Гости встаютъ, хозяина съ хозяюшкой благодарятъ, и бѣдный братъ тоже кланяется хозяевамъ въ-поясъ. Гости весело разъѣзжаются домой, пѣсни поютъ. Бѣдный съ пустымъ брюхомъ идетъ назадъ. „Давай-ка, говоритъ женѣ: и мы пѣсню запоемъ; все-таки у брата на именинахъ были. Какъ запою, такъ кто-нибудь подумаетъ, что и меня угостили.“ — Пой коли хочешь, а я не стану. — Мужикъ запѣлъ пѣсню и слышитъ, что кто-то тоненькимъ голоскомъ ему подтягиваетъ. „Это ты мнѣ, жена, подсобляешь?“ — Чего? и не думала. А ну, запой еще, я послушаю. — Опять запѣлъ мужикъ и опять слышно два голоса. Остановился мужикъ и спрашиваетъ: „Это уже не ты ли, Горе, мнѣ подсобляешь?“ — Да, хозяинъ, это я подсобляю. Я теперь отъ тебя

не отстану.—Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говоритъ: „Денегъ нѣтъ.“ — На что деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ теперь? Скоро лѣто, все равно—носить не станешь! Пошелъ мужикъ съ Горемъ въ кабакъ и пропилъ полушубокъ. Затѣмъ и пошло туда же, одно за другимъ—и сани, и телѣга, и борона, и соха; избу заложилъ, а деньги туда же снесъ. Горе все тянетъ да тянетъ. Напослѣдокъ мужикъ снесъ въ кабакъ и женинъ сарафанъ. „Вотъ когда чистъ—думаетъ—ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ.“

Поутру Горе говоритъ мужику:—Ступай къ сосѣду, выпроси на время пару воловъ съ телѣгою. — Пошелъ мужикъ, выпросилъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ въ телѣгу, поѣхалъ въ чистое поле. — Поѣзжай-ка, хозяинъ, прямо къ большому камню.—Пріѣхали, вылѣзли изъ телѣги. Горе велитъ мужику поднимать камень. Мужикъ поднимаетъ, а Горе подсобляетъ. Подняли, а подъ камнемъ яма—полна золотомъ насыпана. Мужикъ все то золото забралъ на телѣгу, да еще послалъ Горе посмотрѣть, что тамъ въ углу ямы свѣтится. Какъ только Горе въ яму спустилось, мужикъ и накрылъ яму камнемъ. „Сиди-ка лучше тутъ, сказалъ мужикъ: безъ тебя мнѣ будетъ много полегче на свѣтѣ.“ Съ той поры разжился бѣднякъ, обстроился, завелъ свои хоромы, сталъ жить богато и хлѣбосольно. Богатый братъ, какъ побывалъ у него да узналъ, какими судьбами бѣднякъ разбогатѣлъ, такъ даже и позавидовалъ его счастію. А отъ зависти вздумалось ему отыскать, гдѣ спрятано Горе горемычное и опять его напустить на брата: пусть, молъ, раззорится и не чванится. Только не удалось завистнику погубить брата. Горе-то онъ отыскалъ, но самъ же къ нему и попался. Обрадовалось Горе, что свалили съ него камень, и крѣпко насѣло богатому купцу на шею. Какъ ни увѣряетъ купецъ, что не онъ, а братъ его засадилъ Горе въ яму, Горе ничего не слушаетъ. „Разъ обманулъ, говоритъ оно: въ другой не обманешь.“ Не отпускаетъ Горе купца ни на шагъ: всегда съ нимъ. Пошло у купца все врозь. Не мало всякаго добра уплыло въ кабакъ. Долго купецъ ломалъ себѣ голову, какъ ему избыть свое Горе, наконецъ придумалъ: приготовилъ новое колесо, крѣпко заколотилъ клинъ съ одного конца во втулку и поставилъ къ сторонкѣ на всякій случай; зоветъ Горе поиграть съ нимъ на дворѣ въ гулючки (въ прятки). Начали прятаться. Купецъ спрятался,—Горе его тотчасъ отыскало и говоритъ: „А вотъ меня-то тебѣ не отыскать; я забьюсь въ такую щель, что тебѣ и въ голову не прійдетъ!“—Куда тебѣ! говоритъ купецъ: ты вотъ и въ это колесо не спрячешься, не то что—въ щель!—„Въ колесо-то? Смотри-ка, еще какъ спрячусь!“ Какъ только Горе влѣзло въ колесо, купецъ вбилъ клинъ съ другого конца во втулку и зашвырнулъ колесо въ рѣку. Горе потонуло, а купецъ оправился и зажилъ по-прежнему, безъ горя.

5. Золотой башмачокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухою У нихъ были двѣ дочери. Старуха старшую любила, а младшую нѣтъ. Старшей всегда лучшее платье, а младшей – какое-нибудь. Разъ старикъ воротился изъ города и привезъ обѣимъ дочкамъ по рыбкѣ. Старшая свою съѣла, а младшая пошла на колодезь и говоритъ: „Матушка-рыбка! съѣсть мнѣ тебя, или нѣтъ?“– Не ѣшь, говоритъ рыбка: пусти меня въ воду, я тебѣ пригожусь.— Такъ дочка и сдѣлала. Приходитъ воскресенье. Мать нарядила старшую дочку въ лучшее платье и взяла съ собою къ обѣднѣ, а младшей дала двѣ мѣры

ржи: „Вотъ вычисти да вышелуши, пока обѣдня отойдетъ." Сѣла младшая у колодца и горько заплакала, а рыбка выплыла наверхъ и спрашиваетъ: Чего ты плачешь, красна дѣвица?—„Какъ не плакать мнѣ! Мать нарядила сестру въ самолучшее платье и взяла въ церковь, а мнѣ велѣла — пока идетъ обѣдня—вычистить де вышелушить двѣ мѣры ржи!" — Не плачь, не тужи, говоритъ рыбка: наряжайся и ты да ступай въ церковь: ужо будетъ рожь вычищена. — Нарядилась она красавицей, пошла въ церковь. Мать глядитъ-глядитъ, и не узнаетъ, что за красавица. Передъ концомъ обѣдни дочка вернулась домой. Вернулась и мать. „Ну, что? вычистила?"—Вычистила. — „Ну, говоритъ мать: что за красавица была у обѣдни! Попъ не поетъ, не читаетъ, а все на нее глядитъ. Не тебѣ чета, оборванкѣ!" —Хоть не была, а знаю, — говоритъ дочь. „Гдѣ тебѣ знать!" Въ слѣдующее воскресенье опять то же; только ужъ тутъ самъ царевичъ заглядѣлся на дѣвицу. Захотѣлось ему узнать, кто она такая? Взялъ и бросилъ ей подъ башмакъ смолы. Красавица уѣхала домой, а башмакъ остался, не простой, а весь золотомъ вышитый башмакъ. „Чей башмакъ, ту и замужъ за себя возьму", говоритъ царевичъ, и пустился по царству разыскивать дѣвицу. Искалъ-искалъ, никому башмакъ не въ пору. Вотъ пришелъ и къ старухѣ, говоритъ: „Покажи-ка свою дочку, ладенъ ли будетъ ей башмакъ?" Примѣрили старшей — великъ, примѣрили младшей — ладенъ башмакъ. Царевичъ взялъ ее за себя, и стали они жить да поживать, да добра наживать. И я на свадьбѣ былъ, пиво-медъ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало. Дали мнѣ тамъ синь кафтанъ, ворона летитъ да кричитъ: синь кафтанъ! синь кафтанъ! я думаю: скинь кафтанъ! взялъ да скинулъ.

---

10. Пословицы.

Опредѣленіе пословицы. Общее содержаніе русскихъ народныхъ пословицъ. Особенность формы пословицъ. Группировка пословицъ соотвѣтственно главнѣйшимъ періодамъ въ развитіи народной жизни. Образцы пословицъ: миѳологическихъ, нравственно-философическихъ, историческихъ и бытовыхъ. Значеніе пословицы въ жизни народа прежде и теперь. Отличіе поговорки отъ пословицы. Сборники русскихъ народныхъ пословицъ.

Пословицами называются краткія изреченія, въ которыхъ народъ выражаетъ свои вѣрованія и убѣжденія, какъ результатъ наблюдательнаго ума и многовѣковой опытности. Встарину понятіе пословицы имѣло объемъ большій сравнительно съ нынѣшнимъ: это слово употреблялось въ смыслѣ—притчи, приключенія, случая, соглашенія, уговора, выраженія и даже въ смыслѣ примолвки.

Пословицъ народъ не сочиняетъ намѣренно, но онѣ складываются свободно, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ событій, думъ, наблюденій, вѣрованій, указаній житейскаго опыта, нравственныхъ убѣжденій и практическихъ выводовъ изъ жизни. Поэтому пословица сопровождаетъ народъ во все время его существованія. Русскій человѣкъ любитъ часто обращаться къ пословицѣ за руководствомъ. Пословицу всякъ знаетъ и всякъ ей покоряется, потому что (какъ говоритъ глубокій знатокъ русской народной рѣчи и поэзіи, В. Даль) „это — сочиненіе и достояніе общее, какъ и самая радость и горе, какъ выстраданная цѣлымъ поколѣніемъ опытная мудрость, высказавшаяся такимъ приговоромъ".

Содержаніе народныхъ пословицъ такъ же обширно и разнообразно, какъ и сама народная жизнь. Въ пословицахъ, какъ вообще въ памятникахъ устной поэзіи, отразились преданія родной старины; только пословица отличается отъ всѣхъ остальныхъ видовъ народной словесности краткостью и сжатостью.

Форма народной пословицы, кромѣ краткости и сжатости, имѣетъ еще такія особенности, которыя придаютъ пословицѣ поэтическое значеніе. Пословица любитъ выражать свою мысль не прямо, а посредствомъ удачнаго сравненія, намека и картины, способной произвести на душу впечатлѣніе. Кромѣ того, образная форма выраженія мыслей сообщается и самому складу рѣчи: пословица всегда отличается мѣрнымъ складомъ и созвучіемъ словъ. Это обстоятельство усиливаетъ впечатлѣніе пословицы. Ее легче запомнить.

Пословицы группируются соотвѣтственно степенямъ въ естественномъ ходѣ развитія народной жизни. Во многихъ пословицахъ видны слѣды древнѣйшихъ, языческихъ понятій, вѣрованій и обрядовъ (*п. миѳологическія*); въ другихъ видны указанія первоначальныхъ понятій и нравовъ пастушескаго и земледѣльческаго періода (*п. постушескія* и *земледѣльческія*); въ огромномъ множествѣ пословицъ ясно высказываются мысли и взгляды, выработанные въ народѣ подъ вліяніемъ христіанскихъ идей и философическихъ размышленій (*п. нравственно-философическія*); въ нѣкоторыхъ народъ отчетливо отзывается о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ (*п. историческія*); наконецъ, безчисленное множество пословицъ отражаетъ мысли, замѣчанія и характеристики народа о разнообразнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни домашней, хозяйственной, семейной и о различныхъ сторонахъ въ характерѣ людей (*п. бытовыя*). — По совокупности пословицъ можно судить о складѣ ума русскаго народа, о его нравахъ и обычаяхъ, о его взглядѣ на міръ и человѣчество.

ОБРАЗЦЫ ПОСЛОВИЦЪ.

1. Пословицы миѳологическія.

1. Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ.
2. Врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ (т.-е. поражаетъ и въ синемъ пламени, или—молніи. *Синій*—стародавній эпитетъ молніи).
3. Изъ пустого дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана. (По древне-языческимъ вѣрованіямъ, древесное дупло — любимое жилище бѣса. Впрочемъ, нечистая сила жила также по оврагамъ, по горамъ и по водянымъ омутамъ).
4. Горы да овраги—чортово житье.
5. Всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить.
6. Изъ омута въ адъ—рукой подать.
7. Моленой баранъ отлучился, инъ гулящей прилучился (т.-е. обреченный на жертву баранъ отлучился, ушелъ, другой случайный попался. Здѣсь слово *Моленой* поставлено въ старинномъ, языческомъ смыслѣ. Въ то, до-христіанское, время *молиться* значило *обрекаться на жертву* идолу).
8. Обреченная скотинка ужъ не животинка (т.-е. ужъ ей не житье на свѣтѣ: она либо околѣетъ, либо достанется волку).
9. Жилъ въ лѣсу, молился пнямъ.
10. Вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли.
11. Который богъ замочитъ, тотъ и высушитъ (языческое многобожіе).
12. Взялъ боженьку за ноженьку да о полъ. (Ироническое отношеніе къ богамъ; уже—вѣроятно—отжившимъ свое время).

2. Пословицы пастушескія и земледѣльческія.

13. Повадился волкъ къ овцамъ, вынесетъ все стадо.
14. Волкомъ родясь лисицей не бывать.
15. Гдѣ волчій ротъ, а гдѣ и лисій хвостъ.
16. Корова съ медвѣдемъ тягалась, только хвостъ да шкура осталась.
17. Шелъ журавль по болоту,—носъ завязилъ; носъ вытащилъ,—хвостъ завязилъ.
18. Егорій да Власъ - всему богатству глазъ (т.-е. Св. Георгій и Св. Власій, на которыхъ народъ перенесъ черты языческаго Велеса или Волоса, какъ покровители стадъ, обезпечиваютъ главное богатство народа пастушескаго).
19. Дорогой товаръ изъ земли растетъ (т.-е. хлѣбъ).
20. Плугъ кормитъ, а лугъ портитъ (преимущество земледѣлія передъ скотоводствомъ).
21. Мужикъ, умирать сбирайся, а земельку паши.
22. Безъ стараго пня и огнище сиротѣетъ (земледѣліе—корень осѣдлой, семейной жизни).
23. Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника.
24. Чья земля, того и хлѣбъ. (Земледѣлецъ ведетъ свою собственность отъ земли).

3. Пословицы нравственно-философическія.

25. Безъ Бога ни до порога.
26. Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ.
27. На правду, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь.
28. На Бога уповай, а самъ не плошай.
29. Правда хоть груба, да Богу люба.
30. За правду не судись, скинь шапку, поклонись.
31. Богъ видитъ, кто кого обидитъ.
32. Живи не ложью, все будетъ по-Божью.
33. Солнце тѣмъ не будетъ хуже, что лучи бросаетъ къ лужѣ.
34. Что посѣешь, то и пожнешь.
35. Ни дровъ, ни лучины, а живетъ безъ кручины.
36. Жизнь прожить, не поле перейти.
37. Не давши слова, крѣпись; а давши, держись.
38. Лучше хлѣбъ съ водой, чѣмъ пирогъ съ бѣдой.
39. Дума за горами, а смерть за плечами.
40. Слово, что воробей: вылетитъ, не поймаешь.
41. Людская молва, что рѣчная волна.
42. Мірская шея толста.
43. Залѣзъ въ богатство, забылъ и братство.
44. Славны бубны за горами.
45. Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

4. Пословицы историческія.

46. Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?
47. Большой въ дому, что ханъ въ Крыму.
48. Не-въ-пору гость хуже татарина.

49. У семи нянекъ дитя безъ глаза. (Семибоярщина).
50. Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день. (Уничтоженіе, при Борисѣ Годуновѣ, крестьянскихъ выходовъ, происходившихъ въ Юрьевъ день, т.-е. въ день Св. Георгія, 23-го апрѣля).
51. Конь любитъ овесъ, а воевода—приносъ. (Характеристика воеводскаго управленія).
52. Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста. (Доходное положеніе *дьяковъ*, т.-е. дѣлопроизводителей, въ старинныхъ Приказахъ).
53. Пусть будетъ такъ, какъ помѣтилъ дьякъ. (Характеристика чрезмѣрнаго значенія дьяковъ, при неумѣніи или нерадѣніи бояръ).
54. Пришли казаки съ Дону, прогнали ляховъ съ дому. (Освобожденіе Россіи отъ поляковъ въ XVII столѣтіи).
55. Пропалъ какъ шведъ подъ Полтавой. (Пораженіе Карла XII Петромъ).
56. Голодный французъ и воронѣ радъ. (Бѣдствія французовъ во время бѣгства изъ Россіи въ 1812 году).

5. Пословицы бытовыя.

57. Безъ матки пчелки пропащія дѣтки.
58. Въ дѣвкахъ сижено, горе мыкано; замужъ выдано—вдвое прибыло.
59. Суженаго конемъ не объѣдешь.
60. Не проси у богатаго, а проси у тороватаго.
61. Чужимъ умомъ вѣкъ не проживешь.
62. Счастье безъ ума — дырявая сума.
63. Бѣлыя руки чужіе труды любятъ.
64. Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ.
65. Въ большомъ мѣстѣ сидѣть, надо много ума имѣть.
66. Не все то золото, что блеститъ.
67. Не надобенъ и кладъ, коли въ семействѣ ладъ.
68. Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше.
69. Кто родителей почитаетъ, тотъ вовѣкъ не погибаетъ.
70. Съ глазъ долой, изъ сердца вонъ.
71. Хлѣбъ да вода — здоровая ѣда.
72. Не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.
73. Болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками.
74. Не спрашивай стараго, а спрашивай бывалаго.
75. Не купи двора, а купи сосѣда.
76. Свой глазъ смотрокъ.
77. У кого желчь въ рту, тому все горько.
78. Идетъ въ сапогахъ, а слѣдъ босикомъ. (Человѣкъ хитрый и осторожный).
79. На небо посматриваетъ, а на землѣ-то пошариваетъ. (Расчетливый ханжа).
80. На обухѣ плетью рожь молотитъ. (Скупой).
81. Изъ молодыхъ да ранній, пѣтухомъ кричитъ. (Выскочка).
82. Слово молвитъ, рублемъ подаритъ. (Характеристика дѣльной и красивой рѣчи).
83. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.
84. Обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду.
85. Пословица вовѣкъ не сломится.
86. Пень не околица, глупая рѣчь не пословица.

Встарину, при слабыхъ средствахъ къ образованію и даже къ взаимному сближенію съ людьми, пословицы имѣли для народа относительно больше значенія, нежели теперь. При распространеніи грамотности, при чрезвычайно разнообразномъ развитіи жизни промышленной и общественной, слово книжное оттѣсняетъ на второй планъ устное преданіе стариннаго запаса народнаго смысла и народной философіи. Позднѣйшаго образованія пословицы скоро складываются, но скоро и забываются, или извѣстны только въ небольшомъ кружкѣ людей.

Поговорка, по народному же выраженію, цвѣточекъ, а пословица ягодка. Она отличается отъ пословицы тѣмъ, что не имѣетъ сама-по-себѣ полнаго смысла, а заключаетъ только намекъ на какую-нибудь мысль или сужденіе. Напримѣръ: *легокъ на поминѣ,—одинъ какъ перстъ,—какъ снѣгъ на голову,—ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать,—изъ кулька въ рогожку,—съ больной головы на здоровую,—въ чужомъ пиру похмѣлье,—скоро сказка говорится, да не скоро дѣло дѣлается,—у него въ глазахъ двоится,—чужими руками жаръ загребаетъ,*—и т. п.

Первые сборники русскихъ народныхъ пословицъ появляются у насъ только съ XVIII столѣтія. До того времени, во весь предшествующій періодъ нашей литературы, на произведенія народной поэзіи смотрѣли какъ на предметы пустые, нестоющіе вниманія людей образованныхъ. Еще не такъ давно, именно въ 1755 г., профессоръ Тредьяковскій (въ „Разсужденіи о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ") характеризовалъ произведенія народной поэзіи словами *мужицкія, подлыя*, въ смыслѣ произведеній *низкихъ*, т.-е., по своему ничтожеству, не заслуживающихъ вниманія людей развитыхъ и образованныхъ. Со временъ Екатерины II-й взглядъ на русскую словесность измѣнился, и народная поэзія вступила въ свои права̀. Ко времени Екатерины относится Сборникъ русскихъ народныхъ пословицъ, сдѣланный по порученію Государыни Богдановичемъ (1785 г.). — Лучшіе сборники пословицъ слѣдующіе: *И. Снегирева:* „Русскіе въ своихъ пословицахъ" (1831—34).—Его же: „Русскія народныя пословицы и притчи" (1848).—*Буслаева:* „Русскія пословицы и поговорки" (1854).— *В. И. Даля:* „Пословицы русскаго народа" (1862). Послѣдній сборникъ— самый полный: онъ заключаетъ въ себѣ около 30,000 пословицъ, поговорокъ, скороговорокъ, загадокъ и прибаутокъ, собранныхъ только пятою долею изъ книгъ и сборниковъ, а „главнѣйше", какъ говоритъ авторъ, „изъ живого русскаго языка, изъ рѣчи народа".

---

11. Пѣсни лирическія или бытовыя. (Начало.)

Отличіе пѣсни лирической или бытовой отъ пѣсни богатырской и пѣсни исторической— по содержанію и по тону. Причины грустно-унылаго тона пѣсенъ лирическихъ. Особенности языка этихъ пѣсенъ. Главныя группы пѣсенъ лирическихъ.

Пѣсни лирическія или бытовыя отличаются отъ былинъ богатырскихъ и историческихъ и по содержанію, и по господствующему въ нихъ тону. Содержаніемъ былинъ богатырскихъ и историческихъ служатъ исключительно событія историческія, т.-е. такія, которыя имѣли значеніе для жизни цѣлаго народа; напримѣръ—военные и гражданскіе подвиги богатырей, великія заслуги государей и историческихъ дѣятелей; войны и миры, успѣхи просвѣщенія и вообще всякія событія общенародной важности. Содержаніемъ же пѣсни лирической служатъ главнымъ образомъ обстоятельства тѣсной, домашней жизни, интересы родственные и семейные,

т.-е. именно такіе предметы, которые имѣютъ въ жизни человѣка по-преимуществу сердечное значеніе. Въ былинахъ богатырскихъ и историческихъ раскрываются главнымъ образомъ черты жизни общественной, а въ пѣсняхъ лирическихъ — черты жизни домашней, семейной.

Тонъ пѣсни находится въ тѣсной связи съ ея содержаніемъ. Въ пѣсняхъ богатырскихъ и историческихъ предметъ разработанъ спокойно и разобранъ со всѣхъ сторонъ. Такая разработка возможна именно потому, что предметъ взятъ изъ далекаго прошлаго, и предметъ этотъ имѣетъ важность для всѣхъ, для всего народа, а не для того или другого лица въ частности. Отсюда и такъ называемая объективность изображенія предмета, и такъ называемый эпически-спокойный тонъ въ пѣсняхъ богатырскихъ и историческихъ. Спокойно можно повѣствовать именно о томъ, что уже прожито, давнымъ-давно прошло и не хватаетъ за сердце повѣствователя. Въ пѣснѣ лирической тонъ другой—болѣе взволнованный, горячій. Въ немъ отражается не столько сила разсужденія, разбора, сколько сила чувства, затронутаго за живое. Эта разница въ тонѣ особенно замѣчается въ тѣхъ пѣсняхъ, содержаніемъ которыхъ служатъ обстоятельства жизни семейной, которая естественно волнуетъ сердце человѣка, радуетъ или мучитъ его. Пѣсня лирическая имѣетъ такой тонъ, какъ будто она раздается еще подъ вліяніемъ живыхъ, недавнихъ впечатлѣній самаго событія. Въ такихъ пѣсняхъ меньше эпическаго спокойствія, а больше лирическаго движенія.

Господствующій тонъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ заунывный и грустный. Лучшіе наши поэты такъ охарактеризовали русскую пѣсню. Пушкинъ сказалъ, что пѣсня русская вообще уныла, согрѣта печалью, наводитъ грусть и въ то же время нравится этой задушевной грустью.

Отъ ямщика до перваго поэта
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта:
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ;
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

(«*Домикъ въ Коломнѣ*». Строфа XV.)

По выраженію Гоголя, „тоскливая, рыдающая“ пѣсня русская „хватаетъ за сердце“. По отзыву обоихъ поэтовъ видно, что пѣсня и нравится, и трогаетъ сердце именно своей грустью. Значитъ, этотъ тонъ составляетъ существенную принадлежность народной русской пѣсни и выработался въ ней отъ причинъ давнишнихъ, общихъ.

Много причинъ грустнаго и унылаго тона русской народной пѣсни: однообразная, ровная мѣстность нашего отечества, суровый климатъ, въ которомъ преобладаетъ зима со всѣмъ гнетомъ вьюгъ, морозовъ и вѣчныхъ угрозъ сломить слабое сопротивленіе человѣка; далѣе—старинные патріархальные семейные нравы, при которыхъ личные интересы молодого поколѣнія совершенно и безусловно были подчинены интересамъ рода-племени; а воля отдѣльныхъ членовъ семьи была совершенно порабощена волею, а иногда и произволомъ, главы семейства. Отъ соображеній и расчетовъ главы семейства зависѣло рѣшеніе участи каждаго члена семьи. Наконецъ, въ числѣ важныхъ причинъ унылаго тона русской народной пѣсни находятся и тяжелыя историческія событія, которыя русскому народу пришлось вынести въ своей жизни. Къ такимъ событіямъ относятся: татарщина, смутное время съ самозванцами и междоусобіями, крѣпостное состояніе со всѣми своими тягостями.

Изъ всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ народной жизни въ лирической народной пѣснѣ чаще всего слышатся стѣснительныя условія домашней жизни, стѣснительныя до такой степени, что при нихъ весьма трудно было устроиться семейному благополучію. Въ первоначальный періодъ жизни нашихъ предковъ,—семейной жизни въ теперешнемъ смыслѣ слова, можно сказать, и вовсе не было. Лѣтописецъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что у многихъ славянскихъ племенъ—напримѣръ у Древлянъ, у Радимичей, у Вятичей, у Сѣверянъ—браки не существовали. Люди жили въ лѣсахъ по-звѣриному. Женъ добывали себѣ грабежомъ, подстерегали ихъ у рѣки, когда онѣ приходили за водой, и силою уводили (*умыкали*) къ себѣ. Иногда сходились на полѣ для игръ и здѣсь похищали себѣ женъ, сговорившись прежде. Этотъ послѣдній грабежъ все же нѣсколько мягче: тутъ есть предварительный уговоръ. *Умыканія* женщинъ, естественно, подавали поводъ ко взаимной враждѣ родовъ, племенъ, къ кровавой мести и войнамъ. Другой способъ добыванія женъ заключался въ покупкѣ ихъ. Этотъ способъ почти такой же древній, какъ и первый. При патріархальности нравовъ, покупка и продажа невѣсты устраивалась старшими, т.-е. отцами и родственниками: согласія молодыхъ людей тутъ не спрашивали. Между отцами начинался и оканчивался договоръ, *рядъ*. Отсюда и названіе невѣсты—*ряженая*, т.-е. договоренная. Видимымъ окончаніемъ договора служило то, что обѣ стороны подавали другъ другу правыя руки, *били по рукамъ*. Оттуда пошли названія *обрученье*, *рукобитье*, т.-е. сосватанье. Такъ какъ ни сердца, ни воли молодыхъ не спрашивали, старшіе сами, по своей волѣ, присуждали жениха невѣстѣ, а невѣсту—жениху, то понятно, отчего и пошли названія: *суженый*, *суженая*, да и самый бракъ въ народѣ назывался *судомъ Божіимъ*. („Смерть да жена—Богомъ суждена". Народная пословица.) При дальнѣйшемъ развитіи народной жизни покупка невѣсты смѣнилась брачнымъ договоромъ, понадобилось освѣдомляться о согласіи молодыхъ людей, о ихъ взаимной склонности; но и тутъ все же главными рѣшителями брачнаго союза остались старшіе распорядители семьи. У этихъ же распорядителей главными заботами при рѣшеніи брачнаго вопроса оказались денежныя, вообще—матеріальныя соображенія. Изъ такихъ соображеній въ большей части случаевъ происходили браки тяжелые, неровные, несчастные, особенно для женской половины.

Кромѣ тона, лирическія пѣсни отличаются отъ прочихъ народныхъ пѣсенъ тѣмъ, что представляютъ наибольшее развитіе характеристическихъ особенностей языка народной поэзіи. Въ лирическихъ пѣсняхъ болѣе, нежели въ остальныхъ, языкъ замѣчателенъ нѣжностью, задушевностью и образнымъ выраженіемъ мыслей и чувствъ. Различныя душевныя состоянія рисуются при помощи красивыхъ и притомъ совершенно невычурныхъ уподобленій, взятыхъ прямо изъ природы. *Солнце красное*, *соколъ-ясный*, *бѣлая лебедь*, *кукушечка*, *травушка-муравушка*, *ласточки-касаточки* и т. п. служатъ очень удачными способами сразу провести въ душу то или другое впечатлѣніе человѣка и его душевныхъ настроеній. *Постоянные эпитеты* и изобиліе ласкательныхъ и уменьшительныхъ словъ, чѣмъ вообще отличается языкъ народной поэзіи, въ лирическихъ пѣсняхъ встрѣчаются особенно часто. Ужъ земля непремѣнно — мать сыра земля, трава — шелковая, зеленая, море — синее, дубровушка — зеленая, березонька — кудрявая, лѣсъ — дремучій, батюшка — кормилецъ, матушка — родимая, мачиха — злая, свекровь — лютая и т. п. Еще большею живописью и граціей отличается

языкъ малорусскихъ лирическихъ пѣсенъ. Любимые мотивы этихъ пѣсенъ заключаются въ изображеніи нѣжной любви сестры, жены, матери, чувства тоски по родинѣ, грусти отъ долгой разлуки, страха за здоровье и благополучіе близкаго сердцу человѣка. И въ этихъ южныхъ пѣсняхъ природа принимаетъ еще болѣе рѣшительное, душевное участіе въ человѣческихъ радостяхъ и надеждахъ, печаляхъ и ожиданіяхъ. Унылая зозуля (кукушка), одинокій яворъ, плакучая ива, крещатый барвинокъ и т. п. предметы малороссійской природы служатъ *постоянными* символами различныхъ душевныхъ состояній, служатъ средствами для поэтическаго выраженія мыслей и чувствъ.

Народныя лирическія пѣсни раздѣляются на слѣдующія, наиболѣе замѣчательныя группы: пѣсни святочныя (подблюдныя и игорныя), хороводныя, свадебныя, семейныя и разгульныя (удалыя).

---

12. Пѣсни лирическія или бытовыя. (Окончаніе.)

Отголоски языческой старины въ пѣсняхъ подблюдныхъ и хороводныхъ, а также въ святочныхъ играхъ и гаданьяхъ. Образцы святочныхъ (подблюдныхъ и игорныхъ) пѣсенъ. Образцы пѣсенъ хороводныхъ, свадебныхъ, семейныхъ и разгульныхъ (удалыхъ). Краткое содержаніе и значеніе этихъ пѣсенъ.

Въ числѣ пѣсенъ лирическихъ подблюдныя и хороводныя представляютъ замѣчательную особенность. Въ нихъ, при господствующемъ лирическомъ направленіи, т.-е. выраженіи личныхъ сердечныхъ чувствъ и привязанностей, слышны нѣкоторые отголоски старинныхъ языческихъ вѣрованій. Въ самой обстановкѣ, при которой эти пѣсни поются, замѣтны остатки обрядностей стариннаго языческаго происхожденія. Извѣстно, что святочными пѣснями сопровождаются рождественскіе вечера (святки). Молодые люди собираются повеселиться. Святочное веселье непремѣнно требуетъ особенныхъ святочныхъ игръ. Тутъ и переряживанья, и гаданья. Въ обычаѣ переряживанья видны остатки того языческаго обряда, которымъ наглядно выражалась мысль о ненормальномъ состояніи всей природы—зимой (*О. Миллеръ:* „Опытъ историческаго обозрѣнія русск. словесности", стр. 38). Тоже и о гаданьи. Оно могло произойти только въ языческое время. Въ настоящее время молодые люди только забавляются святочнымъ гаданьемъ о близкомъ супружествѣ или замужествѣ; а встарину гаданье, навѣрно, имѣло болѣе серьезный смыслъ. Если „кормили счетнымъ курицу зерномъ", то отсюда старики выводили разныя заключенія о томъ, каковъ будетъ урожай того года, который наступаетъ вмѣстѣ съ *солноворотомъ* (см. обрядныя пѣсни). Въ томъ же смыслѣ замѣчательны разныя подробности при пѣніи подблюдныхъ и игорныхъ пѣсенъ. Молодые парни и дѣвушки усаживаются вокругъ большого стола, на которомъ поставлено блюдо и покрыто *скатертью-столечникомъ*. На блюдо гости складываютъ кольца, серьги и т. п. вещицы (фанты), которыя потомъ разыгрываются. Въ числѣ этихъ вещицъ непремѣнно находятся кусочки хлѣба, соли и угольки. Распорядительница игры, какая-нибудь опытная *сваха*, прежде всего поетъ пѣсню *хлѣбу да-соли;* прочіе подтягиваютъ. Далѣе, точно такъ же, поются одна за другой подблюдныя пѣсни и послѣ каждой вынимаются фанты. Кому принадлежитъ фантъ, тотъ по смыслу пѣсни и угадываетъ *свою судьбу*. Подблюдныя пѣсни имѣютъ разное значеніе: одна — къ скорому замужеству, другая — къ свиданію, то — къ замуже-

ству съ ровнею, то — къ сватанью, то — къ богатству или къ бѣдности и т. п. Самое загадыванье о судьбѣ, конечно, составляетъ слѣдъ языческихъ обычаевъ; угольки же, хлѣбъ и соль напоминаютъ собою обстановку языческихъ жертвоприношеній. Вѣроятно, нынѣшнія святочныя гаданья и игры составляютъ остатки старинныхъ языческихъ религіозныхъ обрядовъ въ честь солнца (см. пѣсни колядскія). Одна изъ любимыхъ святочныхъ игръ — *хороненіе золота*. Послѣ подблюдныхъ пѣсенъ остальное кольцо разыгрываютъ слѣдующимъ образомъ. Дѣвушки садятся въ кружокъ и складываютъ руки на колѣняхъ. Одна изъ дѣвушекъ беретъ *остальное* кольцо и, подъ пѣсню: „И я золото хороню, хороню", кому-нибудь незамѣтно опускаетъ кольцо въ руки, а дѣвушки передаютъ кольцо другъ дружкѣ, также незамѣтно. По окончаніи пѣсни пѣвица должна отгадать, у кого находится кольцо. Отгадаетъ — конецъ игрѣ. По объясненію изслѣдователей нашей старины (*О. Миллеръ:* „Опытъ ист. обозр. русской словесн." ч. I, стр. 39), въ обстановкѣ этой игры замѣтны признаки глубокой миѳической старины. Въ самой пѣснѣ видно указаніе на *небесное золото*, т.-е. *ясное, красное солнышко*, котораго благодатная, производительная сила, подъ вліяніемъ зимы, какъ будто похоронена до поры до времени. — Картина святочныхъ увеселеній и гаданій поэтически представлена въ балладѣ Жуковскаго: „Свѣтлана".

Образцы святочныхъ подблюдныхъ пѣсенъ: 1) „*Катилося зерно по бархату. Слава!*" — величанье хорошо подобранной пары — жениха съ невѣстою. 2) „*Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги. Слава!*" Эта пѣсня — къ богатому супружеству. 3) „*Растворю я квашенку на донышкѣ. Слава!*" Эта пѣсня — къ достатку и благополучію. 4) „*Слава Богу на небѣ. Слава!*" Величанье Государя и при этомъ случаѣ выраженіе лучшихъ народныхъ идеаловъ какъ о самомъ государѣ, такъ и о счастьи и благополучіи его державы. 5) Игорная: „*И я золото хороню, хороню*".

Образцы пѣсенъ хороводныхъ. Пѣсни хороводныя — самая любимая народомъ принадлежность всѣхъ сельскихъ праздниковъ и увеселеній, отъ весны и до осени. Нѣкоторыя изъ хороводныхъ пѣсенъ, напримѣръ: „*А мы просо сѣяли, сѣяли*", своимъ содержаніемъ и формою, указываютъ на остатки языческихъ вѣрованій и обычаевъ (см. пѣсни обрядныя), а нѣкоторыя просто выражаютъ тѣ или другія стороны народнаго житья-бытья или черты народнаго характера. Подъ пѣсню: „*Заплетися, плетень, заплетися*" молодые люди обоего пола становятся попарно, переплетаются руками, въ видѣ плетня, вытягиваются въ одну линію; а подъ конецъ пѣсни первая пара подымаетъ вверхъ руки; подъ эту арку начинаютъ постепенно проходить всѣ играющіе и такимъ образомъ плетень расплетается. — Съ пѣснею „*Скажи, скажи, воробышекъ*" соединяется игра *Воробышекъ*. Внутри круга игроковъ стоитъ хороводникъ и подъ вопросы и отвѣты пѣсни строитъ разныя болѣе или менѣе остроумныя мины, а иногда и кривлянья, съ цѣлью представить разные характеры и обычаи людей. Пѣсня и игра вполнѣ отвѣчаютъ юмористическому вкусу русскаго народа. — Въ пѣснѣ „*За моремъ синичка не пышно жила*" русскій народъ олицетворилъ свою семейную жизнь въ забавномъ образѣ свадьбы снѣгиря съ перепелкой. Во время пѣсни хороводникъ-снѣгирь, въ качествѣ жениха, ходитъ по хороводу и указываетъ то на одну, то на другую дѣвушку и такимъ образомъ выбираетъ себѣ перепелку-невѣсту. — Пушкинъ вспомнилъ эту пѣсенку въ своемъ стихотвореніи „Зимній вечеръ".

Образцы свадебныхъ пѣсенъ.

1) *„Перекатно красно солнышко“*. Вся пѣсенка представляетъ моментъ грустнаго раздумья дѣвушки о предстоящемъ ей замужествѣ. Видно, что въ душѣ у нея одинъ страхъ и—ни малѣйшаго желанія перемѣнить жизнь дѣвичью на замужнюю.

2) *„Что во свѣтлой во свѣтлицѣ“*. Поэтическій контрастъ беззаботной жизни дѣвушки въ родительскомъ домѣ съ жизнью замужемъ, въ чужой семьѣ: дома она весела и счастлива, пока дѣвушка; а здѣсь, въ мужниной семьѣ, она у свекра вѣковѣчная ключница, у свекрови—вѣковѣчная платьемойница.

3) *„У свово-то родима батюшка“*. И въ этой пѣснѣ тотъ же контрастъ, только развитъ въ подробностяхъ: въ родномъ домѣ дѣвушка на свободѣ, занимается своей красой, русою косой, расчесываетъ ее на крылечкѣ, смачиваетъ ключевой водой, сушитъ краснымъ солнышкомъ, а у свекра и свекрови прячется въ уголкѣ, за занавѣскою, мочитъ волосы слезами, сушитъ тоской да кручиной.

4) *„Цвѣла грушица во садику“*. Здѣсь выражена неизбѣжная судьба дѣвушки— разстаться съ родною семьей и беззаботною молодостью, перейти въ чужую семью и испытать на себѣ безконечныя пересмѣшки и пересуды и старухъ, и молодыхъ.—Тотъ же самый мотивъ, т.-е. горькое одиночество въ чужой семьѣ, художественно и трогательно развитъ въ пѣснѣ Кольцова: *„Доля бѣдняка“*.

5) *„Съ рѣченьки утушка слетывала“*. Здѣсь подробно развита мысль о томъ, съ какимъ недоброжелательствомъ и деверья, и золовки, не только свекоръ и свекровь, встрѣчаютъ невѣстку изъ чужой семьи. Послѣдняя съ грустью вспоминаетъ родительскій домъ и говоритъ: еслибъ знала, каково мнѣ предстоитъ житье, ни за что бы не подумала разстаться съ домомъ батюшки.

6) *„На зарѣ Иванъ-сударь-Петровичъ“*. Не только дѣвушкѣ, но и парню приходится жутко отъ перемѣны жизни холостой на женатую. Въ этой пѣснѣ, правда, Иванъ-сударь-Петровичъ какъ будто радуется при мысли, что скоро женится и на радости его кудри еще больше станутъ завиваться; но сама мать предостерегаетъ его. Не загадывай впередъ, говоритъ она ему: станутъ завиваться, если будутъ между вами совѣтъ да любовь; еслижъ нѣтъ, — то никакой гребень не поможетъ: отъ тоски, отъ кручины разовьются кудри черныя. — И этотъ народный мотивъ художественно развитъ у Кольцова въ пѣсняхъ *Лихача Кудрявича*.

7) *„На рѣчкѣ лебедушка кликала“*. Въ этой простосердечной и граціозной пѣсенкѣ рисуется состояніе души любящей, для которой весь міръ представляется свѣтлымъ и радостнымъ, подъ вліяніемъ искренняго, горячаго чувства.

Образцы пѣсенъ семейныхъ.

1) *„Отдавали молоду въ чужедальну сторону“*. По привѣтамъ, которыми встрѣчаютъ невѣстку въ чужой семьѣ, видно—какое предстоитъ ей семейное житье: вѣчные, тяжелые труды, вѣчная грубость и злоба мужниной родни.

2) *„Выдавала меня матушка далече замужъ“*. Ужасное положеніе молодой жены въ чужой семьѣ выражено такимъ образомъ, что сама мать, черезъ два года, не узнаетъ своей дочери: отъ непосильныхъ трудовъ и безпрестанныхъ побоевъ, недавняя красавица превратилась въ старуху.

3) *„Ахъ, кабы на цвѣты не морозы“*. Въ этой пѣснѣ съ замѣчательною сжатостью и ясностью разсказывается причина несчастнаго супружества. По духу пѣсни видно, что при устройствѣ судьбы дѣвушки старики руководствуются единственно заботой о богатствѣ и совсѣмъ не берутъ въ расчетъ ни сердечныхъ склонностей, ни даже равенства возрастовъ.

4) *„Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“*. По всей пѣснѣ проходитъ глубоко-грустный тонъ. Добрый молодецъ умираетъ отъ смертельной раны, на чужбинѣ, вдали отъ отца и матери, отъ жены и дѣтей. И въ началѣ, и въ концѣ пѣсни особенно сильно отдается тоска. Въ началѣ она сравнивается съ тяжелымъ туманомъ и дается почувствовать, что душѣ не избавиться отъ гнёта тоски. Въ концѣ пѣсни, въ ласковомъ обращеніи къ своему ратному товарищу-коню, умирающій завѣщаетъ снести его предсмертный привѣтъ „молодой вдовѣ“.

5) *„Да спасибо же тебѣ, синему кувшину“*. Въ этой немногословной, трогательной пѣснѣ цѣлая картина горемычной жизни. Отъ рожденья и до преждевременной старости однѣ слезы, сиротство, навѣты, неудачная любовь и „воздыханья“. Картина совершеннаго отчаянія становится еще тяжеле оттого, что горемыка старается потопить свое горе въ винѣ. Значитъ, при своемъ сиротствѣ, бѣдности и необразованности, онъ лишенъ средствъ отыскать себѣ болѣе благородное утѣшеніе и не видитъ въ своей жизни никакой доброй, мужественной задачи.

6) *„Ахъ ты, поле мое, поле чистое“*. Прелестная картина поля зеленаго и цвѣтистаго омрачается тѣмъ, что тутъ лежитъ „убитъ добрый молодецъ, избитъ, израненъ, исколотъ весь“ и надъ нимъ уже носятся хищныя птицы. Оканчивается пѣсня выраженіемъ печали родныхъ. Очень образно передана мысль о томъ, что печаль матери безутѣшнѣе и глубже всѣхъ прочихъ: она „какъ рѣка льется“. О печали молодой вдовы сказано, что она „какъ роса падетъ: красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ“. Другими словами: молодая вдова не долго поплачетъ, потомъ выйдетъ замужъ и — новая привязанность заглушитъ въ душѣ прежнюю привязанность.

7) *„Засвистали казаченьки въ походъ съ полуночи“*. Вся пѣсня — трогательная картина прощанья: мать и жена вмѣстѣ провожаютъ казака въ походъ. „Богъ знаетъ, вернусь ли я, говоритъ казакъ: прійми же, матушка, мою Марусю, какъ родную дочку“. Въ отвѣтѣ матери слышится мягкая, отрадная черта семейныхъ нравовъ Малороссіи. Мать говоритъ: я рада принять Марусеньку за родную, „а все же она *не такъ* меня будетъ (шановать) почитать и лелѣять“, т.-е. не такъ, какъ ты, мой родной сынъ.

8) *„Віютъ витры, віютъ буйны“*. Въ этой пѣснѣ граціозно развитъ тотъ же мотивъ, что и въ свадебной: *„На рѣчкѣ лебедушка кликала“*, а именно — грусть отъ разлуки съ близкимъ сердцу человѣкомъ. Только въ малорусской пѣснѣ мотивъ раскрытъ глубже и шире. Здѣсь тоскуетъ жена въ разлукѣ со своимъ мужемъ, тоскуетъ о потерѣ своего счастья. Среди этой тоски выдѣляются съ особенною силой два мѣста: благодарное воспоминаніе о прожитомъ счастьѣ — „хто счастливъ бувъ хоть часочокъ, по-викъ не забуде“ — и мысль о томъ, что безъ сердечныхъ привязанностей жизнь не жизнь.

Безъ милого доли нема,
Стане свитъ тюрьмою;

Безъ милого счастья нема,
Нема и покою.

Образцы пѣсенъ разгульныхъ (удалыхъ).

Разгульныя и удалыя пѣсни, повидимому, рѣзко отличаются отъ семейныхъ. Тѣ, семейныя, грустны и унылы; эти, разгульныя-удалыя, размашисты и шумны. Но—веселья и радости нѣтъ и въ этихъ пѣсняхъ. Напротивъ, въ нихъ слышится та же тоска; но она какъ будто заглушается на-время порывомъ буйнаго разгула, или—отчаянной ироніей надъ собственнымъ безвыходнымъ положеніемъ.

1) Пѣсня о хмѣлѣ, *„Какъ во городѣ было во Казани“*. Это нѣчто въ родѣ хвалебной оды хмѣлю, а въ то же время горькая насмѣшка надъ слабостью русскаго человѣка къ „синему кувшину“. Значеніе хмѣля выводится изъ того, какъ извѣстность хмѣля широко распространилась по всѣмъ мѣстамъ, по всѣмъ сословіямъ людей; какъ его всѣ знаютъ, уважаютъ и благословляютъ. Безъ него не обходятся на свадьбахъ и крестинахъ, при ссорахъ и мирахъ. Только мужикъ-крестьянинъ досаждаетъ ему тѣмъ, что глубоко его въ землю зарываетъ, „въ ретиво сердце тычинку вбиваетъ“. За эту досаду хмѣль мститъ тѣмъ, что забирается къ крестьянину въ голову, разыгрывается въ ней до крайности и превращаетъ человѣка въ сатану.

Ужъ я сдѣлаю его сатаною,
Я ударю его въ тынъ головою.

2) *„Не шуми, мати зеленая дубровушка“*. Бѣдность, необразованность, безотрадность семейной жизни и различныя тягости и неурядицы въ общественной жизни въ прежнее время бывали причиною, что простолюдинъ кидался въ другую крайность, искалъ забыться среди сильныхъ и страшныхъ ощущеній разбойничьей жизни. Въ пѣснѣ *„Не шуми, мати зеленая дубровушка“* рисуется картина тяжелаго раздумья одного изъ такихъ отчаянныхъ горемыкъ наканунѣ царскаго допроса. Воображеніе уже развертываетъ сцену самаго суда. Грозный судья спрашиваетъ:

Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ:
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?

И на всѣ эти вопросы дѣтинушка даетъ откровенные, смѣлые отвѣты:

Я скажу тебѣ, надежа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину.

И между тѣмъ, всѣ эти рѣшительные прямые отвѣты объясняютъ только одно,—что „дѣтинушка“ принимаетъ единственно на себя всю тягость казни, а товарищей не выдаетъ. Судья отдаетъ должную похвалу твердому характеру удалого дѣтинушки и жалуетъ его за то

Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

Тотъ же самый мотивъ художественно развитъ у Лермонтова, въ его *„Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“* (сцена допроса Калашникову, отвѣта его и резолюціи грознаго судьи).

ОБРАЗЦЫ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

Святочныя—подблюдныя.

1.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское [1]),
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ.
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Слава!
Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

(*Сахаровъ:* «Сказ. рус. народа». Т. I, кн. 3.)

2.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
Что первая-то радость—сына женитъ,
Слава!
Что другая-то радость—дочь замужъ отдаетъ,
Слава!
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
Слава!
А за дочерью сундуки везутъ.
Слава!

(*Сахаровъ:* «Сказ рус. народа». Тамъ же.)

3.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ.
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца свѣтла.
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!

(Оттуда же.)

Святочная—игорная.

4.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай, красная!

---

[1]) Бурмитское зерно—крупная, окатистая жемчужина. Словарь *В. И. Даля.*

Въ коей рукѣ былица!
И я рада бы гадала,
И я рада бъ отгадала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ первиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы, кумушки, вы, голубушки!
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину,
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодова,
Да на правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Призаиндивѣло, призаплѣснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

(*Сахаровъ:* «Сказ. рус. народа». Тамъ же.)

Хороводныя.

(Эта пѣсня на два хора.)

5.

1. А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли.
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой дидъ Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой дидъ Ладо, и т. д.
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ.
Ой дидъ Ладо, и т. д.
1. А мы коней переймемъ, переймемъ.
2. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
1. Шелковымъ поводомъ, поводомъ.
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ.
1. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
1. Не надо намъ тысячи, тысячи.
2. А что же вамъ надобно, надобно?
1. Намъ надобно дѣвицу, дѣвицу.

(Послѣ этого изъ второго хора дѣвица переходитъ къ первому.)

2. А нашего полку убыло, убыло;
1. А нашего полку прибыло, прибыло.

(*Сахаровъ:* «Сказ. рус. народа». Т. I, кн. 3.)

6.

Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?
Онѣ этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.

Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ молодцы ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ.

Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ старушки ходятъ?
Онѣ этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.

Скажи, скажи, воробышекъ,
Какъ злы люди ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ добрые сидятъ.

(*Сахаровъ:* «Сказ. рус. народа».)

7.

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала,
Солоду купила, хмѣлю взаймы взяла,
Черный дроздъ пивоваромъ былъ.
Дай же намъ, Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить и вина накурить,
Созовемъ къ себѣ гостей—мелкихъ пташечекъ,
Соловушка-вдовушка незваная пришла,
Снѣгирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собою говорить:

Что же ты, снѣгирюшка, не женишься?
Радъ бы жениться, да не кого взять!
Взялъ бы я пернатку,—да матка моя;
Взялъ бы я чечетку,—да тетка моя;
Взялъ бы я синичку,—сестричка моя;
Взялъ бы я сороку,—щекотливая;
Есть за моремъ перепелочка,
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяйкою,
Со малыми дитятами!

(Оттуда же.)

Свадебныя.

8.

Перекатно красно солнышко,
Ты звѣзда перекатная,
За облакъ звѣзда закатилася,
Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы во горницу,
Изъ столовой во новую;

Перешедъ, она задумалася,
А задумавшись, заплакала.
Во слезахъ слово молвила:
Государь мой, родный батюшка,
Не возможно ль того сдѣлати,
Меня дѣвицу—не выдати.

(Христоматія *Филонова*. Ч. II, стр. 92.)

9.

У свово-то родима батюшка,
У своей-то родимой матушки
Я чесала васъ, русы волосы,
Середи-то полу дубоваго;
Я мочила васъ, русы волосы,
Ключевой водой, холодною;
Я сушила васъ, русы волосы,
На крутомъ красномъ крылечикѣ
Я всходимымъ краснымъ солнышкомъ.

На чужой-то дальней сторонушкѣ,
Я у свекра, у батюшки,
Я у свекровки, у матушки,
Чесать стану васъ, русы волосы,
Во кутѣ [1]) да за занавѣсой,
Мочить стану васъ, русы волосы,
Я своими да горючими слезьми,
А сушить стану васъ, русы волосы,
Я своей тоской да кручинушкой,

[1]) Кутъ — уголъ, закоулокъ.

И запрутъ васъ, русы волосы,
На тридцать три замка,
На тридцать три ключа,—
И бросятъ эти ключики
Во сине море Хвалынское.
Сохватаетъ эти ключики
Рыба, да рыба бѣлая,—
Не услышатъ мои русы волосы
Ни пѣтья, четья [1]) церковнаго;
Не увидятъ мои русы волосы
Ни свѣту, да свѣту бѣлаго.

(Христ. *Филонова*. Ч. II, стр. 31.)

10.

Цвѣла грушица во садику,
Цвѣла моя во зеленомъ,
Жило мое дитятко,
Жило мое милое,
Во терему во высокомъ,
Во высокомъ, въ изукрашенномъ.
Не все тебѣ жить во теремѣ,
Не все тебѣ жить со дѣвицами,
Не все тебѣ быть со красными.
Какъ пріѣдетъ Иванъ, господинъ,
Иванъ сударь Петровичъ,
Завезетъ тебя къ себѣ домой,
Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
Къ молодымъ ли все молодушкамъ.
Молодыя ли ужъ молодушки
Родились всѣ примѣтливы,
Всѣ примѣтливы, всѣ насмѣшливы.
Ступишь ли ногой?
Поглядятъ всѣ за тобой;
Махнешь ли рукой?
Засмѣются надъ тобой;
Молвишь ли словечко?
Передразнивать начнутъ;
Сядешь ли за столъ?
Всѣ куски во рту сочтутъ;
Станешь ли молчать?
Станутъ дурой величать.

(*Сахаровъ*: «Сказ. русск. нар.». Т. I.)

11.

Съ рѣченьки утушка слетывала,
Съ тихой сѣрая вспархивала,
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрая
На бурное, на сине море.
Не знала утушка,
Не знала сѣрая:
Гдѣ ей опуститися?
Отъ вихоря уклонитися?
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой ты, рѣчка, рѣченька,
Ты рѣчка ли моя, тихая!
Кабы знала я да вѣдала
Такую надъ собой невзгодушку,
Разстаться бы съ тобой не подумала.
Сходила съ терема Машенька,
Сходила съ высокаго Ефимовна,
Пріѣзжала ко свекору въ домъ;
Свекоръ — батюшка не ласковый,
Не ласковый, не какъ родной.
Входила ко свекрови во теремъ.
Свекровь матушка угрюмая,
Угрюмая, не какъ родимая.
Деверья по свѣтличкѣ похаживаютъ,
Объ ней все поговариваютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстка
Не хороша, не пригожа,
Не ласкова, не привѣтлива;
Золовушки перешептываютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстка
Не горазда ничему:
Ни ткать, ни прясть,
Ни золотомъ шить,
Ни щей сварить, ни пирога испечь,
Ни пѣсенку запѣть,
Ни во дудочку, ни поплясать;
А словечушко промолвитъ,
За другимъ въ карманъ пойдетъ.
Ужъ не знала Машенька,
Ужъ не вѣдала Ефимовна,

---

[1]) Четья — чтенія.

Куда ей дѣватися,
Куда ей укрытися
Отъ насмѣшекъ, отъ зависти?
Что всплачетъ, что возгорюется.
Что восгорюется, что востоскуется:
Ой ты, теремъ мой у батюшки,
Ой ты, высокій мой у матушки!
Кабы знала я да вѣдала
Здѣсь себѣ таково житье;
Разстаться бы съ тобой я не подумала,
Выдти бы изъ тебя не помыслила;
Я жила бы въ тебѣ смирнешенько,
Я была бы въ тебѣ веселешенька,
Не знала бы я тоски и горести.

(Христ. *Филонова*. Ч. II, стр. 23.)

12.

На зарѣ Иванъ сударь Петровичъ
Вставалъ ранешенько,
Умывался бѣлешенько,
Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
Чесалъ кудри черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Завивайтесь, кудри,
Завивайтесь, черныя!
Ужъ, какъ завтра ли васъ, кудри,
Ужъ какъ завтра ли васъ, черныя,
Не самъ буду завивати,
Станетъ завивати красная дѣвица.
А и матушка родимая,
А и слышавши его рѣчи,
Говорила своему сыну милому:
Дитя ли мое, дитятко,
Дитя ли мое, милое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай,
Какова рука у дѣвицы?
Какова еще бѣлая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя;
Коли будетъ совѣтъ да любовь,
Кудри сами станутъ завиваться.
Коли будетъ кось да перекось,
Не развившй, станутъ развиваться.
Ужъ, завьются ли кудри,
Ужъ завьются ли черныя,
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костянаго;
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя,
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя,
Ото печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

(Христ. *Филонова*. Ч. II, стр. 26.)

13.

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
На быстрой бѣлая кликала:
Ты лети, лети, лебедь мой,
Ты лети, лети, бѣлый мой!
Безъ тебя ли, лебедушка,
Рѣчка не такъ течетъ,
Въ полѣ трава не зелена.
Въ теремѣ Марьюшка плакала,
Во высокомъ Ефимовна плакала:
Ты иди, иди, суженый мой,
Ты иди, иди, ряженый мой!
Скорѣй иди, Петръ, господинъ,
Петръ, сударь, Петровичъ!
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Темно красное солнышко;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Теремъ не такъ стоитъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сахарныя яства на умъ не идутъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сладкаго меду не хочется;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Денечекъ весь пасмуренъ.

(Оттуда же.)

14.

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила!
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле!...
И я батюшкѣ-то говорила,
И я свѣту мому доносила:

Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, сударь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:—
Не съ богатствомъ мнѣ жить, съ человѣкомъ;
Не въ хоромахъ нужда, а въ совѣтѣ.

(*Сахаровъ:* «Рус. нар. сказ.». Т. I.)

15.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Уже не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ:
У огонечка разостланъ шелковый коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горючую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ молвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду-племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

(Христ. *Филонова*. Ч. II, стр. 33.)

16.

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску, кручину!
Посѣдѣла-то моя буйная головушка
Ни отъ время, ни отъ лѣтъ, все отъ безвременья;
Я родился во слезахъ, во слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ;
Красна дѣвица-душа не для утѣшенья,
Все для слезъ же меня, молодца, полюбила;
Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,
Изсыхаетъ бѣла грудь отъ тяжкихъ воздыханій.
Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску, кручину!

(*Сахаровъ:* «Рус. нар. сказ.». Т. I.)

17.

Ахъ ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ, поле, обезчещено:
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выростадъ тутъ частъ ракитовъ кустъ;
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ.
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ, какъ рѣка льется;
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ.
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

(*Сахаровъ:* «Сказ. рус. нар.». Т. I.)

18.

(Малорусская рѣчь.)

Вiютъ витры, вiютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся;
Ой, якъ болитъ мое сердце,
Сами слезы льются!
Трачу лита въ лютомъ гори
И кинця не бачу,
Тильки мини й легче стане,
Якъ трошки поплачу!
Не поможутъ слезы счастью,
Сердцю легче буде!
Хто счасливъ бувъ хоть часочекъ,
По-викъ не забуде!
Есть же люди, що и моей
Завидуютъ доли;
Чи счастлива жъ та былинка,
Що росте у поли?
Ой у поли, на песочку,
Безъ росы, на сонци...
Тяжко житы безъ милого
На чужой сторонци!

Безъ милого доли нема,
Стане свитъ тюрьмою;
Безъ милого счастя нема,
Нема и покою!
Де ты, милый, чернобривый?
Де ты, — озовися!
Якъ безъ тебе я горюю, —
Прійди, подивися.

До кого я пригорнуся,
И хто приголубить, —
Коли нема того тута,
Якей мене любить!
Политила бъ я до тебе,
Да крылецъ не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе,
Всякъ часъ умираю!

(Христ. *Филонова*. Ч. II, стр. 42.

Разгульныя (удалыя.)

19.

Какъ во городѣ было во Казани,
Середи было торгу на базарѣ:
Хмѣлюшка по торгу гуляетъ,
Да и самъ себя Хмѣль выхваляетъ,
Что и нѣтъ-то меня, Хмѣлюшки, лучше,
Хмѣлевой моей головки веселѣе...
Еще Царь-Государь меня знаетъ,
Господа, бояре уважаютъ,
Священники-попы благословляютъ;
И крестинъ безъ меня не бываетъ,
Да и свадьбы безъ Хмѣля не играютъ.
Еще въ домѣ подерутся-побранятся,
Да и тутъ безъ Хмѣля не мирятся.
Только лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Онъ широкія борозды копаетъ,
Глубоко меня, Хмѣля, зарываетъ;
Въ ретиво сердце тычинку вбиваетъ...

Ужъ какъ тутъ-то я, Хмѣль, догадался:
По тычинушкѣ вверхъ увивался,
Распустилъ свои яровы шишки.
Красны дѣвушки Хмѣлинушку сбирали,
Въ рогожные кули зашивали,
На овинѣ меня, Хмѣлюшку, сушили,
На базаръ меня, Хмѣля, вывозили,
Что богатые мужики покупали,
Во суслицѣ меня, Хмѣлюшку, топили...
По дубовымъ бочкамъ разливали...
Ужъ какъ тутъ-то я, Хмѣль, догадался:
По утрамъ я, Хмѣль, расходился,
Въ молодецкія головы забирался,
Не въ одномъ мужикѣ разыгрался...
Отсмѣю жъ я крестьянину насмѣшку:
Ужъ я сдѣлаю его сатаною,
Я ударю его въ тынъ головою!

(Оттуда же.)

20.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати;
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ меня Царь-Государь спрашивати:
„Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?“
— Я скажу тебѣ, надежа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,

Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первый мой товарищъ — темна ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій мой товарищъ — добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы. —
Что возговоритъ надежа, православный Царь:
„Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною."

(*Сахаровъ:* «Сказ. рус. нар.». Т. I.)

